

Прот.СергійЧетвериковъ

ОПТИНА
ПУСТЫНЬ

Умса press
paris

О. Іеросхимонахъ Амвросій

Протоіерей Сергій Четвериковъ.

ОПТИНА ПУСТЫНЬ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

и

ЛИЧНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ

Съ приложеніемъ писемъ И. В. и Н. П. Кирѣевскихъ,
Московскаго Митрополита Филарета, Н. В. Гоголя,
Т. И. Филиппова, Ст. П. Шевырева и др. лицъ къ
оптинскимъ старцамъ.

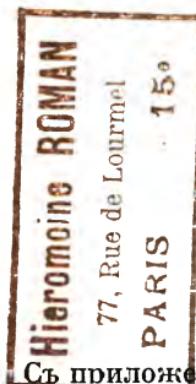
✓ 3/5.

Протоіерей Сергій Четвериковъ.

Священник С. Золотарь.

Срібнська Падвіль. Париж.

ОПТИНА ПУСТЫНЬ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ
и
ЛИЧНЫЯ ВОСПОМИНАНИЯ

Съ приложениемъ писемъ И. В. и Н. П. Кирѣевскихъ,
Московскаго Митрополита Филарета, Н. В. Гоголя,
Т. И. Филиппова, Ст. П. Шевырева и др. лицъ къ
оптинскимъ старцамъ.

YMCA PRESS
PARIS

Printed in France

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мое знакомство съ Оптиной Пустынью началось въ Іюнь 1891 года, когда мы, четыре студента Московскаго Университета (одинъ медикъ, два юриста и одинъ филологъ) путешествовали пѣшкомъ изъ Москвы въ Киевъ съ цѣлью поближе ознакомиться съ нашей родиною. Мы пробыли тогда въ Оптиной Пустини всего лишь одинъ день, и почти ничего въ ней не видѣли. Тогда еще былъ живъ знаменитый Оптинскій старецъ іеросхимонахъ Амвросій, проживавшій въ то лѣто въ Шамординѣ, въ 12 верстахъ отъ Оптиной Пустини, но мы, по своему легкомыслію, не сочли нужнымъ сдѣлать нѣсколько лишнихъ верстъ въ сторону, чтобы повидать его и получить его благословеніе.

Въ слѣдующій разъ я пришелъ въ Оптину Пустынью уже одинъ, также изъ Москвы, лѣтомъ 1894 года, будучи уже студентомъ Московской Духовной Академіи. Старца Амвросія уже не было въ живыхъ. Скончался и его ближайшій помощникъ по устроенію Шамордина, скитона-чальникъ іеросхимонахъ Анатолій. Старчествовалъ ученикъ о. Амвросія, іеросхимонахъ Іосифъ,

живший въ его хибаркъ, въ скиту. Въ этотъ разъ я прожилъ въ Оптиной Пустыни около недѣли, говѣть, постыль скитъ и о. Іосифа, бытъ у настоятеля монастыря, о. архимандрита Ісаакія, произведшаго на меня сильное впечатлѣніе своимъ самоуглубленнымъ спокойствіемъ, простотою и молитвенными слезами при богослуженіи. На этотъ разъ я близко разсмотрѣлъ Оптина Пустынь. И она произвела на меня глубокое впечатлѣніе запавшее въ мою душу навсегда. Я впервые ощутилъ тамъ вѣяніе истинной духовной жизни, отъ которой какъ бы расцвѣла и моя собственная душа.

Послѣ этого я не видалъ Оптиной Пустыни цѣлыхъ семь лѣтъ, отвлеченный обстоятельствами личной жизни, но я не переставалъ сохранять въ душѣ свое свѣтлое воспоминаніе объ этомъ монастырѣ, и это воспоминаніе каждый разъ действовало на мою душу оживляющимъ и освѣжающимъ образомъ. Я выписывалъ изданія Оптиной Пустыни, читалъ ихъ и перечитывалъ, и этимъ поддерживалъ свое внутреннее обиженіе съ нею. Въ третій разъ я постыль Оптина Пустынь, уже будучи священникомъ, въ 1901 году, и прожилъ тамъ съ семьюю все лѣто. Результатомъ этого постыденія была написанная мною въ слѣдующемъ году брошюра: «На Службѣ Богу — на службѣ ближнімъ». Въ четвертый разъ я бытъ въ Оптиной Пустыни лѣтомъ 1905 года, занимаясь тамъ подготавленіемъ къ печати собранія писемъ старцевъ о. Амвросія и о. Анатолія,

изданныхъ обителю въ 1909 году. Знакомство съ письмами о. Амвросія возвудило во мнъ желаніе составить его полное жизнеописаніе, что и было мною сдѣлано лѣтомъ 1911 года въ той же Оптиної Пустыни. Слѣдующее лѣто 1912 года, я провелъ въ Шамординѣ, заканчивая тамъ и подготавляя къ печати свое жизнеописаніе старца о. Амвросія. Въ Шамординѣ же и провелъ съ семьею лѣто 1913 года, постѣцая при этомъ довольно часто и Оптиної Пустынь. Лѣто 1914 года я снова провелъ съ семьею въ Оптиної Пустыни. Послѣ того я еще разъ, уже одинъ, постѣтилъ Оптиної Пустынь въ Сентябрь 1918 года, по пути изъ Москвы въ Полтаву. Это девятое постѣщеніе Оптиної Пустыни было моимъ прощаніемъ съ нею, и оставило во мнъ неизъяснимо-врустное воспоминаніе. Чувствовалось, что надѣ обителю нависла жуткая власть большевиковъ, и что недалеки дни ея полнаго запустынія. Съ тѣхъ поръ я потерялъ возможность не только бывать въ Оптиної Пустыни, но даже и получать оттуда письма.

ВѣсЬ вышезложенныя подробности рассказаны мною съ тою цѣлью, чтобы показать, что Оптина Пустынь извѣстна мнъ не изъ вторыхъ рукъ и не по чужимъ рассказамъ, и что весь мой послѣдующій разсказъ будетъ основанъ, главнымъ образомъ на моихъ собственныхъ наблюденіяхъ и впечатлѣніяхъ.

Въ приложениі къ описанію Оптиної Пустыни помѣщаются письма къ Оптиńskимъ Старцамъ И. В. и Н. П. Кирьевскихъ, Московскаго Митрополита Филарета, Н. В. Гоголя, Т. И. Филиппова, проф. Ст. П. Шевырева и другихъ лицъ, ярко освѣщающія издательскую дѣятельность Оптиної Пустыни пристарцъ Макаріи въ 40-хъ и 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія, а также и личность незабвеннаго русскаго философа Ивана Васильевича Кирьевскаго.

Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ были уже напечатаны раньше въ русскихъ духовныхъ журналахъ, другія появляются въ печати впервые.

Письма были получены мною отъ Русской Матицы, которой они были предоставлены В. М. Кашкаревымъ. За сообщеніе писемъ приношу глубокую благодарность проф. А. Д. Билимовичу.

Протоіерей Сергій Четвериковъ.

Братислава.

1926. г. II.

I.

МѢСТОПОЛОЖЕНІЕ И ВНѢШНІЙ ВИДЪ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ.

Оптина Пустынь расположена въ двухъ верстахъ отъ небольшого, стариннаго уѣзднаго города Козельска Калужской губ., на правомъ берегу не широкой, но глубокой и полноводной рѣки Жиздры, у опушки огромнаго вѣкового бора, который въ глубину тянется на 30 верстъ, а въ длину идетъ отъ знаменитыхъ Брянскихъ лѣсовъ Орловской губерніи до столь же знаменитыхъ Муромскихъ лѣсовъ Владімірской губерніи. Бѣлыя монастырскія ~~зданія~~ и стѣны и голубыя главы церквей съ золотыми крестами красиво

и величаво выступаютъ на зеленомъ фонѣ сосенъ и елей. Глубокая тишина лѣса нарушается лишь шорохомъ падающей вѣтки или звукомъ птичьихъ голосовъ. Воздухъ напоенъ дивнымъ ароматомъ. Въ отдаленіи живописно раскинулся на холмѣ Козельскъ, оживляя общую картину, но не нарушая тишины и безмолвія. Откуда бы ни приближался путникъ къ Оптиної Пустыни, отъ Лихвина ли по глухой лѣсной дорогѣ, мимо такъ называемаго «Чортова Городища» (неизвѣстно откуда взявшійся груды огромныхъ, въ беспорядкѣ нагромажденныхъ, камней и скалъ среди сплошного лѣса), или отъ Калуги по «большаку», или, наконецъ, отъ Козельска лѣсомъ по правому берегу Жиздры, или лугомъ по лѣвому ея берегу — Оптина Пустынь производитъ одинаково сильное, глубокое и какое-то умиротворяющее душу впечатлѣніе. Обычно богомольцы направляются въ Оптину Пустынь со станціи желѣзной дороги черезъ Козельскъ лугомъ по лѣвому берегу Жиздры, которую уже подъ самымъ монастыремъ перѣѣжаютъ на монастырскомъ паромѣ. Не разъ Оптинцамъ совѣтовали замѣнить паромъ постояннымъ мостомъ для удобства богомольцевъ, но они упорно хранили свою старину, какъ бы опасаясь устройствомъ моста уничтожить преграду, отдѣляющую монастырь отъ міра. И, несомнѣнно, въ этомъ паромѣ заключалась какая-то особенная прелесть. Неоднократно подѣзжая и подходя къ Оптиної Пустыни и днемъ и поздно вечеромъ, я каждый разъ испытывалъ одно и тоже ощущеніе.

Прежде всего, съ наслажденіемъ чувствуешьъ, что оторвался отъ городской, суетливой, духовно безплодной, и утомительной жизни. Всею грудью вдыхаешь чистый, легкій, ароматный луговой воздухъ, напоенный благоуханіемъ травъ и цветовъ, любуешься открывающимися передъ тобою далями и видами, раскинувшимся надъ тобою необъятнымъ небеснымъ сводомъ, ночью усыпанымъ яркими прекрасными звѣздами, которыхъ въ городѣ почти никогда не видишь. Чѣмъ ближе подъѣзжаешь къ монастырю, тѣмъ сильнѣе охватываетъ душу особое чувство: Словно открывается дверь въ XIV и XV вѣкѣ, и оттуда вѣтъ старинною, благочестивою Русью, словно души древнихъ подвижниковъ и молитвенниковъ и ихъ тихія кельи раскрываются передъ вами свой внутренній міръ. Экипажъ тихо спускается къ рѣкѣ, и мы поджидаемъ паромъ, который медленно перегоняется съ противоположной стороны рѣки монахомъ-паромщикомъ. Осторожно и медленно, привычнымъ шагомъ, всходятъ кони на паромъ, громко стуча по доскамъ копытами. Монахъ привѣтливо здоровается съ прибывшими и беретъ благословеніе у священника. Ямщикъ сходитъ съ облучка, разминаетъ застывшія ноги, и помогаетъ паромщику тянуть канатъ. Они уже давно знакомы между собою и обмѣниваются другъ съ другомъ словами. Рѣка тихо плещется у парома. Всплескиваетъ рыба. Слышатся привычныя рѣчи о глубинѣ рѣки, и о ея рыбномъ богатствѣ. Проходитъ моментъ, и паромъ тихо ударяетъ въ мо-

настырской берегъ. Ямщикъ и паромщикъ закрѣпляютъ паромъ, монахъ отодвигаетъ заграждающее бревно, ямщикъ садится на свое мѣсто, подбираетъ возки, и экипажъ быстро вѣзжаетъ на высокій берегъ. Направо стоитъ сторожка паромщика, а у самой дороги столбъ съ укрѣпленной на ней иконой Богоматери, имени которой посвящена обитель. Обогнувъ яблоневый садъ и повернувъ направо, ямщикъ подвозитъ нась къ ближайшей гостинницѣ, которою много лѣтъ завѣдуетъ о. Михаилъ. Это та самая гостинница, въ которой останавливался въ послѣдній свой прїездъ въ Оптину Пустынь гр. Л. Н. Толстой. Гостинница о. Михаила вмѣстѣ съ гостинницей о. Ионы расположены по правую и лѣвую сторону отъ Св. вратъ. По деревянной лѣстницѣ, покрытой чистой дорожкой, мы поднимаемся во второй этажъ, гдѣ намъ отводятъ номеръ, уютно обставлѣнныи старинною разнокалиберною мебелью, съ иконами въ кіотахъ въ переднемъ углу, съ теплящеюся передъ ними лампадою, съ видами св. обителей по стѣнамъ, съ цвѣтами на окошкахъ, съ кроватями, покрытыми чистымъ и свѣжимъ бѣльемъ, съ запахомъ ладана, кипариса, хлѣба и постныхъ щей. Если мы прїезжаемъ поздно вечеромъ, о. Михаилъ приглашаетъ нась не вставать къ заутренѣ, которая начинается въ часъ ночи. Мы однако слышимъ сквозь сонъ звонъ будильнаго колокольчика и слова монаха «пѣнію — время, молитвъ—часъ», слышимъ и благовѣсть монастырскаго колокола, возвѣщающаго о началѣ

утрени, но успокоенные разрѣшеніемъ о. Михаила безмятежно спимъ до утра. Но если бы мы не полѣнились, встать къ заутрени—мы обѣ этомъ на пожалѣли бы. Будничная предразсвѣтная заутрена имѣеть свою прелесть. Предразсвѣтныя звѣзды ярко сверкаютъ на темномъ небѣ. Чувствуется ночная свѣжесть. Рѣдкія фигуры бого-мольцевъ съ разныхъ сторонъ направляются къ храму. Въ храмѣ, слабо освѣщенномъ лампадами, очередной чтецъ уставнымъ способомъ читаетъ полунощницу, освѣщаю страницы старинной, закапанной воскомъ, большой книги огаркомъ восковой свѣчи. Въ полумракѣ видны стоящія у стѣнъ темныя фигуры монаховъ, погруженныхъ въ молитву. Продолжительная и однообразная служба утомляетъ насъ, и насъ начинаетъ клонить ко сну. Но мы преодолѣваемъ дремоту и къ концу службы снова чувствуемъ себя бодрыми. Отъ заутрени мы выходимъ изъ храма, когда на востокѣ уже появляется свѣтлая полоса наступающаго дня. Усталые, мы приходимъ въ свой номеръ и, согрѣтые его тепломъ, крѣпко засыпаемъ. *

Часовъ въ девять утра идемъ къ поздней обѣднѣ. По широкой, каменной лѣстницѣ мы поднимаемся къ Св. воротамъ подъ колокольнею, минуя находящуюся на лѣстницѣ по правую сторону монастырскую лавочку запертую въ часы богослуженія. Въ окнѣ лавочки выставленъ портретъ старца іеросхимонаха Амвросія, почивающаго въ гробу, написанный красками въ натуральную

величину, и такъ живо, что у окна всегда собирается группа богомольцевъ, удивляющаяся натуральности изображенія. Пройдя св. врата, мы входимъ въ монастырскій дворъ, и прямо передъ собою видимъ главный монастырскій храмъ во имя Введенія во храмъ Божіей Матери. Храмъ не отличается ни красотою архитектуры, ни размѣрами.

Какъ и все въ Оптино Пустыни, онъ носить на себѣ печать скромности и простоты. Неспѣшно, но и безъ утомительной медлительности, чинно и строго, совершаются богослуженіе. Чинно и благоговѣйно, въ клобукахъ и мантіяхъ, стоять у стѣнъ монахи, совершая уставные поклоны и колѣнопреклоненія. Міряне, столпившись ближе къ алтарю, слѣдуютъ въ поклонахъ примѣру иноковъ. Хоры пѣвчихъ, на правомъ и лѣвомъ клиросахъ, не поражая стройностью и тонкостью исполненія, захватываютъ молящихся своимъ одушевленіемъ. Въ свое время отчетливо читаются краткія, простыя и назидательныя поученія.

Направо отъ храма Введенія Богородицы находится зимній храмъ во имя Казанской иконы Божіей Матери, въ которомъ погребены бывшіе настоятели Оптино Пустыни — о. архимандритъ Моисей, о. архимандритъ Исаакій, и др. Налѣво отъ Введенскаго храма находится храмъ въ честь препод. Маріи Египетской, въ которомъ ежедневно служатся раннія обѣдни. Впереди Введенскаго храма, къ востоку отъ него, находится храмъ въ честь Владимірской Иконы

Божієй Матері. Въ этомъ храмѣ день и ночь читается заупокойная псалтирь и устроено нѣсколько келлій для братіи. Все пространство между названными четырьмя храмами занято братскимъ кладбищемъ, которое можно назвать надгробною лѣтописью монастыря. Можно часами ходить по этому кладбищу, читая надмогильные надписи, и вся прошлая жизнь обители въ лицѣ ея умершихъ иноковъ и подвижниковъ выростаетъ передъ духовнымъ взоромъ читающаго. Вотъ съ южной стороны алтаря Введенского храма расположены рядомъ могилы трехъ великихъ Старцевъ — іеросхимонаховъ Льва (Наголкина), Макарія (Иванова) и Амвросія (Гренкова), съ характерными и знаменательными на нихъ надписями. У ногъ старца Макарія почиваетъ его духовный сынъ, русскій философъ, Иванъ Васильевичъ Кирющій. Слѣва отъ него его братъ Пётръ Васильевичъ, собиратель народныхъ пѣсенъ, справа — его жена, Наталья Петровна. У ногъ старца Амвросія находится могила его ученика старца іеросхимонаха Іосифа. Далѣе идутъ могилы — скитоначальниковъ Иларіона, Анатолія и Пафнутія, іеромонаха Даніила (Болотова), почитателей и благотворителей Оптиної Пустыни, еще дальше, около Казанскаго собора, могила о. Архимандрита Серапіона (Машкина) и другихъ, имена которыхъ вызываютъ въ душѣ волнующія воспоминанія. За кладбищемъ къ юго-востоку виденъ небольшой, одноэтажный деревянный домикъ настояте-

ля Пустыни, въ чистенькомъ, свѣтломъ и уютномъ зальцѣ котораго развѣшаны по стѣнамъ портреты Калужскихъ архіереевъ, настоятелей и старцевъ Оптиної Пустыни. Кто только не перебывалъ въ этомъ зальцѣ, начиная отъ царственныхъ особъ и высшихъ представителей церкви, отъ ученыхъ и писателей, и кончая простыми крестьянами, студентами и курсистками!

Далѣе, вдоль монастырскихъ стѣнъ тянутся корпуса монастырскихъ зданій, въ которыхъ помѣщаются трапезная, мастерскія и келліи монастырскихъ братій. Весь монастырь окружено выѣленною кирличною оградою съ башнями по угламъ, представляющею правильный четыреугольникъ, съ воротами на каждой изъ его четырехъ сторонъ. О св. вратахъ, находящихся на западной сторонѣ, мы уже упоминали. Ворота, находящіяся на сѣверной сторонѣ, ведутъ во дворъ новой монастырской гостиницы, за которымъ идутъ домикъ Шамординскихъ сестеръ, «консультскій» домъ, гдѣ проживалъ К. Н. Леонтьевъ, и другія зданія. Южныя ворота выходятъ на больничный дворъ, гдѣ помѣщается отлично устроенная, чистая и просторная братская больница, съ храмомъ.

Черезъ восточные ворота мы выходимъ въ чащу окружающего Оптину Пустынь лѣса, и по узенькой дорожкѣ, проходящей между огромными соснами, доходимъ до Скита во имя Успенія Главы Св. Иоанна Предтечи. Скитъ, это отдѣленіе монастыря, гдѣ жизнь проводится

Внутрінній видъ скита

(*) Келлія старца Амвросія

(**) Келлія скитонаочальника О. Макарія и егопреемниковъ;

болѣе уединенно и по отличному отъ монастыр-
скаго порядку. Внѣшній видъ Оптинскаго Скита
подробно описанъ въ «Братяхъ Карамазовыхъ»
Достоевскаго. Дорожка, ведущая отъ монастыря
къ скиту, дѣлаетъ нѣсколько изгибовъ, и вотъ
за послѣднимъ изгибомъ открывается невысокая
розовая колоколенка, со св. вратами подъ нею.
Надъ вратами находится образъ Усѣкновенія
главы св. Іоанна Предтечи, а около вратъ, по
стѣнамъ, помѣщены изображенія святыхъ пустын-
ножителей восточныхъ и русскихъ. Рядомъ съ
колокольнею, съ обѣихъ ея сторонъ, находятся
такъ называемыя «хибарки», куда старцы вы-
ходили внутренними ходами изъ своихъ келлій,
находившихся внутри скита, для пріема лицъ
женскаго пола, не имѣющихъ права входить въ
самый скитъ. Отъ «хибарокъ» начинается дере-
вянная ограда, охватывающая четыреугольни-
комъ весь скитъ. Переступивъ порогъ св. воротъ,
мы сразу проникаемъ въ міръ особеннаго глубокаго
безмолвія, какъ будто бы здѣсь, за этимъ
порогомъ, нѣтъ ни одной живой души человѣче-
ской. Въ то же время нась поражаетъ богатство
разнообразныхъ цвѣтовъ, которые широкими
лентами тянутся вдоль всѣхъ дорожекъ скита,
отъ св. вратъ къ церкви, отъ церкви къ трапезной
и т. д. Лѣтомъ, въ тихій солнечный день, они
наполняютъ скитъ своимъ благоуханіемъ, а
надъ ними слышится непрерывное жужженіе
пчелъ, единственный, кажется, звукъ, нару-
шающій, или, лучше сказать, оживляющій глу-

бокое безмолвіє скита. Ни одного человѣка не видно внутри скита. Мы идемъ къ небольшой деревянной церковкѣ, стоящей прямо противъ св. вратъ. Церковь эта отличается особенною простотою. Въ сѣняхъ стоитъ ведро съ свѣжею, чистою водою, и около него кружка. Тутъ же видна дверь въ небольшую келлійку монаха, наблюдающаго за церковью. Сама церковь напоминаетъ обычный небольшой залъ, очень чистый и свѣтлый. Въ окнахъ нѣтъ рѣшетокъ. На стѣнѣ висятъ часы. Мы осматриваемъ церковь, заходимъ въ алтарь, прикладываемся къ иконамъ, и уходимъ, не встрѣтивъ ни души. Кромѣ этой первоначальной скитской церкви, недавно выстроена въ скиту другая, каменная, церковь, но она по своей архитектурѣ какъ-то не подходитъ къ пустынному виду скита. Внутри скитъ имѣть слѣдующее расположение. Направо отъ св. вратъ находится знаменитая келлія старца іеросхимонаха Амвросія. Это — небольшой домикъ, выходящій окнами въ цвѣтникъ. Мы входимъ въ него по деревянному крылечку черезъ тѣсныя сѣнечки, увѣшанныя лубочными картинками и текстами духовнаго содержанія. Изъ сѣней входимъ въ узкій коридорчикъ, раздѣляющій домикъ на двѣ половины. Первая дверь направо ведетъ въ небольшую зальцу, парадную пріемную старца. Въ этой комнатѣ весь передній уголъ уставленъ иконами, передъ которыми теплятся лампады. Стѣны сплошь увѣшаны портретами извѣстныхъ подвижниковъ, видами монасты-

рей и другими картинами духовного содержания. Мебель состоит из старенького дивана, нескольких столовъ и стульевъ. По другую сторону коридора находится собственная келлія старца, въ которой онъ жилъ, а дальше по коридору келліи его келейниковъ. Въ концѣ коридора находится выходъ въ хибарку, состоящую изъ ряда небольшихъ комнатъ. Такой же точно домикъ находится и по лѣвой сторону отъ св. вратъ, и въ немъ обычно проживали начальники скита — старецъ о. іеросхимонахъ Макарій, о. Пафнутій, о. Иларіонъ и ихъ преемники. По всему скиту между деревьями разбросаны другіе небольшіе домики, обычно раздѣленные на четыре келліи для четырехъ иноковъ. Одинъ изъ домиковъ назначенъ для трапезной, другой для скитской библіотеки, въ которой имѣется много цѣнныхъ рукописей. Въ концѣ скита находится небольшой прудъ съ кое-какой рыбой, а дальше — пчельникъ. Литургія въ скиту совершаются только по субботамъ, воскресеньямъ и праздникамъ, въ остальные же дни только вечернее правило. Братіямъ предоставляется совершать молитвенное правило по своимъ келліямъ. Здѣсь же, въ скитской оградѣ находится и братское кладбище скитянъ:

Таковы внѣшній видъ и расположение Оптиної Пустыни и принадлежащаго къ ней Іоанно-Предтечевскаго скита. Прибавимъ еще, что этотъ монастырь какъ бы притиснутъ огромнымъ, густымъ и тѣнистымъ лѣсомъ къ берегу Жиздры,

на противоположной сторонѣ которой разсти-
лается ровный, свѣтлый и веселый лугъ. Въ Оп-
тинскомъ лѣсу имѣется неисчерпаемое богатство
разнаго сорта грибовъ и ягодъ, особенно земля-
ники и брусники, протекаетъ источникъ желѣзи-
стой воды и имѣется сѣрнистый Пафнютіевскій
колодезь, при которомъ устроенъ бассейнъ, гдѣ
купаются богомольцы. Въ Оптинскомъ лѣсу
водятся и волки, которые по зимамъ иногда
появляются около самого монастыря.

11.

ВНУТРЕННИЙ УКЛАДЪ ЖИЗНИ ВЪ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ.

Въ Оптийской Пустыни передъ революціей было около трехсотъ монаховъ. Монастырь строго сохранялъ общежительные завѣты Старца Паисія Величковскаго. Братія дѣлились, какъ обычно и полагается, на послушниковъ, рясофорныхъ и манатейныхъ. Были и схимники. Въ Оптийской Пустыни существовалъ обычай даже и молодыхъ манатейныхъ монаховъ, въ случаѣ опасной болѣзни, постригать въ великій ангельскій образъ, въ схиму.

Никто изъ монаховъ, не исключая и настоятеля не имѣлъ своей собственности. Все, необходимое для него, оптинецъ получалъ отъ монастыря: пищу въ трапезной, чай и сахаръ отъ настоятеля, одѣяніе и обувь — отъ «рухольнаго».

Одежду и обувь всѣ оптинцы, не исключая и настоятеля, носили совершенно одинакового ка-

чества, и по одному и тому же образцу, такъ что старецъ о. Амвросій иногда говорилъ, шутя: «Оптинцевъ вездѣ узнаешь: у нихъ у всѣхъ сапоги на прямую колодку». Каждому иноку, не исключая и послушниковъ, предоставлялась отдѣльная келлія, чтобы онъ могъ съ полнымъ удобствомъ, безъ помѣхи, отдаваться своимъ келейнымъ занятіямъ —молитвѣ, чтенію Слова Божія и отеческихъ книгъ и рукодѣлію. Порядокъ дня опредѣлялся, главнымъ образомъ, церковными службами: въ будни день начинался въ часъ по полуночи полунощницей, за которой непосредственно слѣдовала утреня. Въ шесть часовъ утра совершалась ранняя літургія, въ девять часовъ утра — поздняя, въ четыре часа дня — вечерня, и въ семь часовъ вечера — правило. Въ воскресеніе и праздничные дни въ этотъ порядокъ богослуженія вносились то измѣненіе, что вмѣсто полунощницы и утрени совершалось всенощное бдѣніе въ шесть часовъ вечера, а передъ бдѣніемъ въ 3 $\frac{1}{2}$ часа дня малая вечерня. Богослуженіе посѣщала вся братія, свободные отъ специальныхъ послушаній — въ поварнѣ, въ пекарнѣ, въ мастерскихъ — сапожной, швальной, столярной, на конномъ дворѣ, въ лѣсу, на дачахъ и т.д. Однако, въ этомъ посѣщеніи церковнаго богослуженія не было ничего вѣшне и формально принудительного. Судью каждого въ этомъ случаѣ являлась его собственная монашеская совѣсть, воспитанная его монашескими обѣтами и общимъ строемъ и обычаями монастырской жизни. Сво-

бодное отъ церковныхъ службъ и отъ послушаній время каждый инокъ могъ проводить всецѣло по своему личному усмотрѣнію, не забывая, конечно, о своемъ званіи инока. Весь обиходъ своей жизни, какъ богослужебной, такъ и хозяйственной, Оптина Пустынь всегда обслуживала преимущественно своими собственными силами, не прибѣгая къ наемному труду. Всѣ хозяйственныя работы, не исключая разработки лѣса, рыбной ловли, сѣнокоса, посѣва и уборки хлѣба и т. д. производились самими монахами. Ими же производились и всѣ штукатурныя, малярныя, кровельныя, плотничныя и строительныя работы, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда требовались какія-либо спеціальныя знанія. Впрочемъ, въ числѣ братіи были и спеціалисты-фельдшеръ, и спеціалисты-инженеръ, подъ руководствомъ кого-то строилась новая каменная церковь въ Скиту. Сельско-хозяйственная дѣятельность въ Оптиної Пустыни, въ общемъ, была поставлена такъ хорошо, что монастырь получалъ даже награды за свой скотъ на земскихъ выставкахъ.

Возвращаясь снова къ Оптинскому богослуженію, мы должны сказать, что именно оно являлось, главнымъ образомъ, тою религіозно-воспитывающею духовною силою, благодаря которой Оптина Пустынь имѣла такое благотворное вліяніе и на окрестное населеніе — крестьянское, городское и помѣщичье, и на всѣхъ прибывавшихъ откуда бы то ни было въ Оптину Пустынь. Богослуженію отводилось въ Оптиної

пустыни ежедневно отъ 7 до 8 часовъ. Оно совершилось строго по церковному уставу, безъ пропусковъ, съ канонархомъ, съ положенными чтеніями, неторопливо, ясно, отчетливо. Благодаря этому содержаніе церковныхъ пѣснопѣній, псалмовъ и поученій со всѣмъ ихъ разнообразнымъ, глубокимъ смысломъ и со всею ихъ красотою, безъ затрудненія воспринималось и сердцемъ и умомъ молящихся, становилось неотъемлемымъ достояніемъ ихъ душъ и, такимъ образомъ, воспитывало ихъ духовно, налагало на нихъ свою духовную печать, которую они и уносили по своимъ домамъ, чтобы и тамъ подѣлиться полученными ими въ монастырѣ духовными впечатлѣніями. Богослуженіе Оптиной Пустыни было, т. о., духовной школой, въ которой незамѣтно, но постоянно, день за днемъ, и годъ за годомъ, получали духовное, православное воспитаніе въ теченіе многихъ лѣтъ тысячи и десятки тысячъ слушателей изъ самыхъ различныхъ слоевъ русского общества. Это былъ своеобразный духовный университетъ русского народа, учившій не вѣнчаннымъ познаніямъ, но воспитывавшій чувства въ разумѣ истины. Впрочемъ, нужно сказать, что въ этомъ отношеніи Оптиной Пустыни не является чѣмъ либо исключительнымъ въ ряду другихъ нашихъ благоустроенныхъ монастырей, оказывавшихъ своимъ богослуженіемъ, его содержаніемъ и напѣвами такое же благотворное воспитательное вліяніе на богомольцевъ. Дивная Кіево-Печерская Лавра, своеобразная

Глинская Пустынь, величавая въ своей простотѣ Троице-Сергіева Лавра, Пустынныи Валаамъ — всѣ они дѣлали одно общее всенародное, духовно-просвѣтительное дѣло.

Своеобразною особенностью внутренней жизни Оптиноi Пустыни является ея «старчество», появившееся въ ней въ концѣ 20-хъ годовъ прошлого столѣтія, и составлявшее ея славу въ тече-ніе всего XIX вѣка. Исторію Оптиноi старчества мы изложимъ ниже, а пока лишь отмѣтимъ то обстоятельство, что именно благодаря своему старчеству Оптина Пустынь стала нѣ-которой духовной лѣчебницей для душъ, иско-верканныхъ грѣхомъ, потерявшихъ или не на-шедшихъ смысла жизни, скорбящихъ и стражду-щихъ, ищущихъ вразумленія, утѣшенія и духов-наго руководства. Можно безошибочно сказать, что значительная часть Оптиноi Братства пришла подъ кровъ этой обители, привлекаемая жаждою старческаго «окормленія», и нашла здѣсь, при помощи старцевъ, душевный покой и спасеніе. Да и большинство богомольцевъ ищетъ въ Оптиноi Пустыни не только молитвен-наго утѣшенія, но и разрѣшенія своихъ сомнѣній и недоумѣній, а нерѣдко и тяжелыхъ жизнен-ныхъ драмъ изъ устъ ея мудрыхъ старцевъ и черезъ ихъ молитвы и наставленія.

Старчество придало Оптиноi Пустыни особый духовно-свѣтлый обликъ, пронизало ее духомъ благожелательной и снисходительной любви, сдѣлало ее привлекательной и безконечно дорогой

для грѣшныхъ душъ, ищущихъ спасенія. Въ старчествѣ раскрылось истинное значеніе и истинное назначеніе Оптицой Пустыни. И неудивительно, что у стѣнъ этой обители возникъ цѣлый поселокъ мірянъ, мужчинъ и женщинъ, семейныхъ и одинокихъ, для которыхъ стало жизненною потребностью ежедневно слушать Оптинское богослуженіе и ежедневно получать благословеніе и наставленіе Оптинскихъ старцевъ.

III.

ПРОШЛОЕ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ, ЕЯ ВОЗБНОВЛЕНИЕ ПРИ МОСКОВСКОМЪ МИТРОПОЛИТЪ ПЛАТОНЪ И УСТРОЙСТВО ПРИ НЕЙ СКИТА.

Оптина Пустынь пріобрѣла славу въ XIX вѣкѣ, но возникла она въ очень давнія времена. Имѣются указанія, что еще царь Михаилъ Федоровичъ жаловалъ этому монастырю земли и разныя угодья. Старинные монастырскіе синодики свидѣтельствуютъ о томъ, что Оптина Пустынь, какъ и нѣкоторые другие монастыри старого времени была смѣшаннымъ монастыремъ — въ ней жили и схимники и схимницы. А такъ какъ совмѣстные монастыри были отмѣнены постановленіемъ Стоглаваго Собора, бывшаго въ половинѣ XVI вѣка, то отсюда видно, что Оптина Пустынь уже существовала въ первой половинѣ XVI столѣтія. Не отсюда ли произошло и ея неименование — Оптина, т.е. общая, каковое наименованіе

имъютъ и нѣкоторые другіе монастыри, напри-
мѣръ, Болховскій Оптинъ монастырь. Впрочемъ,
по мнѣнію другихъ, идущему отъ прежнихъ вре-
менъ, Оптина Пустынь обязана своимъ наимено-
ваніемъ разбойнику Оптѣ, который, покаявшись
въ своихъ душегубствахъ, пожелалъ молитвами,
слезами и подвигами искулить свои грѣхи, и
положилъ начало монастырю. Въ XVIII вѣкѣ
Оптина Пустынь, какъ и многіе другіе монастыри
того неблагопріятнаго для монашества времени,
пришла въ запустѣніе. Въ концѣ столѣтія въ
ней оставалось всего только три монаха, изъ
которыхъ одинъ былъ слѣпой. И вотъ, какъ разъ
въ это время, знаменитый московскій митрополитъ
Платонъ, объѣзжалъ свою епархію, въ составѣ
которой тогда входила и Калужская губернія,
плѣнился прекраснымъ мѣстоположеніемъ Опти-
ной Пустыни, и у него явилась мысль вывести ее
изъ запустѣнія. Возвратившись въ Москву,
онъ вызвалъ къ себѣ извѣстнаго въ то время
свою высокою духовною жизнью настоятеля
Пѣшношской обители москѣвской епархіи, архи-
мандрита Макарія, состоявшаго заочно въ ду-
ховномъ общеніи съ молдавскимъ старцемъ Архи-
мандритомъ Паисіемъ Величковскимъ. Старецъ
Паисій высоко цѣнилъ архимандрита Макарія и
въ знакъ своего расположенія прислалъ ему
архимандрічій посохъ. Вызвавъ къ себѣ о. Мака-
рія, митрополитъ сообщилъ ему о своемъ намѣре-
ніи вообновить Оптину Пустынь и просилъ его
дать изъ своего монастыря настоятеля, который

могъ бы устроить эту обитель. Послѣ долгаго раздумья о. Макарій сказалъ: «Изъ нашей обители я не могу предложить болѣе необходимаго человѣка, какъ огородника Авраамія, но боюсь, что онъ, по своему смиренію, не пойдетъ».

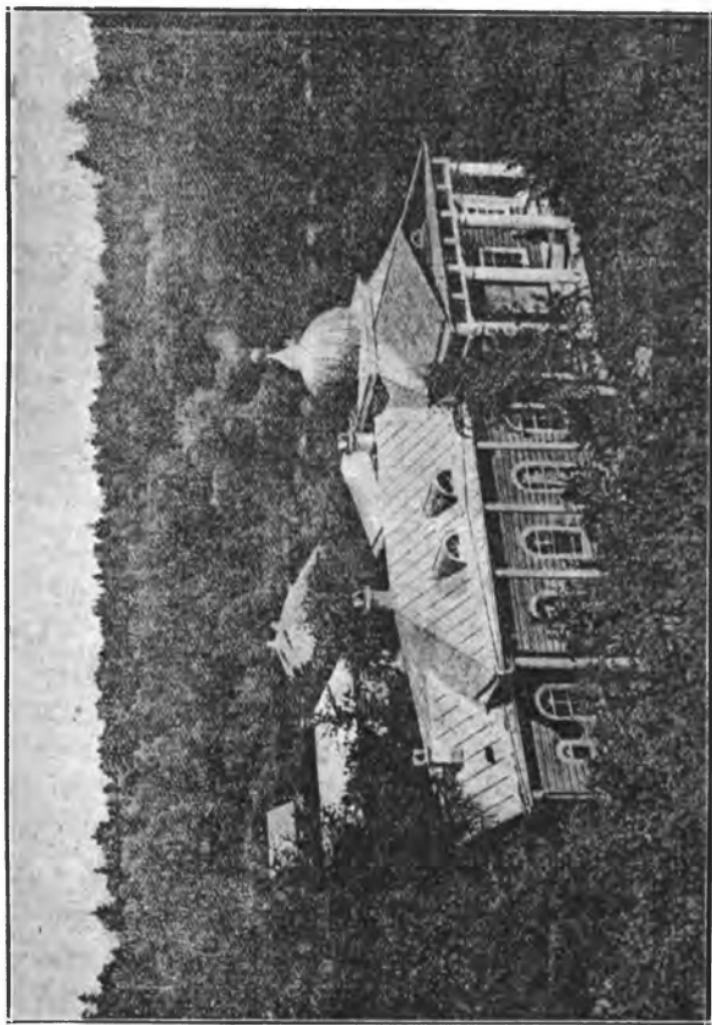
Было рѣшено, что о. Макарій пришлетъ Авраамія къ митрополиту съ какимъ-либо порученіемъ, и митрополитъ посмотритъ его. Присланный къ митрополиту, Авраамій понравился ему и, противъ собственнаго желанія былъ посланъ устраивать Оптину Пустынь. Взявъ съ собою нѣсколько человѣкъ изъ Пѣшношской братіи, Авраамій прибылъ въ Оптину и сталъ приводить ее въ порядокъ. Много горя пришлось ему, натерпѣться здѣсь; обитель была запущенная. Бѣдность была крайняя. Не было полотенца вытереть руки за литургіей. Промучившись нѣкоторое время, Авраамій вернулся въ Пѣшношу и со слезами просилъ о. Макарія освободить его отъ его должности. Макарій успокоилъ его, объѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ знакомыхъ сосѣднихъ помѣщиковъ, и они снабдили Авраамія необходимыми для первоначального обзаведенія обители предметами. Обрадованный и утѣшеннный, Авраамій вернулся въ Оптину, и бодро принялъся за труды настоятельства. Исторію возобновленной Оптиної Пустыни можно раздѣлить на четыре тридцатилѣтнихъ періода. Со вступленіемъ въ настоятельство о. Авраамія начался первый изъ этихъ періодовъ, закончившійся къ началу 30-хъ годовъ XIX ст. Второй періодъ совпадаетъ со

временемъ настоятельства о. архимандрита Моисея и старчества о. Льва и о. Макарія, третій періодъ совпадаетъ со временемъ настоятельства о. архимандрита Исаакія и старчества о. Амвросія, и четвертый обнимаетъ собою время послѣ 1894 года. Память о. Авраамія глубоко чтится въ Оптиної Пустыни, какъ ея возстановителя и опытнаго руководителя въ духовной жизни, воспріявшаго отъ своего духовнаго отца, архимандрита Макарія, завѣты старца Паисія Величковскаго. Слѣдующимъ выдающимся событиемъ въ исторіи Оптиної Пустыни было устроеніе при ней скита во имя Усѣкновенія Главы св. Іоанна Крестителя. Начало Оптинскому скиту было положено въ 1821 году. Въ то время уже была образована самостоятельная Калужская Епархія, и ея первымъ Епархіальнымъ Архіреемъ былъ бывшій ректоръ Московской Духовной Академіи епископъ Филаретъ (Амфитеатровъ), впослѣдствії знаменитый митрополитъ Кіевскій. Епископъ Филаретъ, по замѣчанію Оптинскаго лѣтописца, былъ очень монахолюбивъ, и очень заботился о процвѣтаніи монашеской жизни въ Оптиної Пустыни. Для большаго преуспѣянія въ ней монашескаго подвигничества, онъ задумалъ основать при обители скитъ, гдѣ иноки, ищущіе болѣе уединенной, строгой и молитвенной жизни, находили бы удовлетвореніе этой своей потребности. Задуманное Епископомъ Филаретомъ дѣло было огромной трудности: для успешной постановки онъ требовалъ людей не только высокой и

строгой монашеской жизни, но и понимающихъ науку православнаго подвижничества, способныхъ быть руководителями иноковъ на пути духовнаго ихъ усовершенствованія и знакомыхъ съ порядками скитскаго жительства. Послѣ долгихъ размышленій, совѣщаній и поисковъ преосв. Филаретъ остановилъ свой выборъ на двухъ братьяхъ — Путиловыхъ, Моисеѣ и Антоніи, подвизавшихся въ то время уже около 10 лѣтъ въ пустынныхъ Рославльскихъ скитахъ, Смоленской губ. подъ руководствомъ учениковъ старца Паисія Величковскаго, вышедшихъ изъ Молдавіи старцевъ — Досиѳея, Аѳанасія, Анастасія и др. По приглашенію Преосв. Филарета братья Путиловы прибыли въ Калугу и получили порученіе приступить къ устройству скита при Оптиної Пустыні. Они испросили разрѣщеніе взять съ собою изъ Рославльскихъ скитовъ нѣсколькихъ братій и вмѣстѣ съ ними прибыли въ Оптину Пустынью. Въ разстояніи четверти версты отъ монастыря, въ густомъ лѣсу, выбрали они мѣсто, стали рубить деревья и выкорчевывать пни, поставили церковь, кельи и ограду и, такимъ образомъ, положили начало скита и установили порядокъ скитскаго жительства. Первымъ начальникомъ скита былъ о. Моисей, а когда онъ былъ перемѣщенъ въ настоятеля Оптиної Пустыні, начальникомъ скита сдѣлался о. Антоній. Управленіе Оптиної Пустынью о. Моисея было временемъ ея наибольшаго расцвѣта, какъ въ духовномъ, такъ и въ хозяйственномъ отноше-

ніяхъ. Все, что дѣлалось въ Оптиної Пустыни до него, имѣло характеръ лишь подготовительной работы, и все, что дѣлалось послѣ него, было лишь поддержаніемъ и продолженіемъ его дѣла.

О. Моисей происходилъ изъ зажиточной и благочестивой московской купеческой семьи, и до монашества носилъ имя Тимоѳея. Какъ и два его младшихъ брата, Александръ и Іона, онъ съ дѣтства отличался религіозною настроенностью, и эта настроенность была въ нихъ трехъ поддержана и осмыслена духовнымъ вліяніемъ старцевъ Новоспасскаго монастыря въ Москвѣ, Филарета и Александра, состоявшихъ въ духовномъ общеніи и въ перепскѣ со старцемъ Паисіемъ Величковскимъ. Большое вліяніе имѣла на юношѣй также и старица московскаго Ивановскаго монастыря, монахиня Досиѳея. Увлекаемые своимъ настроеніемъ, братья Путиловы въ молодыхъ годахъ покинули міръ и ушли въ монашество. Іона ушелъ въ Саровскую Пустынь, гдѣ впослѣдствіи былъ настоятелемъ, а Тимоѳеи и Александръ поселились въ Рославльскихъ лѣсахъ у старцевъ Дороѳея, Досиѳея и Арсенія. Много лѣтъ провели братья въ своемъ безмолвномъ уединеніи, занимались молитвою, чтеніемъ Слова Божія и святоотеческихъ книгъ, и различными тѣлесными трудами. Подъ руководствомъ своихъ старцевъ, вышедшихъ изъ обители Паисія Величковскаго, они опытнымъ путемъ учились «умному дѣланію», т.е. внутреннему вниманію, искусству разбираться въ своихъ

Скитская Церковь

помыслахъ, бороться со своими страстями, и преодолѣвать ихъ непрестанною внутреннею Іисусовою молитвою. Здѣсь, въ лѣсномъ своемъ уединѣніи, братья Путиловы приняли монашескій постригъ — Тимоѳей съ именемъ Моисея, а Александръ съ именемъ Антонія. Послѣ 10-ти лѣтняго пребыванія въ пустынѣ, они переселились въ 1821 году въ Оптину Пустынь и занялись здѣсь устроеніемъ скита.

IV.

НАЧАЛО ОПТИНСКАГО СТАРЧЕСТВА: ІЕРОСХИМОНАХЪ ЛЕВЪ.

Въ 1829 году, почти одновременно съ тѣмъ, какъ о. Моисей былъ назначенъ настоятелемъ Оптиної Пустыни, а о. Антоній начальникомъ скита, произошло въ жизни Оптиної Пустыни еще одно, очень важное, событие — прибыль въ скитъ на жительство іеромонахъ о. Леонидъ (Наголкинъ), въ схимѣ о. Левъ, положившій начало Оптинскому старчеству. О. Леонидъ былъ родомъ изъ купцовъ г. Карабчева Орловской губерніи. Въ молодости онъ занимался торговлею и ъездилъ по ярмаркамъ. Почувствовавъ пустоту этого занятія, онъ оставилъ міръ и ушелъ въ Оптину Пустынь. Это было его первое пребываніе въ Оптиної Пустыни, еще до прибытія въ нее о. Авраамія. Проживъ недолго въ Оптиної Пустыни, о. Леонидъ перешелъ въ Бѣлые Берега, Орловской епархіи, гдѣ сблизился и подружился

со своимъ землякомъ, схимонахомъ Феодоромъ, проживавшимъ нѣкоторое время въ Нямцѣ, въ Молдавіи, у старца Паисія Величковскаго. Молодость о. Феодора прошла довольно бурно, но онъ, преодолѣвъ всѣ соблазны, нашелъ своей душѣ глубокое удовлетвореніе въ обители старца Паисія и, будучи имъ хорошо заправленъ къ духовной жизни, возвратился въ Россію. О. Леонидъ проживъ въ Бѣлыжѣ Берегахъ нѣсколько лѣтъ, проходя обычныя монашескія послушанія, пекъ хлѣбы, чистилъ картофель на кухнѣ, вариль квасъ. Однажды, когда братія обители собралась для избранія новаго настоятеля, о. Леонидъ, полагая, что ему нечего дѣлать на этомъ собраніи, занялся приготовленіемъ кваса. Черезъ нѣкоторое время къ нему въ квасоварню приходя братія и объявляютъ, что онъ выбранъ настоятелемъ, и что ему нужно сейчасъ жеѣхать въ Орелъ къ Преосвященному. О. Леонидъ смиренно подчинился волѣ братіи, но настоятелемъ пробылъ недолго. Отказавшись отъ этого званія, онъ поселился въ сосѣднемъ лѣсу, въ уединенной келліи, вмѣстѣ съ единодушными братіями — Феодоромъ и Клеопой, который также былъ ученикомъ старца Паисія. Въ своеемъ уединеніи они проводили время въ «духовномъ трезвеніи». Когда въ ихъ келлію стали приходить посѣтители за совѣтами, ради душевной пользы, старцы увидѣли, что здѣсь имъ оставаться уже нельзя, и рѣшили искать болѣе уединеннаго мѣста. Сперва Клеопа, а за нимъ и Феодоръ съ Леонидомъ

переселились на Валаамъ. На Валаамъ Клеопа скончался, а Феодоръ и Леонидъ, претерпѣвъ не мало непріятностей отъ завистливыхъ людей, ушли въ Алксандро-Свирскій монастырь. Въ Алксандро-Свирскомъ монастырѣ на нихъ обратилъ вниманіе Императоръ Александръ I, посѣтившій проѣздомъ этотъ монастырь, и пожелалъ принять благословеніе отъ старца Феодора. Но тотъ разъяснилъ , что онъ простой схимонахъ, не имѣющій священнаго сана, и благословлять не можетъ. Тогда Императоръ откланялся и уѣхалъ. Въ 1822 году схимонахъ Феодоръ скончался на Пасхальной недѣлѣ, а о. Леонидъ, потерявъ своего друга, рѣшилъ удалиться въ свои родныя мѣста, и перешелъ въ Чолнскій монастырь Орловской епархіи, а оттуда въ Опти-ну Пустынь, гдѣ и оставался до самой своей кончины въ 1841 году. Изъ сказаннаго видно, какъ мало по малу сосредоточивались въ Оптиной Пустыни преданія и завѣты старца Паисія Величковскаго, приносимыя туда со всѣхъ сторонъ разными лицами: настоятелемъ обители Аврааміемъ отъ Макарія Пѣшношскаго, Моисеемъ и Антоніемъ отъ рославльскихъ пустынножителей, о. Леонидомъ отъ старцевъ Клеопы и Феодора. Словно ручьи живой воды стекаются отовсюду вліянія великаго старца, чтобы соединиться въ одинъ глубокій и свѣтлый потокъ Оптинскаго старчества.

Поселившись въ 1829 году въ скиту Оптиной Пустыни о. Леонидъ сдѣлался средоточіемъ

духовной жизни въ обители. Онъ отличался необычайною живостью и яркостью внутренней жизни, но старался прикрывать свои дарованія нѣкоторымъ видомъ юродства.

Самый наружный видъ его былъ поразителенъ. Онъ былъ высокаго роста, довольно полный, но легкій и быстрый, съ небольшими, проницательными и живыми глазами, съ длинными, густыми и волнистыми волосами, напоминающими львиную гриву, съ живою, рѣзкою, прямою, простонародною рѣчью. Въ немъ не было ничего напускного, заученаго, формальнаго. Народъ любилъ его и тѣсnilся къ нему. Келлія его всегда была переполнена посѣтителями. Старецъ, въ бѣломъ балахонѣ, сидѣлъ на своей кровати и плелъ пояски (это было его обычное рукодѣліе), бесѣдуя съ окружающими. Извѣстный странникъ по святымъ мѣстамъ, инокъ Пароеній, посѣтившій Оптину Пустынъ, очень живо и интересно описываетъ пріемъ у старца Леонида.

Старецъ сидѣтъ на кровати. Вокругъ него на колѣняхъ стоятъ посѣтители, слушая его бесѣду. Вмѣстѣ съ другими стоитъ какой-то купецъ. Когда очередь дошла до него, старецъ спросилъ его, что ему нужно? Купецъ сказалъ: «прошу вашего наставленія, отче, какъ жить?» Старецъ сказалъ: «А выполнилъ ли ты то, что я тебѣ назначилъ въ послѣдній разъ?» «Простите, отче, не могу выполнить». Тогда старецъ обратился къ своимъ келейникамъ и сказалъ: «ну такъ вытолкайте его вонъ! И купца вывели изъ келліи. Уходя,

онъ уронилъ золотую монету. Старецъ сказалъ: А монету отдайте прохожему иноку. Онъ чело-вѣкъ дорожный — ему пригодится!» Всѣ со стра-хомъ смотрѣли на эту сцену. Тогда инокъ Пароен-ній спросилъ стареца: «Отче, за что вы такъ строго поступили съ купцомъ?» О. Леонидъ от-вѣтилъ: «да какъ же было поступить иначе? Онъ уже не одинъ разъ приходитъ ко мнѣ, и про-сить наставлений. Я ему сказалъ послѣдній разъ, чтобы онъ оставилъ куреніе табаку, и онъ обѣ-щалъ, а теперь говоритъ — не могу оставить.. Пусть сначала исполнить одну заповѣдь, а по-томъ приходитъ за новыми наставлениями». При инокѣ Пароеніи приходили къ о. Леониду многіе больные и бѣсноватые, и онъ, читая молитвы надъ ними и помазывая св. масломъ, отъ чудотворной Владимірской иконы Богоматери, исцѣлялъ ихъ. Инокъ удивлялся силѣ его молитвы и спрашивалъ: «Отче, какъ вы дерзаете исцѣлять бѣсноватыхъ?» Старецъ отвѣтилъ: «Это не отъ меня. Каждому, по силѣ вѣры его, Богъ подаетъ исцѣленіе по молитвамъ Богородицы». Въ теченіе всего дня старецъ былъ занятъ съ посѣтителями. А когда вечеромъ освобождался отъ нихъ, келлѣйники вычитывали ему положенное иноческое правило. Евангеліе читалъ обыкновенно самъ старецъ особымъ молдавскимъ способомъ. Спалъ старецъ въ сутки не болѣе 3-4 часовъ. Свою святою жизнью, мудростью, прозорливостью, даромъ исцѣленій, милосердіемъ къ страждущимъ, пря-мотою и смѣлыми обличеніями людей порочныхъ,

старецъ Леонидъ пріобрѣлъ общую любовь и глубокое почитаніе. Къ нему стали приходить люди всѣхъ классовъ и состояній — купцы помѣщики, крестьяне, мѣщане, священники, не говоря уже о монахахъ и монахиняхъ, и всѣ получали отъ него полезный совѣтъ и утѣшеніе въ постигшемъ ихъ горѣ. Съ каждымъ годомъ возрастало стеченіе къ нему народа. Однажды пріѣхалъ къ старцу изъ сосѣдняго Козельска уѣздный протоіерей и, увидѣвъ старца, окруженного толпою крестьянъ, сказалъ: «И охота вамъ, батюшка, такъ утруждать себя и возиться цѣлые дни съ народомъ».. Старецъ отвѣтилъ: «Конечно, по настоящему, это — дѣло ваше, мірскихъ іереевъ но такъ какъ у васъ для этого мало времени, то, поневолѣ, приходится возиться съ народомъ намъ—инокамъ»: Недалеко отъ Оптиної проживалъ богатый помѣщикъ, человѣкъ гордый, крутой и своенравный. Семнадцать лѣтъ не былъ онъ у исповѣди, и, имѣя взрослыхъ сыновей и дочерей, завелъ незаконную связь со своею крѣпостною женщиной. Слухи о прозорливомъ старцѣ Леонидѣ дошли до него, и онъ пожелалъ посмотреть старца. Старца предупредили обѣ этомъ. И вотъ, когда помѣщикъ вошелъ въ его келлію, старецъ, сидя, по обыкновенію, на кровати среди своихъ учениковъ, прикрылъ глаза свои сверху рукою, въ видѣ козырька, какъ бы всматриваясь попристальнѣе въ лицо входящаго и сказалъ грозно: «Вотъ, идетъ остолопина смотрѣть грѣшнаго Леонида! А самъ, шельма, семнадцать лѣтъ не

былъ у исповѣди!» Пораженный непривычнымъ для гордаго барина обращеніемъ старца, помѣщикъ пожелалъ исповѣдаться у него, и просилъ настоятеля Оптиної Пустыни переговорить объ этомъ со старцемъ. Старецъ согласился исповѣдывать помѣщика, но наложилъ на него эпитимію, и не допустилъ до причащенія св. Таинъ, пока онъ не разорвѣтъ свою незаконную связь. Возвратившись домой, помѣщикъ черезъ нѣкоторое время отослалъ отъ себя свою сожительницу, къ большой радости своихъ дѣтей, пріѣзжавшихъ въ Оптиної Пустыни благодарить старца за его строгость. Дѣятельность о. Леонида, всегда окруженнаго множествомъ посѣтителей, не нравилась епархіальному начальству: оно полагало, что инокъ, принявшій на себя обѣты схимничества, великій ангельскій образъ, долженъ былъ проводить свою жизнь въ совершенномъ уединеніи и молитвѣ, а никакъ не въ бесѣдахъ съ народомъ. Непрерывнымъ стеченіемъ народа нарушалось безмолвіе скита и скитъ уже переставалъ чѣмъ-либо отличаться отъ монастыря. Поэтому старцу Леониду было предложено прекратить пріемъ посѣтителей. Старецъ исполнилъ распоряженіе духовной власти. Но народъ продолжалъ идти къ нему. Собравшись у дверей его келліи, или у воротъ скита, люди часами и днями ожидали его выхода, окружали его, просили его благословенія и молитвы, спрашивали совѣтовъ, просили помочь больнымъ. Тогда было предписано перевести старца въ монастырь, но по прежнему не допускать

къ нему посѣтителей. Устраивали разнаго рода загражденія изъ досокъ, запирали ворота, чтобы народъ не могъ проникать къ о. Леониду, но все оказывалось напраснымъ. Однажды настоятель монастыря, о. Моисей, пришелъ посмотретьть, что дѣлается у старца, и увидѣлъ, что его келья полна народа — здѣсь были и здоровые и больные. Старецъ читалъ надъ больными молитвы и помазывалъ ихъ св. елеемъ изъ лампадки, висѣвшей передъ его келейной Владимірской иконой Божьей Матери. Настоятель ужаснулся и сказалъ: «Батюшкa! Что же это вы дѣлаете? Вѣдь вамъ же запрещено принимать народъ! Васть могутъ подъ началь упрятать, сослать въ Соловки!»... Старецъ отвѣтилъ: «Что хотите, то и дѣлайте со мною! Хоть въ Сибирь меня пошлите, я останусь тѣмъ же Леонидомъ! Посмотрите на этихъ больныхъ — могу ли я отказать имъ въ молитвѣ, на которую они только и надѣются, которой ждутъ, и которая, по ихъ вѣрѣ и усердію къ Божьей Матери подаетъ имъ исцѣленіе?» О. Моисей махнулъ рукою и ушелъ изъ келіи старца, промолвивъ: «Дѣлайте, какъ знаете!» Нѣсколько разъ старца переводили изъ одной келліи въ другую. Получивъ распоряженіе о переходѣ въ новую келлію, старецъ бралъ на руки свою Владимірскую икону Божіей Матери, и съ пѣніемъ: «Достойно есть»... отправлялся въ указанное ему помѣщеніе. Ученики несли за нимъ остальныя его вещи. — Наконецъ, старцу запретили носить схимническое одѣяніе, вѣроятно, полагая что онъ ведетъ слишкомъ разсѣянную

жизнь, не подобающую его схимническому положению. Въ это время пріѣхалъ въ Оптину Пустынь, проѣздомъ въ Петербургъ, высокопреосвященный Филаретъ, митрополитъ Киевскій. Въ Оптиної Пустыни онъ былъ встрѣченъ Калужскимъ Епархіальнымъ Преосвященнымъ и всѣмъ монастырскимъ братствомъ. Митрополиту Филарету, любившему и почитавшему о. Леонида, хорошо было известно положеніе старца въ обители и отношеніе къ нему Епархіального Владыки. Замѣтивъ, что старецъ былъ безъ схимническаго одѣянія, митрополитъ спросилъ, почему онъ не въ скимѣ. Старецъ молчалъ. Митрополитъ понялъ причину его молчанія и сказалъ: «Ты — схимникъ, а потому и долженъ носить скиму». Послѣ этого случая запрещеніе о. Леониду носить скиму было отменено. Гоненіе, постигшее о. Леонида со стороны противниковъ старчества, распространилось и на его учениковъ. Ихъ называли «фармазонами», и подвергали всяческимъ стѣсненіямъ и запрещеніямъ. Много непріятностей претерпѣли изъ-за старца, между прочимъ, его вѣрнѣйшія ученицы изъ Бѣлевскаго монастыря — игуменія Павлина и монахиня Анфія. Старецъ Левъ скончался въ 1841 году, 11-го октября, 72-хъ лѣтъ отъ рождения. До самой своей кончины онъ сохранилъ ясное сознаніе, много разъ причащался во время болѣзни св. Христовыхъ Таинъ, былъ особорованъ, и до послѣдняго вздоха призывалъ имя Божіе, часто осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ. Благословивъ въ послѣдній разъ братію, онъ тихо

предалъ духъ свой въ руки Божіи. Передъ кончиною посѣтилъ его извѣстный въ той мѣстности своею святою жизнью юродивый Брагузинъ, и старецъ просилъ его помолиться о немъ, чтобы Богъ помиловалъ его. Юродивый отвѣтилъ: «Авось, помилуетъ!»*)

*) Болѣе подробнѣя свѣдѣнія о старцѣ Леонидѣ можно найти въ его жизнеописаніяхъ, составленныхъ о. Климентомъ (Зедергольмомъ) и о. архимандритомъ Агапитомъ.-

V.

ОПТИНСКІЙ СТАРЕЦЪ О. ІЕРОСХИМОНАХЪ
МАКАРІЙ И ЕГО ТРУДЫ ПО ИЗДАНІЮ
ПИСАНІЙ СТАРЦА ПАИСІЯ ВЕЛИЧКОВ-
СКАГО.

За семь лѣтъ до кончины о. Леонида прибылъ въ скитъ Оптиної Пустыни іеросхимонахъ Макарій. О. Макарій происходилъ изъ дворянской помѣщичьей семьи Ивановыхъ, Орловской губерніи. Въ молодости онъ думалъ жениться, но, побывавъ однажды въ Площанской Пустыни Орловской епархіи, онъ такъ плѣнился красотою монашества («всѣ монахи показались ему, по его словамъ, земными ангелами»), что уже не захотѣлъ вернуться домой изъ этой обители. Въ Площанской Пустыни онъ нашелъ себѣ руковоителя въ лицѣ ученика старца Паисія Величковскаго, схимонаха Аѳанасія (Захарова, бывшаго гусарскаго ротмистра), того самого, подъ вліяніемъ котораго находились въ Москвѣ стэрцы Новоспасскаго монастыря Филаретъ и Александръ, и черезъ нихъ оптинскій архимандритъ Моисей и духовный сынъ о. Филарета Иванъ Васильевъ.

вичъ Кирѣевскій, которому потомъ пришлось вмѣстѣ со старцемъ Макаріемъ работать надъ изданіемъ рукописей старца Паисія Величковскаго. Такъ удивительно переплетались духовныя нити, свяэывавшія старца Паисія съ Оптиною Пустынью. О. Макарій жилъ въ Площанской Пустыни отъ 1810 по 1834-й годъ. Въ 1823 году скончался его духовный отецъ, старецъ Аѳанасій, послѣ чего началось его сближеніе и переписка со старцемъ Леонидомъ, результатомъ которыхъ было переселеніе о. Макарія въ скитъ Оптиної Пустыни. По прибытіи въ скитъ о. Макарій сдѣлался ближайшимъ помощникомъ о. Леонида по старчеству, а послѣ его кончины самъ вступилъ въ подвигъ старчества, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ и начальникомъ скита вмѣсю о. Антонія, назначенаго настоятелемъ Николаевскаго монастыря въ Малоярославиѣ, Калужской епархіи. Семь лѣтъ продолжалась совмѣстная жизнь и дѣятельность старцевъ Леонида и Макарія. Тѣсная духовная дружба связывала ихъ. Нерѣдко они даже писали общія письма своимъ духовнымъ дѣтямъ за своею общею подписью.—

Между тѣмъ они были совершенно не похожи другъ на друга ни по виѣшности, ни по характеру. О. Левъ, изъ купцовъ, крупный и представительный, былъ прямъ, грубоватъ и рѣзокъ и отличался не столько начитанностью въ духовныхъ писаніяхъ, сколько духовно-практическою мудростью. О. Макарій, изъ дворянъ, былъ ста-баго сложенія, некрасивъ, съ неправильностью

въ устройствѣ глаъ и въ рѣчи, обладаю мянгкимъ и кроткимъ характеромъ, эстетическими наклонностями, въ молодости даже игралъ на скрипкѣ, зналъ и любилъ церковное пѣніе, любилъ цвѣты, былъ очень начитанъ въ церковной литературѣ, имѣлъ склонность къ ученымъ, кабинетнымъ занятіямъ. Оба старца какъ бы дополняли другъ друга. Со смертью о. Леонида бремя старчества легло всецѣло на одного о. Макарія и онъ несъ это бремя въ теченіе 19 лѣтъ, до самой своей кончины, послѣдовавшей 7-го Сентября 1860 года. При немъ дѣятельность Оптинскаго старчества получила новое направление. О. Леонидъ являлся по преимуществу практическимъ руководителемъ душъ, прибѣгавшихъ къ нему за помощью, и цѣлителемъ ихъ немощей и болѣзней. Онъ имѣлъ дѣло большою частью съ иноками и крестьянами. При о. Макаріи впервые началось сближеніе съ Оптиной Пустынью представителей русской науки и литературы. Произошло это, главнымъ образомъ, на почвѣ издательства Оптиной Пустынью рукописей старца Паисія Величковскаго, хранившихся въ скитской библіотекѣ и занесенныхъ туда въ разное время, разными лицами. Мы уже говорили, что вліяніе старца Паисія различными путями сосредоточилось въ Оптиной Пустыни. Ученики Великаго Старца и его преемники, передавали другъ другу завѣты и преданія своего учителя, распространяли вмѣстѣ съ тѣмъ въ рукописяхъ и его переводы святоотеческихъ подвижническихъ книгъ

Существовавшія до старца Паисія славянскіе переводы аскетической свято-отеческой литературы не были свободны отъ неясностей и неправильностей, и нуждались въ исправлениі по греческимъ подлинникамъ. Иныя же изъ отеческихъ писаній, очень цѣнныя въ аскетическомъ отношеніи, и совсѣмъ не были переведены съ греческаго языка. Стерецъ Паисій восполнилъ этотъ пробѣлъ въ русской духовной литературѣ и трудами всей своей жизни, при содѣйствіи подготовленныхъ имъ учениковъ, исправилъ по греческимъ подлинникамъ многіе неточные древніе славянскіе переводы отеческихъ книгъ, а иныя книги перевелъ заново съ греческаго языка. Всѣ эти писанія старца Паисія, очень высоко цѣнныя въ монашескомъ мірѣ, въ рукописяхъ распространялись по русскимъ обителямъ, а нѣкоторыя, напримѣръ, Добротолюбіе, были и напечатаны въ Петербургѣ, въ началѣ XIX столѣтія. Большинство же писаній сохранилось въ рукописяхъ по библіотекамъ монастырей и по келліямъ иноковъ. Немало такихъ рукописей имѣлось и въ Оптиної Пустыни, откуда они и были извлечены на свѣтъ Божій заботами и трудами старца Макарія, при содѣйствіи его просвѣщенныхъ духовныхъ дѣтей и почитателей.

Въ 40-хъ годахъ XIX столѣтія недалеко отъ Оптиної Пустыни, въ своемъ имѣніи Долбинѣ, Бѣльскаго уѣзда, проживали супруги Иванъ Васильевичъ и Наталья Петровна Кирѣевскіе. Оба они были люди глубоко религіозные. Про-

живая передъ тѣмъ въ Москвѣ, они находились въ духовномъ общеніи со старцемъ Новоспасскаго монастыря Филаретомъ, были его духовными дѣтьми. Въ особенности близка была къ о. Филарету Наталья Петровна, которая сблизила съ нимъ и своего мужа, извѣстнаго публициста и философа, редактора-издателя журнала «Телескопъ». Оба они отъ о. Филарета слышали о старцѣ Паисіи и о его писаніяхъ, и были почитателями памяти Великаго Старца. Поселившись въ Долгинѣ, они часто бывали въ Оптиной Пустыни, познакомились съ ея старцами — о. Моисеемъ и о. Макаріемъ, и особенно сблизились съ послѣднимъ, который сталъ ихъ духовнымъ отцомъ. Старецъ Макарій нерѣдко посѣщалъ Кирѣевскихъ въ ихъ имѣніи, гостилъ у нихъ по нѣсколько дней и пользовался ихъ безграницою любовью и уваженіемъ. Между ними часто шли бесѣды о старцѣ Паисіи, о его литературныхъ занятіяхъ, и о его рукописяхъ, хранившихся въ библіотекѣ Оптинскаго Скита, причемъ всѣ они единодушно высказывали свое сожалѣніе, что эти драгоцѣнныя въ духовно-подвижническомъ отношеніи писанія, остаются никому неизвѣстными, ни инокамъ, ни мірянамъ, интересующимся духовною жизнью. Мало по малу у нихъ созрѣла мысль явить эти рукописныя сокровища міру и приступить къ ихъ печатанію. Задумавъ это большое дѣло, они рѣшили испросить на него благословеніе Московскаго митрополита Филарета, передъ мудростью и святостью котораго всѣ

они благоговѣли, и который былъ лично извѣстенъ Кирѣевскимъ. Митрополитъ отнесся очень сочувственно къ задуманному предпріятію, далъ свое благословеніе и обѣщалъ поддержку. Въ одно изъ посѣщеній старцемъ Макаріемъ Долбина было рѣшено начать издательство съ жизнеописанія старца Паисія, составленнаго его учениками вскорѣ послѣ его смерти, присоединивъ къ нему нѣкоторыя ихъ писаній и писемъ старца, а также изъ писаній его друга и единомышленника, старца Василія Поляномерульскаго. Въ тотъ же день, когда состоялось это рѣшеніе, старецъ Макарій написалъ первыя страницы предисловія къ изданію. Такъ было положено начало дѣлу. Въ дѣлѣ издательства принимали близкое участіе профессоръ Московскаго Университета Ст. Петр. Шевыревъ, и профессоръ Московской Духовной Академіи Протоіерей Єод. Александр. Голубинскій, который былъ и цензоромъ изданія. Во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, при редактированіи текста, обращались за совѣтомъ и указаніемъ къ митрополиту Филарету, который внимательно слѣдилъ за изданіемъ, и даже вызывалъ къ себѣ старца Макарія для личнаго знакомства съ нимъ и бесѣды. Впрочемъ, это было уже въ посѣдующемъ періодѣ издательства, въ 50-хъ годахъ. Сами Кирѣевскіе проживая по временамъ въ Москвѣ, непосредственно наблюдали за изданіемъ. Печатаніе жизнеописанія Старца Паисія началось въ 1846 году, а въ Январѣ 1847 года книга уже вышла изъ печати. Всѣ любители

духовнаго чтенія были очень заинтересованы
этю книгою и она расходилась въ большомъ
количество, и очень быстро, такъ что вслѣдъ за
первымъ изданіемъ сейчасъ же была приступлено
и ко второму. За жизнеописаніемъ Старца Паисія
послѣдовало изданіе его переводовъ святоотече-
скихъ книгъ. Въ теченіе ряда лѣтъ были изданы:
преподобнаго Исаака Сирина слова подвижни-
ческія, писанія преп. Ioанна и Варсануфія,
Марка Подвижника, Симеона Новаго Богослова,
Максима Исповѣдника, Феодора Студита, аввы
Фалассія, житіе Григорія Синайта и другія.
Издательская дѣятельность старца Макарія сов-
мѣстно съ Кирѣевскими продолжалась до самой
кончины Ивана Васильевича, послѣдовавшей
въ 1856 году, но не прекратилась и послѣ его
смерти, поддерживаемая другими лицами. Изъ
сохранившихся писемъ Ивана Васильевича и
Натальи Петровны къ о. Макарію видно, съ
какимъ горячимъ сочувствіемъ, съ какимъ вни-
маніемъ и заботливостью они относились къ дѣлу
издательства, на участіе свое въ которомъ смот-
рѣли, какъ на особое служеніе, возложенное
на нихъ Богомъ.

Въ пятидесятыхъ годахъ близкое участіе въ
издательской дѣятельности о. Макарія принялъ
Тертій Ивановичъ Филипповъ, о которомъ сохра-
нился слѣдующій благожелательный отзывъ
старца: «Т. И. очень понравился намъ по своей
христіанской, пріятной простотѣ, и не изыскан-
ному деликатно-свободному обращенію». Въ эти

же годы посѣтилъ Оптину Пустынь и старца Макарія Н. В. Гоголь. Сложное дѣло издательства, пересмотра и провѣрки рукописей, корректура и т. д. не могли быть выполнены трудами одного о. Макарія, и около него, какъ нѣкогда и около старца Паисія, составилась группа помощниковъ, обладавшихъ богословскимъ и высшимъ образованіемъ, въ которую входили: о. Амвросій Гренковъ (впослѣдствіи знаменитый старецъ и преемникъ о. Макарія), о. Леонидъ Ка-велинъ (впослѣдствіи намѣстникъ Троице-Сергіевой Лавры), о. Климентъ Зедергольмъ (магистръ классической филологіи Московскаго Университета), о. Ювеналій Половцевъ (впослѣдствіи Архіепископъ Литовскій) и др. лица. Уже послѣ кончины о. Макарія, эти ученики его, вспоминая свои занятія съ покойнымъ старцемъ, съ отрадою и благодарнымъ чувствомъ передавали, какъ имъ приходилось по ходу работъ слышать отъ старца толкованія такихъ мѣстъ изъ святоотеческихъ книгъ, на объясненіе которыхъ при другихъ обстоятельствахъ они не могли бы и разсчитывать, такъ какъ, если бы стали спрашивать его, то онъ, по своему глубокому смиренію, отвѣтилъ бы имъ: «Не моей мѣры углубляться въ толкованіе подобныхъ мѣстъ».

Въ 1852 году старецъ Макарій по вызову митрополита Филарета посѣтилъ Москву и видѣлся съ митрополитомъ. Въ эту же поѣздку онъ посѣтилъ Троице-Сергіеву Лавру и видѣлся съ профессоромъ протоіеремъ ѡ. А. Голубинскимъ. Такъ

укрѣплялась связь Оптиної Пустыни съ ученымъ, литературнымъ и богословскимъ міромъ Москвы. Вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе возрастало духовное вліяніе и значеніе о. Макарія среди монашествующихъ разныхъ монастырей. Подъ его руководствомъ находились женскія обители въ Великихъ Лукахъ, Вязьмѣ, Курскѣ, Серпуховѣ, Севскѣ, Калугѣ, Ельцѣ, Брянскѣ, Казани, Остатковѣ, Смоленскѣ и другихъ мѣстахъ. Отовсюду къ нему обращались и міряне, лично и письменно, и пріѣзжали къ нему исповѣдываться. Послѣ кончины о. Макарія заботами Н. П. Кирѣевской были напечатаны его письма къ монашествующимъ въ 4 томахъ, и къ мірскимъ особамъ въ одномъ томѣ, заключающія въ себѣ драгоцѣнныя уроки христіанской жизни, основанные на писаніяхъ отцовъ-подвижниковъ и собственномъ огромномъ духовномъ опыте, чуткости и проницательности смиреннаго и любящаго сердца, изложенные съ удивительною простотою, напоминающею Писанія Святителя Тихона Задонскаго. Жизнь старца Макарія, какъ и его предшественника, о. Льва, не обошлась безъ скорбей, и огорченій, во исполненіе Словъ Спасителя: «Въ мірѣ скорбни будете». Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ жизнеописанія старца Паисія Величковскаго съ приложеніемъ его писаній и между ними статьи объ умной Иисусовой молитвѣ и о приемахъ обученія этой молитвѣ, получено было на имя Натальи Петровны Кирѣевской анонимное письмо съ рѣзкими нападками на эту

молитву, на старца о. Макарія и на Наталью Петровну, выпустившую въ свѣтъ такое сочиненіе. Нашлись и другія лица, также осуждавшія опубликованіе статьи старца Паисія и полагавшія, что подобныя вещи должны храниться въ глубинѣ монастырскихъ келлій и не выноситься на улицу, къ соблазну непосвященныхъ. Упреки, выскаживаемые Н. П. Кирѣевской, были въ сущности обращены къ о. Макарію, и доставили ему немалую скорбь. Въ началѣ 50-хъ годовъ новая непріятность постигла старца. Кирѣевскіе любили иногда приглашать его къ себѣ, въ с. Долбино, и для его успокоенія выстроили ему небольшой особый домикъ въ саду, гдѣ онъ и проживалъ день, два и три, во время своего пребыванія въ Долбинѣ, отѣхая отъ непрерывнаго пріема народа въ монастырѣ. Слухи о томъ, что старецъ покидаетъ по временамъ свой скитъ и живетъ вдали отъ него у свѣтскихъ лицъ, были доведены до свѣдѣнія митрополита Филарета, причемъ митрополиту жаловались, что посѣтители Оптиної Пустыни лишены возможности видѣть старца и пользоваться его совѣтами вслѣдствіе его отсутствія изъ монастыря. Митрополитъ написалъ по этому поводу письмо Н. П. Кирѣевской, въ которомъ мягко, но рѣшительно указалъ недопустимость проживанія старца въ Долбинѣ.*)
Наконецъ, въ тѣхъ же пятидесятыхъ годахъ еще одна непріятность постигла о. Макарія. По че-

*.) Письмо митрополита и отвѣтъ Н. П. Кирѣевской мы помѣщаемъ въ приложеніи.

му-то ходатайству митрополитъ Филаретъ воз-
будилъ въ Синодѣ вопросъ о ңазначеніи о. Мака-
рія настоятелемъ Болховскаго монастыря Ор-
ловской Епархіи. Это предположеніе вызвало
крайнюю тревогу какъ среди братіи Оптиної
Пустыни, такъ и среди свѣтскихъ почитателей
старца, которымъ пришлось употребить не мало
усилій убѣдить высшія духовныя власти въ томъ,
что о. Макарій и по своему возрасту, и по своему
здравью, и по своему положенію въ Оптиної
Пустыни не можетъ быть взяты оттуда. Такъ,
среди всевозможныхъ огорченій и тревогъ под-
ходила къ концу жизнь о. Макарія, и, наконецъ,
7 сентября 1860 года послѣдовала его мирная
кончина. День кончины старца Макарія — един-
ственный день въ году, когда разрѣшается до-
ступъ въ Оптинскій Скитъ женщинамъ, желаю-
щимъ помолиться въ скитской церкви объ упо-
коеніи души его. Это обстоятельство лишній разъ
подтверждаетъ, какою исключительною и благо-
говѣйною любовью была окружена память крот-
каго и учительнаго старца.

VI.

ОПТИНСКІЙ СТАРЕЦЪ О. ИЕРОСХИМОНАХЪ АМВРОСІЙ.

Общепризнанного, бесспорного преемника себѣ старецъ Макарій не оставилъ. Одни изъ его духовныхъ дѣтей перешли къ его бывшему келейнику, О. Иларіону, пользовавшемуся общимъ уваженіемъ, и назначенному вмѣсто о. Макарія начальникомъ скита. Другіе выбрали своимъ старцемъ бывшаго главнаго помощника о. Макарія по просмотру и изданію писаній старца Паисія о. Амвросія (Гренкова), который послѣ смерти о. Иларіона въ 1873 году сдѣлался единственнымъ общепризнаннымъ Оптинскимъ старцемъ, носителемъ духа и завѣтовъ старцевъ Леонида и Макарія.

Вскорѣ послѣ кончины о. Макарія произошли большія перемѣны въ составѣ лицъ, возглавлявшихъ Оптину Пустынь. Въ 1862 году скончался о. Архимандритъ Моисей, управлявшій обителю болѣе тридцати лѣтъ, устроитель скита при

Оптиної Пустыни, учредитель ея старчества, создатель всего ея духовнаго и хозяйственнаго распорядка и благосостоянія. Черезъ три года послѣ него умеръ его братъ, и ближайшій его сотрудникъ, о. игуменъ Антоній, проживавшій послѣдніе годы своей жизни на покоѣ въ Оптиної Пустыни. Оба брата были крѣпко связаны не только кровнымъ родствомъ, но и духовною дружбою. Съ юныхъ лѣтъ они пошли однимъ и тѣмъ же путемъ монашескаго подвига, вмѣстѣ подвизались въ Рославльскихъ лѣсахъ, вмѣстѣ трудились надъ устроеніемъ Оптинскаго скита. До самой кончины о. Моисея о. Антоній оставался неизмѣнно его духовнымъ сыномъ. Если о. Моисею преимущественно былъ присущъ даръ мудрости, то о. Антонію было болѣе свойственно нѣжное, любящее сердце, о чёмъ свидѣтельствуютъ и его записки, и его письма, напечатанныя послѣ его смерти.

Н. П. Кирѣевская, послѣ первого знакомства съ нимъ, отозвалась о немъ, что въ этомъ старцѣ «особенно отличаются его возвышенное простодушие и всеобъемлющая любовь».

Со смертью трехъ вышеупомянутыхъ лицъ закончился второй тридцатилѣтній періодъ въ жизни Оптиної Пустыни. Во все продолженіе этого періода старцы Макарій, Моисей и Антоній являлись вдохновителями и руководителями духовной и материальной жизни Оптинскаго Братства. Но и послѣ ихъ смерти начатое и совершающее ими дѣло воспитанія духа и строительства

жизни монашеской общины не прекратилось и не заглохло, а нашло себѣ новыхъ исполнителей въ лицѣ ихъ преемниковъ и продолжателей — настоятеля Оптиної Пустыни — о. Исаакія, старца о. Амвросія и скитоначальниковъ о. Пафнутия, о. Иларіона, и заступившаго его мѣсто съ 1874 года о. Анатолія (Зерцалова), явившихся вѣрными хранителями и исполнителями завѣтovъ оптинскихъ старцевъ первого - старшаго - поколѣнія.

Къ болѣе близкому знакомству съ этими новыми дѣятелями Оптиної Пустыни мы теперь и обратимся.

О. Исаакій, замѣстившій о. архимандрита Моисея, происходилъ изъ богатой купеческой семьи г. Курска — Антимоновыхъ. Его отецъ торговалъ скотомъ, и самъ о. Исаакій, въ молодости своей, ъездилъ по ярмаркамъ. Эта жизнь не удовлетворила его. Въ душѣ его жило и тянуло его въ иной міръ глубокое религіозное чувство. И вотъ въ одинъ прекрасный день произошла обычная въ жизни нашихъ подвижниковъ исторія. Выѣхавъ изъ дома на одну изъ украинскихъ ярмарокъ, молодой купецъ, губернскій франтикъ, какъ онъ самъ о себѣ потомъ отзывался, Иванъ Антимоновъ приказалъ своему кучеру повернуть лошадей на съверъ, и черезъ нѣсколько дней вмѣсто украинской ярмарки оказался въ Оптиної Пустыни, слухи о которой, вѣроятно, уже доходили до него. Въ то время еще былъ живъ старецъ о. Левъ. По примѣру другихъ, Иванъ Антимоновъ

явился къ нему въ келлію за благословеніемъ, и скромно помѣстился позади всѣхъ посѣтителей на стулѣ. Вдругъ онъ слышитъ окликъ старца: «Ванюшка, поди сюда». Онъ никакъ не могъ предположить, чтобы этотъ окликъ относился къ нему, такъ какъ во первыхъ въ Оптиної Пустыни никто въ то время не зналъ его, тѣмъ болѣе, по имени, и, во вторыхъ, онъ не привыкъ къ тому, чтобы его, богатаго купеческаго сынка, кто-нибудь чужой называлъ и такъ запросто «Ванюшка». Этимъ именемъ его называлъ только его покойный дѣдъ. Поэтому онъ не обращая никакого вниманія на окликъ, продолжалъ спокойно сидѣть на своемъ мѣстѣ.*). Однако стоявшіе около него засуетились, и стали толкать его, говоря: «иди, это тебя старецъ требуетъ!» Тогда Антимоновъ, пораженный тѣмъ, что старцу извѣстно его имя, поспѣшилъ къ нему, и происшедшій между ними разговоръ опредѣлилъ его судьбу: Антимоновъ навсегда остался въ Оптиної Пустыни. При постригѣ въ монашество онъ получилъ имя Исаакія. Это былъ удивительный человѣкъ, олицетвореніе простоты, естественности, скромности и глубокой молитвенной собранности. Онъ не могъ безъ слезъ совершать лиургію. Его преданность и послушаніе старцу были всецѣлы. Болѣе тридцати лѣтъ (знаменательное число въ исторіи Оптиної Пустыни) онъ оставался настоятелемъ монастыря, и говорили, что по молитвамъ старца

*). Весь этотъ разсказъ мы лично слышали отъ о. Исаакія, и передаемъ его съ его словъ.

онъ за все это время не зналъ никакой скорби. О его необыкновенной молчаливости ходило не мало рассказовъ. Однажды, по случаю какого-то праздника въ одномъ изъ монастырей, тамъ было архіерейское служеніе. Въ числѣ сослужащихъ былъ и о. Исаакій. Послѣ службы всѣ собрались въ покояхъ настоятеля пить чай. Шелъ оживленный разговоръ. Одинъ только о. Исаакій молчалъ. Наконецъ, Владыка, желая и его втянуть въ разговоръ, обратился къ нему и сказалъ: «А что же вы, о. архимандритъ, ничего намъ не скажете? Я вижу, что вы только слушаете»... «Владыко Святый!» отвѣтилъ о. Исаакій: «если всѣ будуть говорить, то кто же будетъ слушать?» О простотѣ, скромности и незлобіи о. Иссакія можно судить по слѣдующему случаю. Какой-то проходимецъ-странникъ, какихъ не мало шатается по монастырямъ, проживая по страннопріимнымъ, питаясь по трапезнымъ и получая милостыню отъ настоятелей и казнаечевъ, пришелъ за милостыней и къ о. Исаакію, и оставшись имъ почему-то недоволенъ, грубо сказалъ: «Вотъ ты и игуменъ, да не уменъ!» О. Исаакій добродушно ему отвѣтилъ: «А ты братъ, хотя и уменъ, да не игуменъ!» Мнѣ пришлось видѣть о. архимандрита Исаакія въ Іюнѣ 1894 года, за два мѣсяца до его кончины, когда онъ уже былъ глубокимъ старцемъ. Онъ былъ средняго роста, довольно полный, сутуловатый старецъ, съ длинными, густыми, сѣдыми волосами, со спокойнымъ, серьезнымъ, прямымъ взглядомъ большихъ, сѣрыхъ, красивыхъ глазъ.

Меня, студента духовной академии, мальчишку, онъ принялъ внимательно, ласково, сердечно, и много рассказывалъ о себѣ. На прощанье онъ вынесъ мнѣ жизнеописаніе Оптинскаго старца Леонида, и, подавая его, сказалъ: «возьмите, читайте: онъ тоже былъ изъ купцовъ». Меня очень тронули тогда и эти слова его, и его богослуженіе, совершающее имъ со слезами на глазахъ, и благодаря ему навсегда установилась сердечная связь между мною и Оптиной Пустынью съ ея старчествомъ.

О скитоначальникѣ іеромонахѣ Иларіонѣ говорятъ, какъ о вѣрномъ о опытномъ въ духовной жизни ученикѣ старца Макарія. По смерти послѣдняго онъ былъ духовнымъ отцомъ Н. П. Кирѣевской и былъ ею очень почитаемъ. Ходили слухи, что между его духовными дѣтьми и духовными дѣтьми о. Амвросія происходили споры изъ-за того, кто изъ этихъ двухъ старцевъ «выше», но нужно сказать, что Н. П. Кирѣевская не принимала участія въ этихъ спорахъ, и считала, что «оба старца лучше». Когда о. Иларіонъ скончался въ 1874 году, его мѣсто начальника скита заступилъ молодой еще іеромонахъ Анатолій (Зерцаловъ), студентъ Калужской Духовной Семинаріи и ученикъ старцевъ Макарія и Амвросія. Онъ говорилъ о себѣ, что онъ двадцать лѣтъ молилъ Бога дать ему простоту, и, наконецъ, вымолилъ ее. Его считаютъ опытнымъ дѣлательемъ Іисусовой молитвы. Когда впослѣдствіи старцемъ Амвросіемъ была устроена Казанская Шамор-

динская женская община, о. Анатолій сталъ ближайшимъ помощникомъ старца въ дѣлѣ устроенія этой обители и въ духовномъ руководительствѣ сестеръ. Имѣются въ печати его письма къ монахинямъ, проникнутыя особеннымъ, восторженнымъ, какимъ-то «пасхальнымъ» одушевленіемъ, и въ этихъ письмахъ онъ постоянно напоминаетъ о необходимости неустанной внутренней Іисусовой молитвы и указываетъ, какъ можно научиться и преуспѣть въ этой молитвѣ. Будучи весьма скромнымъ, онъ обладалъ чувствомъ высокаго личнаго достоинства, и во всякомъ обществѣ умѣлъ быть одинаково общительнымъ, занимательнымъ и учительнымъ. Шамординскіе сестры сохранили о немъ самое свѣтлое и благодарное воспоминаніе, какъ о своемъ мудромъ и любвеобильномъ старцѣ.

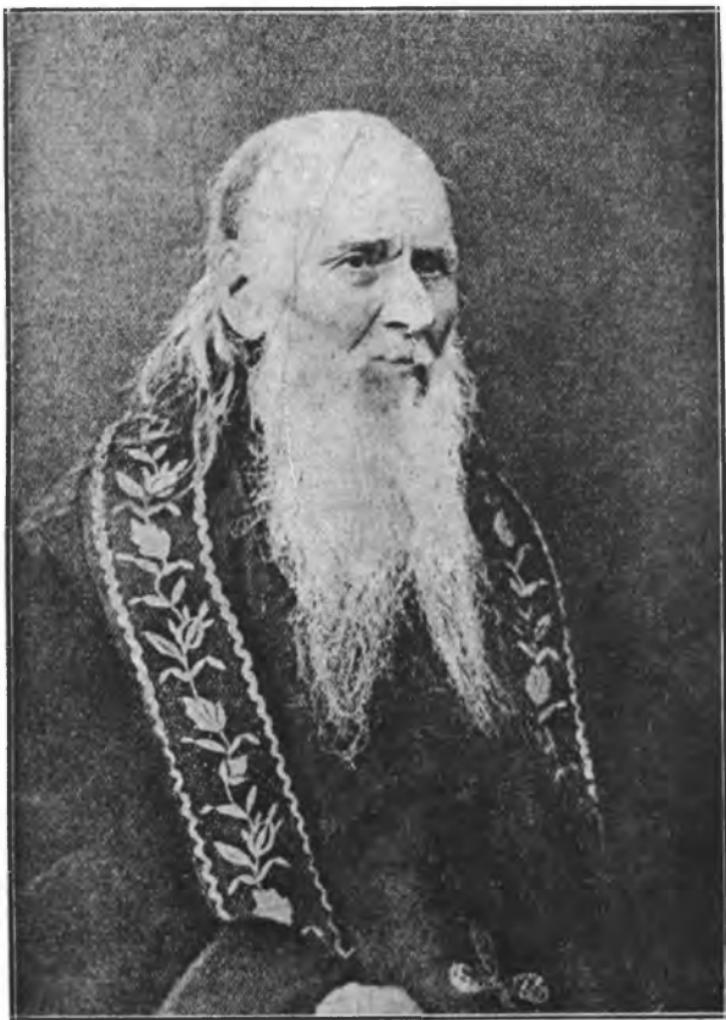
Со старцемъ Амвросіемъ у него всегда были самыя искреннія и близкія сыновнія духовныя отношенія. О. Анатолій скончался въ январѣ 1894 года, за семь мѣсяцевъ до кончины о. архимандрита Ісаакія, и два съ половиною года спустя по смерти о. Амвросія. Центральное мѣсто среди главныхъ дѣятелей Оптиної Пустыни въ третье тридцатилѣтіе ея возстановленнаго бытія занималъ старецъ іеросхимонахъ Амвросій, пріобрѣвшій, можно сказать, наибольшую славу изъ всѣхъ Оптинскихъ старцевъ, хотя самъ о себѣ онъ выражался такъ: «Славны бубны за горами, а посмотришь близко — простое лукошко», и еще: «я всю жизнь свою крылъ чужія крыши, а своя

осталась непокрытою». Старецъ іеросхімонахъ Амвросій, въ мірѣ Александръ Михайловичъ Гренковъ, родился въ духовной семье села Большія Липовицы Тамбовской епархіи 21-го или 23-го Ноября 1812 года. Самъ старецъ не зналъ точно дня своего рожденія. Онъ прошелъ обычную для духовнаго мальчика школу — сперва духовное училище, потомъ духовную семинарію. Учился онъ усپѣшно, но не пошелъ ни въ Духовную Академію, ни въ священники. Онъ какъ будто чувствовалъ въ душѣ своей особое призваніе, и не стѣшилъ пристроить себя къ опредѣленному положенію, какъ бы ожидая зова Божія. Нѣкоторое время онъ былъ домашнимъ учителемъ въ одной помѣщичьей семье, а затѣмъ преподавателемъ Липецкаго Духовнаго Училища. Обладая живымъ и веселымъ характеромъ, добротою и остроуміемъ, Александръ Михайловичъ былъ очень любимъ своими товарищами и сослуживцами. Въ послѣднемъ классѣ семинаріи ему пришлось перенести опасную болѣзнь, и онъ далъ обѣтъ постричься въ монахи, если выздоровѣеть. По выздоровленіи онъ не забылъ своего обѣта, но нѣсколько лѣтъ откладывалъ его исполненіе, «жался», по его выраженію. Однако, совѣсть не давала ему покоя. И чѣмъ больше проходило времени, тѣмъ мучительнѣе становились укоры Совѣсти. Періоды беззаботнаго юношескаго веселья и беспечности смѣнялись періодами острой тоски и грусти, усиленной молитвы и слезъ. Однажды, будучи уже въ Ли-

пецкъ и гуляя въ сосѣднемъ лѣсу, онъ, стоя на берегу ручья, явственно разслышалъ въ его журчаніи слова: «Хвалите Бога, любите Бога»... Дома, уединяясь отъ любопытныхъ взоровъ, онъ пламенно молился Божіей Матери просвѣтить его умъ и направить его волю. Вообще, онъ не обладалъ настойчивою волею, и уже въ старости говорилъ своимъ духовнымъ дѣтямъ: «Вы должны слушаться меня съ первого слова. Я — человѣкъ уступчивый. Если будете спорить со мною, я могу уступить вамъ, но это не будетъ вамъ на пользу». Въ той же Тамбовской епархіи, въ селѣ Троекуровѣ, проживалъ извѣстный въ то время въ той мѣстности подвижникъ Иларіонъ. Александръ Михайловичъ пришелъ къ нему за совѣтомъ, и старецъ сказаъ ему: «Иди въ Оптину Пустынь — и будешь опытенъ. Можно бы пойти и въ Саровъ, но тамъ уже нѣть тѣперь такихъ опытныхъ старцевъ, какъ прежде». (Старецъ преп. Серафимъ незадолго передъ этимъ скончался). Вѣроятно, прежде чѣмъ окончательно принять рѣшеніе, Александру Михайловичу захотѣлось посмотреть Оптину Пустынь. И вотъ онъ, когда наступили лѣтніе каникулы, 1839-го года, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ по семинаріи и сослуживцемъ по Липецкому Училищу, Покровскимъ снарядивъ кибитку, отправились на богомолье въ Троице-Сергіеву Лавру, и по пути останавливались въ Оптиної Пустыни. Кога послѣ этого начался учебный годъ и наступила осень, Александръ Михайловичъ, послѣ одного особенно

весело проведенного въ гостяхъ вечера, сказалъ по секрету Покровскому: «Я не могу дальше оставаться здѣсь. Уйду въ Оптину». И, дѣйствительно спустя немного дней, преподаватель Липецкаго Училища Гренковъ исчезъ изъ Липецка и оказался въ Оптиної Пустыни. Старецъ Левъ съ любовью принялъ Гренкова подъ свое ближайшее руководство и назначилъ ему послушаніе — читать старцу молитвенное правило. Александръ Михайловичъ поселился въ скиту.

Неизвѣстно почему, старецъ Левъ, шутя, называлъ Гренкова «химерою». Умирая, онъ передаль Гренкова о. Макарію, сказавъ при этомъ: «Передаю его тебѣ изъ полы въ полу. Ужъ больно онъ юится къ намъ, старцамъ». Для характеристики о. Амвросія и оптинскихъ старцевъ интересенъ сообщаемый о. Амвросіемъ небольшой разговоръ его съ о. игуменомъ Антоніемъ въ алтарѣ Введенскаго храма. Скоро послѣ того, какъ о. Амвросій былъ посвященъ въ діакона и долженъ быль однажды служить литургію въ Введенскомъ храмѣ, подходитъ онъ передъ службою къ стоявшему въ алтарѣ игумену Антонію, чтобы принять отъ него благословеніе. О. Антоній спрашиваетъ его: «ну что, привыкаете?» О. Амвросій развязно отвѣчаетъ ему: «Вашими молитвами, батюшка!» Тогда о. Антоній продолжаетъ: «Къ страху-то Божьему?...» О. Амвросій понялъ неумѣстность своего тона въ алтарѣ и смущился. «Такъ то, заключалъ свой разсказъ о. Амвросій, умѣли пріучать нась къ благоговѣнію прежніе старцы».

О. Іеросхимонахъ Амвросій

Въ годы старчества о. Макарія, о. Амвросій, какъ окончившій семинарію и знакомый съ древними языками, былъ однимъ изъ его ближайшихъ помощниковъ по подготовкѣ къ печати Писаній старца Паисія Величковскаго, и это занятіе послужило ему хорошей подготовкой къ его будущему старчеству. Въ 40-хъ годахъ онъ, простудившись, перенесъ продолжительную и тяжелую болѣзнь, навсегда подорвавшую его здоровье, и почти приковавшую его къ постели. Вслѣдствіе своего болѣзненнаго состоянія онъ до самой своей кончины не могъ совершать літургіи.

Постигшая о. Амвросія тяжелая болѣзнь имѣла для него несомнѣнное провиденціальное значеніе. Она умѣрила живость его характера, предохранила его, быть можетъ, отъ развитія въ немъ самомнѣнія, и заставила его глубже войти въ себя, лучше понять и себя самого, и человѣческую природу. Не даромъ же впослѣдствіі о. Амвросій говорилъ: «Монаху полезно болѣть. И въ болѣзни не надо лѣчиться, а только подлѣчиваться!» Помогая старцу Макарію въ издательской дѣятельности, о. Амвросій, и послѣ его кончины, продолжалъ заниматься этою дѣятельностью. Подъ его руководствомъ были изданы «Лѣстница» преп. Іоанна Лѣствичника, письма и жизнеописаніе о. Макарія, жизнеописаніе о. Моисея, жизнеописаніе и переписка о. Антонія, «Царскій путь Креста Господня» и «Иліотропіонъ» Преосв. Іоанна Максимовича и другія книги. Помощника-

ми старца Амвросія въ издательской работе были — о. Климентъ (Зедергольмъ), о. Леонидъ (Кавелинъ), о. Ювеналій (Половцевъ), и впослѣдствіи о. Агапитъ, о. Эрастъ (Вытропскій) и другія лица.

Но не издательская дѣятельность была средоточіемъ старческихъ трудовъ о. Амвросія. У старца Амвросія не было особенной склонности къ книжнымъ и кабинетнымъ занятіямъ. Его душа искала живого, личнаго общенія съ людьми, и онъ скоро сталъ пріобрѣтать славу опыта наставника и руководителя въ дѣлахъ не только духовной, но и практической жизни. Онъ обладалъ необыкновенно живымъ, острымъ, наблюдательнымъ и проницательнымъ умомъ, просвѣтленнымъ и углубленнымъ, постоянно сосредоточеною молитвою, вниманіемъ къ себѣ и знаніемъ подвижнической литературы. По благодати Божіей его проницательность переходила въ прозорливость. Онъ глубоко проникалъ въ душу своего собесѣдника и читалъ въ ней, какъ въ раскрытой книгѣ, не нуждаясь въ его признаніяхъ. Легкимъ, никому незамѣтнымъ намекомъ, онъ указывалъ людямъ ихъ слабости и заставлялъ ихъ серьезно подумать о нихъ. Одна дама, часто бывавшая у старца Амвросія, сильно пристратилась къ игрѣ въ карты, и стѣснялась сознаться ему въ этомъ. Однажды, на общемъ пріемѣ, она стала просить у старца карточку. Старецъ, внимательно своимъ особеннымъ, пристальнymъ взглядомъ посмотрѣвъ на нее, сказалъ: «Что ты, мать? Развѣ мы

въ монастырѣ играемъ въ карточки?» Она поняла намекъ, и покаялась старцу въ своей слабости. Свою прозорливостью старецъ сильно удивлялъ многихъ и располагалъ ихъ сразу всесѣло отдаваться его руководству, въ увѣренности, что «батюшка» лучше ихъ знаетъ, въ чемъ они нуждаются, и что имъ полезно, или вредно. Одна молодая дѣвушка, окончившая высшіе курсы въ Москвѣ, мать которой давно уже была духовной дочерью о. Амвросія, никогда не видя старца, не любила его и называла его «лицемѣромъ». Мать уговорила ее побывать у о. Амвросія. Придя къ старцу на общій пріемъ, дѣвушка стала позади всѣхъ, у самой двери. Вошелъ старецъ, и отворивъ дверь, закрылъ ею молодую дѣвушку. Помолившись и оглядѣвъ всѣхъ, онъ вдругъ заглянулъ за дверь и говорить: «А это что за великанъ стоитъ? Это — Вѣра пришла смотрѣть лицемѣра?» Послѣ этого онъ побесѣдовалъ съ нею наединѣ, и отношенія къ нему молодой дѣвушки совершенно перемѣнились: она горячо полюбила его, и судьба ея рѣшилась — она поступила въ Шамординскій монастырь. Кто съ полнымъ довѣріемъ предавались руководству старца, никогда въ этомъ не раскаивались, хотя и слышали они отъ него иногда такие совѣты, которые съ первого раза казались имъ странными и совершенно неисполнимыми. Мы уже приводили слова настоятеля Оптиной Пустыни, архимандрита Исаакія, что онъ тридцать лѣтъ жилъ по указа-

ніямъ старца Амвросія и не испыталъ за это время ни одной скорби.

Острота ума и прозорливость совмѣщались въ старцѣ Амвросіи съ удивительною, чисто материнскою нѣжностью сердца, благодаря которой онъ умѣлъ облегчить самое тяжелое горе и утѣшить самую скорбную душу. Съ этими качествами своей богато одаренной души о. Амвросій, несмотря на свою постоянную болѣзненность и хилость, соединялъ неизсякаемую жизнерадостность, и умѣлъ давать свои наставленія въ такой простой, ясной, наглядной и шутливой формѣ, что они легко и навсегда запоминались каждымъ слушающимъ. Подтвердимъ все сказанное немногими примѣрами. Въ Оптиной Пустыни устанавливаль иконостасъ иконостасный мастеръ изъ Калуги. Окончивъ работу и получивъ большія деньги, онъ собирался въ тотъ же день уѣхать домой, въ Калугу. Мастеръ торопился со своимъ отѣздомъ, потому что на слѣдующій день къ нему долженъ былъ по условію пріѣхать заказчикъ на новую большую работу. Ёхать нужно было лошадьми верстъ 60. По обычаю, мастеръ отправился въ скитъ проститься со старцемъ и поблагословиться у него. Старецъ принялъ его очень радушно, усадилъ, долго бесѣдоваль съ нимъ, хвалилъ его работу и, прежде чѣмъ мастеръ успѣлъ попросить благословенія на отѣздъ, старецъ, перебивая его, сказалъ: «А завтра, послѣ ранней обѣдни, приходи опять ко мнѣ: попьемъ чайку и побесѣдуемъ».

Послѣ такого приглашенія со стороны почитаемаго старца мастеръ не счелъ удобнымъ заикаться обѣ отъѣздѣ, и рѣшиль, скрѣпя сердце, отложить поѣздку до утра, думая: «если я послѣ ранней обѣдни, отпивши чаю со старцемъ, выѣду изъ монастыря, то часамъ къ тремъ-четыремъ дня буду въ Калугѣ, и застану еще тамъ своего заказчика». Каково-же было его удивленіе, когда на слѣдующій день утромъ старецъ, напоивъ его чаемъ, и не давъ ему сказать слова, снова пригласилъ его приходить къ нему въ тотъ же день передъ вечерней пить чай. Мастеръ и на этотъ разъ не посмѣлъ отказаться, чувствуя себя очень польщеннымъ вниманіемъ старца. Утѣшная себя, онъ думалъ: «Ну, можетъ быть, мой заказчикъ подождетъ меня одинъ денекъ!»

Однако, послѣ вечерняго чая, старецъ опять пригласилъ мастера приходить къ нему на слѣдующій день послѣ ранней обѣдни пить чай. «Что за чудеса!» думалъ мастеръ, «ужъ не смѣется ли старецъ надо мною!» Но не видно было, чтобы старецъ смѣялся. Мастеру уже и досадно стало — изъ-за старца онъ могъ потерять выгоднаго заказчика. Однако, дѣлать было нечего: перечить старцу было неудобно, и мастеръ снова явился къ старцу послѣ ранней обѣдни пить чай. Уже и чай этотъ сталъ ему не въ сладость. Старецъ принялъ его еще ласковѣе. Посидѣли, поговорили, попили чайку. «Ну, другъ, говорить старецъ, приходи и сегодня передъ вечерней, посидимъ!» Разсердился мастеръ: «Горе мнѣ! «думаетъ», пропалъ мой

заработок! Третій день не выпускаетъ меня старецъ изъ обители! Какой же онъ послѣ этого прозорливецъ!» Но ужъ теперь ему было все равно и онъ передъ вечерней снова пришелъ къ старцу. Старецъ опять напоилъ его чаемъ. А на прошанье сказалъ: «Завтра послѣ ранней обѣдни приходи ко мнѣ еще разъ попить чайку, и послѣ того — поѣзжай съ Богомъ!» Чуть не заплакалъ мастеръ, но и на этотъ разъ послушался старца. Провожая на другой день мастера, старецъ сказалъ ему: «Спасибо тебѣ, другъ, что послушалъ меня! Богъ сохранить тебя!» Впослѣдствіи оказалось, что втеченіе этихъ трехъ дней и ночей, пока старецъ удерживалъ мастера въ Оптиної Путсыни, два бывшихъ его подмастерья, зная, что онъ будетъ возвращаться домой изъ монастыря съ большими деньгами, стерегли его въ лѣсу на Калужской дорогѣ съ цѣлью убить и ограбить, но, не дождавшись, вынуждены были отказаться отъ своего намѣренія. Заказчикъ же, котораго мастеръ считалъ уже потеряннымъ, не могъ по своимъ обстоятельствамъ пріѣхать къ нему въ условленное время, и пріѣхалъ послѣ. — В. В. Розановъ, въ своей статьѣ о старцѣ Амвросіи, разсказываетъ трогательный случай, въ которомъ ярко обнаружилась заботливая любовь старца къ несчастнымъ. Я не могу передать этотъ разсказъ съ присущею В. В. Розанову выразительностью, и передамъ его, какъ съумѣю. Въ одномъ городѣ одной изъ центральныхъ губерній молодая девушка, дочь богатаго старозавѣтнаго купца, по не-

опытности, довѣрчивости и увлеченію совершила тяжкій грѣхъ. Когда послѣдствія грѣха стали ясны, разсвирѣвшій отецъ не вынесъ семейнаго срама, проклялъ дочь и выгналъ ее изъ дома. Какъ и всѣ несчастные въ тѣхъ мѣстахъ потерявшіе дорогу люди, молодая дѣвушка кинулась къ старцу Амвросію искать у него утѣшенія и совѣта. Старецъ обласкалъ ее, успокоилъ и помѣстилъ у своихъ знакомыхъ, не то въ Вязьмѣ, не то въ Смоленскѣ, гдѣ она благополучно и родила сына. Старецъ не оставлялъ ее и аккуратно посыпалъ ей свое ежемѣсячное пособіе. Молодая женщина знала живопись, и стала писать иконы, чѣмъ и зарабатывала хлѣбъ себѣ и своему сыну. Нѣсколько разъ въ годь она пріѣзжала съ мальчикомъ къ отцу Амвросію, и тотъ ихъ всегда принималъ съ неизмѣнною ласкою. Поѣздки къ старцу для мальчика всегда были праздникомъ, и онъ чувствовалъ себя у старца, какъ дома: бѣгалъ по келліямъ и прыгалъ по стульямъ и диванамъ. Съ теченіемъ времени и суровый отецъ примирился съ дочерью, помогалъ ей и полюбилъ своего внука.

У того же В. В. Розанова есть разсказъ о томъ, какъ одна бѣдная вдова священника привезла къ старцу своего безпутнаго сына — пьяницу, котораго никакими увѣщаніями, никакимъ лѣченіемъ не могли отучить отъ его порока. Старецъ предсказалъ ей, что этотъ горькій пьяница не только исправится, но женится, будетъ священникомъ и его мать будетъ жить при немъ и на

своихъ рукахъ будеть нянчить его дѣтей, своихъ внучатъ.

Такое невѣроятное, счастливое предсказаніе даже смутило мать пьяницы, и она усумнилась въ прозорливости старца, но, въ концѣ концовъ, слова старца исполнились съ буквальною точностью. Въ 1894 году, спустя три года послѣ смерти о. Амвросія, я былъ въ Оптиної Пустыни. Вся окрестность еще полна была воспоминаній и разговоровъ о немъ. Мнѣ лично пришлось идти изъ Козельска въ Оптину Пустынь съ одной старухой, городской мѣщанкой. И она мнѣ рассказала: «У меня былъ сынъ, служилъ на телеграфѣ, разносилъ телеграммы. Батюшка зналъ и его и меня. Сынъ часто носилъ ему телеграммы, а я ходила за благословеніемъ. Но вотъ сынъ мой заболѣлъ чахоткой и умеръ. Пришла я къ батюшкѣ — мы всѣ къ нему шли со своимъ горемъ. Онъ погладилъ меня по головѣ и говоритъ: « оборвалась твоя телеграмма! ». «Оборвалась, говорю, батюшка!» и заплакала. И такъ мнѣ легко на душѣ стало отъ его ласки, какъ будто камень свалился. Мы жили при немъ, какъ при отцѣ родномъ. Всѣхъ онъ любилъ, и обо всѣхъ заботился! Теперь ужъ нѣтъ такихъ старцевъ. А, можетъ быть, Богъ и еще пошлетъ!» Одна молодая француженка, католичка, по смерти любимаго ею человѣка испытывала сильную тоску и обратилась къ старцу съ письмомъ, ища у него нравственной поддержки и совѣта. Старецъ отвѣтилъ ей задушевнымъ письмомъ, убѣждая имѣть вѣру

въ Бога и полагаться на волю Божію. Жизнеописаніе старца Амвросія полно рассказовъ о многочисленныхъ слuchаяхъ его сострадательной любви къ людямъ и его прозорливости, но мы не имъемъ возможности по памяти воспроизвести ихъ здѣсь*). Кажется, въ 1875 году пріѣхалъ въ Оптину Пустынь бывшій русскій консулъ въ Турціи, К. Н. Леонтьевъ, извѣсный писатель и философъ. Не заставъ о. Амвросія въ скиту, онъ отправился на его лѣсную дачу, въ глубину сосноваго бора, куда старецъ любилъ уединяться съ цѣлью отдохнуть оть своей ежедневной суety. Тамъ онъ увидѣлъ старца, окруженаго народною толпою. Онъ рассказалъ старцу о своихъ внутреннихъ переживаніяхъ, о своемъ обращеніи къ вѣрѣ, о чудѣ, бывшемъ съ нимъ на Аeonѣ, объ Аeon-скихъ Старцахъ. Это свиданіе опредѣлило дальнѣйшій жизненный путь Леонтьева. Онъ поселился въ Оптиної Пустыни, вблизи старца, въ домѣ, который получилъ наименованіе консульскаго, и прожилъ тамъ болѣе 15 лѣтъ. Незадолго до кончины о. Амвросія, Леонтьевъ, по его указанію перѣѣхалъ въ Троице-Сергіеву Лавру, въ Черниговскій скитъ Божьей Матери, принялъ тамъ монашество и скончался, кажется, въ 1892-мъ году. Въ 1878 году пріѣзжали къ о. Амвросію Достоевскій съ Вл. Соловьевымъ. Нѣсколько разъ бывалъ у о. Амвросія и гр. Л. Н. Толстой;

*) Интересующіеся пусть смотрять мою книгу: «Жизнеописаніе Оптина старца іеросхимонаха Амвросія» Изд. Козельской Введенской Пустыни. 1912 г. 420 стр.

Въ послѣдніе годы жизни о. Амвросія, когда имя его было уже извѣстно всей Россіи, день его распредѣлялся такъ: Онъ просыпался очень рано, часа въ четыре или пять утра, но по своей болѣзnenности, немощи и постоянной усталости отъ множества посѣтителей поднимался иногда съ большимъ трудомъ и неохотою, со стонами и охами, умывался теплою водою, не сходя съ кровати, и стоя на ней на колѣняхъ. Затѣмъ, келейники вычитывали ему утреннее правило. Во время чая келейники, по просьбѣ и порученію разныхъ лицъ, задавали ему вопросы о тѣхъ и другихъ предметахъ.

Налившись чаю, о. Амвросій принимался за корреспонденцію. Корреспонденція его была огромная. Иногда онъ получалъ до шестидесяти писемъ въ день. На нѣкоторыя письма, въ дѣлахъ важныхъ и интимныхъ, онъ отвѣчалъ собственноручно; на другія письма диктовалъ отвѣты своимъ секретарямъ, самъ же только подписывалъ ихъ; на третыи письма поручалъ отвѣчать, давая только указанія для отвѣта. Такъ проходило утро часовъ до 8, до 9.

Въ это время уже собирались понемногу посѣтители, желавши лично видѣть старца. Мужчины приходили извнутри скита и собирались въ сѣняхъ передъ дверью, которая еще была заперта. То и дѣло раздавались звонки, и къ выходившему келейнику обращались съ просьбами доложить старцу о желаніи видѣть его. Келейникъ отвѣчалъ, что старецъ сейчасъ занятъ письмами и

просилъ обождать немногого. Въ это время съ наружной стороны скита хибарка наполнялась посѣтительницами. Мало по малу нѣтерпѣніе посѣтителей и на мужской и на женской половинѣ все болѣе возрастало, звонки становились чаще и сильнѣе, келейника начинали упрекать въ томъ, что онъ не докладываетъ старцу. Келейникъ передавалъ всѣ эти рѣчи старцу, а старецъ, поглощенный письмами, разсѣянно отвѣчалъ:— «Попроси подождать». Жѣлая протянуть время, келейникъ иногда спрашивалъ посѣтителей — «Да какъ о васъ доложить?» Каждый говорилъ ему свою фамилію, и откуда онъ пріѣхалъ, но келейникъ, конечно, не могъ всего этого запомнить, и войдя къ старцу, говорилъ: «тамъ, батюшка, собрались разные народы — московскіе смоленскіе, вяземскіе, тульскіе, калужскіе, орловскіе — хотятъ васъ видѣть». Наконецъ, старецъ оканчивалъ свою переписку. Входные двери открывались, и посѣтители наполняли назначенные имъ помѣщенія, коридорчикъ, зальцу, хибарочныя помѣщенія и т. д. Черезъ нѣкоторое время выходилъ старецъ. Онъ былъ довольно высокаго роста, немногого сгорбленный, худощавый, блѣдный, съ довольно длинной рѣдкой бородой, съ живыми, добрыми, и проницательными небольшими глазами, въ ватномъ подрясникеъ, и въ ватной камилавкѣ на головѣ, съ четкими въ рукахъ. Когда онъ снималъ камилавку, открывался большой, умный лобъ, увеличиваемый лысиною. Выйдя изъ своей келліи, старецъ сперва

направлялся на женскую половину, въ хибарку. Входя въ хибарку, старецъ благоговѣйно молился передъ большою иконою Богоматери «Достойно есть», присланною съ Аѳона, и начиналъ благословлять кинувшихся къ нему женщины. Въ лѣтнее время, когда бывало особенно много посѣтителей, старецъ черезъ хибарку выходилъ въ лѣсь, подъ открытое небо, и тамъ обходилъ и благословлялъ собравшихся, останавливаясь съ тѣмъ или другимъ, чтобы выслушать вопросъ и дать отвѣтъ. И съ какими только просьбами и жалобами, съ какими только своими горестями и нуждами ни приходили къ старцу люди! Одна крестьянка со слезами просила его научить ее, чѣмъ кормить порученныхъ ей господскихъ индюшекъ, чтобы онѣ не дохли, и старецъ, разспросивъ, какъ она ихъ кормить, давалъ ей соотвѣтствующее наставленіе. Когда ему указывали, что онъ напрасно теряетъ съ нею время, онъ отвѣчалъ: «Давѣдь въ этихъ индюшкахъ вся ея жизнь».

Для старца не существовало неважнаго человѣческаго горя. Каждаго онъ выслушивалъ съ одинаковымъ вниманіемъ. Ни къ кому онъ не относился безразлично. Это и было дорого всѣмъ, это и привлекало всѣхъ къ нему.

И сенаторъ, и простая, бѣдная крестьянка, и студентъ университета — всѣ въ его глазахъ были равно нуждающимися духовными пациентами, требующими вниманія, ласки, духовной помощи. Иные приходили къ старцу за благословеніемъ, выдавать ли дочь замужъ, женить ли

сына, принимать ту или другую должность, ъхать ли въ то или другое мѣсто на заработки, оставаться ли въ міру, или уходить въ монастырь, какъ жить вообще и т.д. И для каждого у старца находилось соотвѣтствующее полезное слово, приношенное и къ его обстоятельствамъ, и къ его характеру, указывавшее ему наилучшій и разумнѣйшій выходъ изъ того или другого труднаго положенія.

Слова старца не были просто прописною, общеизвѣстною моралью, они всегда носили индивидуальный характеръ, всегда сообразовались съ особенностями даннаго лица. Приходитъ къ старцу молодой священникъ, гдѣ тому назадъ назначенный, по собственному желанію, на самый послѣдній приходъ въ епархіи. Не выдержалъ онъ скудости своего приходскаго существованія и пришелъ къ старцу просить благословенія на перемѣну мѣста. Увидѣвъ его издали, старецъ закричалъ ему :«иди, иди назадъ, отецъ! Онъ одинъ, а васъ двое!» Священникъ, недоумѣвая, спросилъ старца, что значать его слова. Старецъ отвѣтилъ: «Да вѣдь діаволъ, который тебя искушаетъ, одинъ, а у тебя помощникъ — Богъ! Иди назадъ, и не бойся ничего: грѣшно уходить съ прихода! Служи каждый :день литургію, и все будетъ хорошо!» Обрадованный священникъ воспрянулъ духомъ и, вернувшись на свой приходъ, терпѣливо повелъ тамъ свою пастырскую работу, и черезъ много лѣтъ прославился, какъ второй старецъ Амвро-

сій.*). Обойдя всіхъ въ хибаркѣ и около хибарки, старецъ шелъ на мужскую половину, если чувствовалъ себя въ силахъ. Если же быль слабъ, то принималъ посѣтителей, лежа въ своей келліи. Пріемъ посѣтителей продолжался до 12 часовъ и далѣе. Иногда келейники, видя усталость старца, напоминали ему, что уже начался первый часъ. Тогда старецъ говорилъ: «А ты переведи часы назадъ, и будетъ 12». Окончивъ пріемъ, старецъ обѣдалъ, и до половины второго отдохнулъ. Затѣмъ снова выходилъ въ хибарку для бесѣды и благословенія, или же принималъ у себя въ келліи, лежа на койкѣ, если чувствовалъ слабость. Пріемы и бесѣды съ монастырскою братіею и съ посторонними продолжались непрерывно до 9 и 10 часовъ вечера, и позже. Совсѣмъ усталый и слабый, старецъ выслушивалъ вечернее молитвенное правило и отпускалъ своихъ келейниковъ, за день также совершенно измаявшихся. Иногда въ это время начнутъ бить часы. Старецъ спроситъ: «сколько?» «Двѣнадцать», отвѣчаютъ келейники. «Запоздали»... скажетъ старецъ.

Въ такомъ порядкѣ изо-дня въ день шла жизнь о. Амвросія въ теченіе многихъ лѣтъ, прерываясь иногда поѣздками на лѣсную дачу, или путешествіями въ Шамордино, и оживляясь праздничными богослуженіями въ кельѣ старца и посѣщеніями чудотворныхъ иконъ. О. Амвросій всегда съ особеною радостью и умиленіемъ встрѣчалъ

*). О. Георгій Косовъ, священникъ иеромонаха Спась-Чокрако, Орловской епархіи.

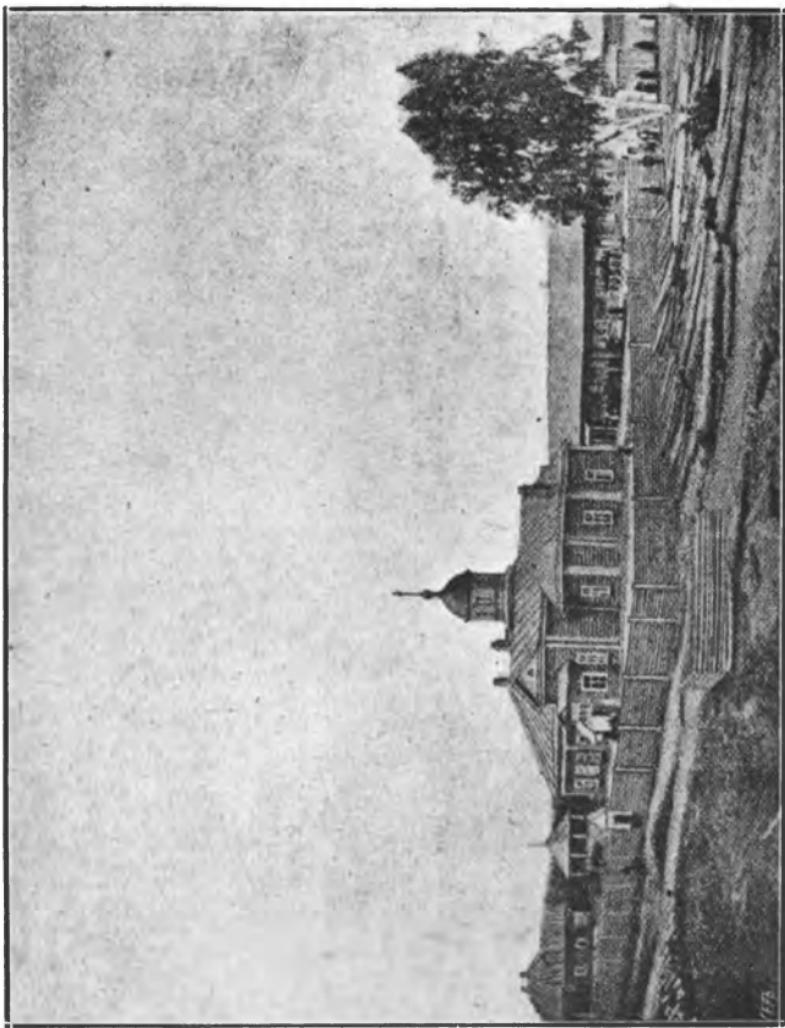
приносимыя къ нему чудотворныя иконы Бого-
матери — Калужскую и Ахтырскую. Лицо его
преображалось, сияло особеннымъ внутреннимъ
свѣтомъ, изъ глазъ лились слезы... По временамъ
онъ подпѣвалъ пѣвчимъ своимъ старческимъ,
слабымъ, но пріятнымъ теноромъ.

VII.

СТАРЕЦЬ О. АМВРОСІЙ — УСТРОІТЕЛЬ ЖЕНСКОЙ КАЗАНСКОЙ ШАМОРДИНСКОЙ ПУСТЫНИ.

Съ конца семидесятыхъ годовъ о. Амвросій отдаётся новому большому дѣлу, глубоко захватившему его, и до конца жизни составлявшему главную его заботу.

Мы говоримъ объ устроеніи имъ Казанской женской Пустыни близъ деревни Шамордино, въ 12 верстахъ отъ Оптиної Пустыни. На высокомъ, покрытомъ лѣсомъ, берегу тихой, спокойной Серены, въ уединенной и живописной мѣстности, стояла давнишняя усадьба мелкихъ помѣщиковъ, мужа и жены, бездѣтныхъ стариковъ. Бу碌чи очень религіозными, старички часто посѣщали Оптину Пустынь, бывали у старца Амвросія, жаловались ему на свою безпріютную старость, выражали готовность продать свою усадьбу, если бы нашелся подходящій покупатель,

Первоначальный Видъ Шамординской Пустыни

а самимъ поселиться въ гостиницѣ при Оптиной Пустыни, и доживать тамъ свой вѣкъ.

Какъ разъ въ это время богатая помѣщица Ключарева, давнишняя духовная дочь о. Амвросія, желая жить поближе къ Оптиной, искала для себя небольшую усадьбу, гдѣ бы она могла поселиться съ двумя своими внучками, крестницами о. Амвросія, Вѣрою и Любовью, принявтыми ею на воспитаніе. О. Амвросій посовѣтоваль ей купить усадьбу вышеупомянутыхъ старишковъ. Усадьба была куплена, старишки переселились въ Оптину, а ихъ домъ стали приспособлять для жительства Ключаревой и ея внучекъ. Когда намѣчили въ домѣ предполагаемыя перестройки и совѣтовались съ о. Амвросіемъ, который по этому случаю пріѣзжалъ въ усадьбу, то всѣ удивлялись его указаніямъ, которыя, повидимому, имѣли въ виду не удобства барской квартиры, а будущее монашеское общежитіе.

На это обратила вниманіе и сама Ключарева, и была недовольна распоряженіями старца. Послѣдующія события разъяснили загадку. Обѣ дѣвочки, горячо любившія другъ друга и старца, и всѣми любимыя, одновременно заболѣли дифтеритомъ, и черезъ нѣсколько дней къ общему горю и особенному горю бабушки, скончались. Послѣ смерти дѣвочекъ приспособленіе усадьбы для барской жизни потеряло смыслъ, настроеніе Ключаревой перемѣнилось, и усадьба получила новое назначеніе — стала приспособляться подъ женскую иноческую обитель.

При Ключаревой состоялъ большой штатъ женской прислуги, частью еще изъ ея бывшихъ крѣпостныхъ. Эти женщины, богомольныя и расположенные къ монашеской жизни, положили начало монашеской общинѣ. Залъ дома, устроенный по указаніямъ о. Амвросія въ восточной части дома, сдѣлался домашнею церковью, гдѣ и отправлялись положенные службы. Постепенно обитель стала расти. Начальницей обители о. Амвросій избралъ другую свою духовную дочь, также богатую и родовитую помѣщицу, Софью Михайловну Астафьеву, урожденную Болотову, братъ которой, іеромонахъ Даніилъ, получившій специальное образованіе въ Петербургской Академіи Художествъ, талантливый художникъ-портретистъ, жилъ въ скиту Оптиної Пустыни. Софья Михайловна, будучи еще въ міру, отличалась высокимъ духовнымъ настроениемъ, соединяя молитвенный подвигъ съ дѣлами самоотверженаго служенія ближнимъ. Овдовѣвъ послѣ первого брака, она хотѣла поступить въ монастырь, но по благословенію старца Амвросія вышла вторично замужъ за больного и стараго Астафьева и нѣсколько лѣтъ жила при немъ какъ бы сидѣлкой и сестрой милосердія. Овдовѣвъ вторично, умудренная скорбнымъ жизненнымъ подвигомъ, она была, наконецъ, поставлена во главѣ возникшой Шамординской обчины. 1-го октября 1881 года состоялось открытие обчины. О. Амвросій не присутствовалъ на открытии. Затворившись у себя въ келліи, онъ цѣлый день провелъ въ усиленной

молитвѣ. Вновь открытая община росла съ такою быстротою, что не успѣвали строить новые корпуса для вновь принимаемыхъ сестеръ. Дѣло требовало огромныхъ заботъ и огромныхъ средствъ, и всею своею тяжестью легло на престарѣлаго и болѣзненнаго старца. Старецъ всею душою отдался этому дѣлу. Онъ послалъ въ Шамордино нѣсколько ближайшихъ къ нему и опытнѣйшихъ братій для помощи матушкѣ Софіи въ устроеніи обители, и самъ ежедневно выслушивалъ ихъ отчеты и давалъ имъ руководящія указанія. Имя старца Амвросія привлекло въ обитель сестеръ со всѣхъ концовъ Россіи, изъ всѣхъ классовъ общества. Пришли сюда и молодыя курсистки, искавшія и находившія у старца указаніе смысла жизни; пришли богатыя и знатныя помѣщицы, вкладывавшія свои материальныя средства на созиданіе обители. Были здѣсь и любительницы благочестія изъ купеческаго званія, принимавшія иногда тайный постригъ еще до поступленія своего въ монастырь. И особенно много было здѣсь простыхъ крестьяноокъ. Всѣ онѣ составили одну тѣсную семью, объединенную безграницюю любовью къ собравшему ихъ старцу, который со своей стороны любилъ ихъ также искреннею отеческою любовью. Съ особеною любовью принималъ онъ въ свою обитель всѣхъ обездоленныхъ, несчастныхъ, беспріютныхъ: «Такихъ-то, говорилъ онъ, намъ и нужно!» Пришла къ нему одна молодая крестьянка, оставшаяся по смерти мужа бездѣтной вдовой въ мужниной семье, больная, неспособная къ

работъ, всѣмъ чужая и никому не нужная. Свекровь ей говорила: «Ты-бы, милая, хоть удавилась — тебѣ не грѣхъ!» Пришла она къ старцу вся въ слезахъ и повѣдала ему свое горе. Старецъ внимательно выслушалъ ее и сказалъ: «Этотъ хламъ и у насъ сойдетъ». И велѣлъ принять ее въ Шамордино. И вотъ, изъ такихъ-то несчастныхъ и имъ подобныхъ набралось въ Шамординѣ еще при жизни старца до тысячи сестеръ. Нашлись благочестивые и щедрые благотворители, известная московская купеческая семья Перловыхъ, и выстроили въ Шамординѣ величественный храмъ, трапезную и другія зданія. Главною святынею храма была чудотворная Казанская икона Божьей Матери, по имени которой и сама обитель стала именоваться Казанской. Когда о. Амвросій въ первый разъ пріѣхалъ въ Шамординскую усадьбу, послѣ того, какъ она была куплена Ключаревой, и вошелъ въ залу, онъ обратилъ вниманіе на эту икону Богоматери, висѣвшую въ углу, долго разматривалъ ее и сказалъ: «Эта икона чудотворная — почитайте ее!» Слова старца подтвердились многими послѣдующими случаями. Алтарь нсваго, большого храма былъ устроенъ такъ, что отдѣлялся на нѣкоторое разстояніе отъ его восточной стѣны, и это давало возможность отчетливо слышать возгласы священнослужителей во всѣхъ концахъ храма. Особенно внимательно старецъ слѣдилъ за благоговѣйнымъ и уставнымъ выполненіемъ церковныхъ службъ. На одномъ изъ клиросовъ онъ сдѣлалъ

собственноручную надпись: «Не ревнуй лукавнующимъ, зане лукавнующіе потребятся» (Псал. 36. 1.1.). Тихое и стройное пѣніе двухъ клиросовъ подъ управлениемъ опытныхъ регентшъ, обученныхъ московскими специалистами, неспешное, ясное, уставное чтеніе, и весь благоговѣйный, неспешный и стройный чинъ богослуженія производилъ сильное впечатлѣніе на присутствующихъ въ храмѣ и располагалъ къ молитвѣ. По благословенію старца Шамординскія сестры во всѣхъ своихъ монастырскихъ нуждахъ старались сами себя обслуживать: сами вели все свое хозяйство, занимались полевыми работами, работали въ мастерскихъ — швейной и сапожной, пекли хлѣбы, вели молочное дѣло, занимались въ иконолипной мастерской, сами золотили и чеканили иконостасъ въ своеемъ храмѣ, производили эмалевые украшенія на иконахъ, дѣлали тонкую художественную работу — вышивали золотомъ и шелками, писали красками на атласѣ, вышили, напримѣръ, и написали красками великолѣпное художественное золототканное изображеніе Тайной Вечери на передней сторонѣ малиноваго бархатнаго напрестольного одѣянія, и даже устроили собственную типографію. Не чуждались онѣ и самой тяжелой, черной работы: напримѣръ, сами копали канавы для укладки фундамента при постройкѣ церкви. О. Амвросій заботился о томъ, чтобы въ его обители процвѣтали не только молитва и трудъ, но и дѣла милосердія и помощи нуждающимся. Поэтому, по его благословенію въ

Шамординъ былъ открытъ дѣтскій пріютъ, была устроена богадѣльня для неспособныхъ къ труду и беспомощныхъ старухъ, не только монахинь, но и мірскихъ, и открыта школа для приходящихъ крестьянскихъ дѣвочекъ. Каждое лѣто о. Амвросій пріѣзжалъ въ Шамордино, чтобы лично руководить жизнью сестеръ обители, какъ духовною, такъ и хозяйственною. Эти пріѣзды старца были величайшимъ праздникомъ и радостью для обители. Всѣхъ сестеръ охватывало особенное одушевленіе, и усердіе къ своему дѣлу. Каждой хотѣлось быть замѣченной старцемъ, услышать отъ него похвалу, или хотя бы простое ласковое слово. Старецъ обходилъ всѣ помѣщенія обители, наблюдалъ за ходомъ работъ, вникалъ во всѣ подробности, указывалъ, направлялъ въ надлежащую сторону. Его неутомимыми и постоянными помощниками, съ любовью заботившимися о юной обители, были скитонаачальникъ о. Анатолій, о. іеромонахъ Іосифъ, будущій преемникъ старца, с. Венедиктъ, будущій замѣститель о. Анатолія, о. Іоиль, наблюдавшій за постройками, о. Піоръ, будущій духовникъ обители и другіе братья изъ Оптиної Пустыни. Въ самой же обители первою и незамѣнною исполнительницей воли старца и руководительницей сестеръ была начальница обители, скимонахиня Софія, память которой глубоко чтится въ обители, считающей ее праведницей. Самъ старецъ, когда получилъ извѣстіе о кончинѣ матушки Софіи, умершой еще не въ преклонныхъ лѣтахъ, сказалъ:

«Ахъ, мать! Обрѣла благодать у Бога!» Преемницей матушки Софії была слѣпая игуменія Евфросинія, послѣ которой управляла обителюю игуменія Екатерина, а затѣмъ, игуменія Валентина, при которой и произошелъ большевицкій разгромъ монастыря. Игуменію Валентину мнѣ пришлось видѣть и знать лично. Она происходила изъ купеческаго званія, калужской губерніи, и говорила чистѣйшимъ калужскимъ нарѣчіемъ. Еще до поступленія въ монастырь она приняла тайный постригъ, такъ какъ по семейнымъ обстоятельствамъ не могла открыто поступить въ монастырь. Она была для всѣхъ примѣромъ смиренія, кротости и усердной молитвы. Высокая, блѣдная, съ благообразнымъ лицомъ и добрымъ взглядомъ темныхъ глазъ, тихая и скромная, вся окутанная чернымъ покрываломъ монашескихъ одеждъ, она невольно располагала къ себѣ сердца всѣхъ, узнававшихъ ее. Немало было въ Шамординѣ и другихъ монахинь высокой духовной жизни, истинныхъ подвижницъ и труженицъ Христа ради, имена которыхъ я считаю преждевременнымъ называть, но не могу не отмѣтить того особенного. свѣтлаго, радостнаго, и благожелательнаго настроенія, которымъ были проникнуты всѣ Шамординскія сестры: мнѣ никогда не приходилось наблюдать въ нихъ напускного, внѣшняго, неискренняго благочестія.

Въ этой обители удивительнымъ образомъ успѣли сочетаться культурность и просвѣщенность русской образованной женщины съ благо-

говѣйною настроенностью вѣрующей народной души. Удивительное впечатлѣніе оставляло въ душѣ время пребыванія въ Шамординѣ чудотворной Калужской иконы Богоматери. Эта икона, обычно пребывавшая въ селѣ Калуженкѣ, не-подалеку отъ Калуги, лѣтомъ странствовала по городамъ и селамъ Калужской епархіи, и въ Іюлѣ достигала Шамордина. Отношеніе русскаго народа къ святымъ иконамъ иногда приравни-ваютъ къ идолопоклонству, но такая оцѣнка рус-скаго народнаго благочестія основана лишь на поверхностномъ съ нимъ знакомствѣ.

Я родился и выросъ среди простого народа. Я съ дѣтства принималъ участіе въ многочисленныхъ крестныхъ ходахъ, въ различныхъ мѣстно-стяхъ Россіи, на югѣ и на сѣверѣ, — близко видѣлъ народное религіозное настроеніе и самъ раздѣлялъ его, и потому съ полнымъ убѣжденіемъ могу утверждать, что отношеніе русскаго народа къ иконамъ имѣеть характеръ истинно-духовный и православный. Сквозь икону народъ видитъ живое лицо Спасителя, Богоматери, Святителя Николая или кого-либо другого изъ святыхъ угодниковъ. Онъ падаетъ предъ иконою на колѣни и лобзаетъ ее, но лобзаетъ не дерево и краски, а это живое существо, которое онъ видить сквозь это дерево и краски. Когда онъ видить величественно шествующій на носилкахъ надъ толпою образъ Богоматери, онъ не говоритъ: «икону несутъ», онъ говоритъ: «Пречистая идетъ»; онъ забываетъ въ эту минуту о материальномъ со-

ставъ иконы, и видитъ лишь соприкасающуюся съ нимъ живую, невидимую Царицу Небесную.

Такое отношение нельзя назвать идолопоклонствомъ, такъ какъ здѣсь нѣть обожествленія матери. Здѣсь имѣется на лицо нѣчто совершенно иное — ощущеніе близости и вездѣ присутствія Божества, «соприкосновеніе міру иному», по выраженію Достоевскаго. Икона есть, въ данномъ случаѣ, только тотъ материальный поводъ, который даетъ возможность вѣрующей душѣ легче и очевиднѣе войти въ общеніе съ міромъ невидимымъ. И вотъ, когда въ Шамордино приносили чудотворную Калужскую икону Богоматери, то для всѣхъ это было посѣщеніемъ самой Пресвятой Богородицы. Можно представить, съ какимъ чувствомъ, съ какими радостными слезами, съ какою любовью повергались всѣ ницъ передъ грядущею съ обителю Царицею Небесною! Съ необычайнымъ подъемомъ духа, торжественно, всею обителю встрѣчали святую икону, у святыхъ воротъ монастыря, и съ крестнымъ ходомъ, при торжественномъ трезвонѣ колоколовъ вносили въ храмъ, гдѣ и начиналось праздничное всенощное бдѣніе. По окончаніи богослуженія начиналось пѣніе молебновъ. Святая икона поднималась съ мѣста и торжественно шествовала изъ келліи въ келлію, изъ корпуса въ корпусъ по всей обители въ продолженіе всей ночи. Это было, какъ бы вторая пасхальная ночь. Во мракѣ ночи ярко горѣли свѣчи въ рукахъ монахинь, сопровождающихъ икону и отчетливо раздавались

умилительные напѣвы стихиръ и ирмосовъ въ честь Богоматери. Изъ монастыря крестный ходъ направлялся полемъ въсосѣднюю монастырскую дачу, такъ называемую Лапеху, и это шествие по открытому мѣсту подъ необъятнымъ ночныхъ небеснымъ куполомъ, сіяющимъ звѣздами, было еще красивѣе и величественнѣе. Такъ проходила ночь и къ утру икона возвращалась въ храмъ, гдѣ молебное пѣніе продолжалось до начала литургіи.

Въ различномъ разстояніи отъ Шамордина находились нѣсколько принадлежавшихъ ему дачъ. Кромѣ упомянутой Лапехи, была еще дача въ великолѣпномъ сосновомъ лѣсу, такъ называемомъ царскомъ, пожертвованномъ обители покойнымъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Александровичемъ. Другая дача, Акатово, гдѣ велось полевое хозяйство, находилась довольно далеко отъ монастыря, и мнѣ въ ней не пришлось побывать. Третья дача, Рудново, гдѣ еще при старцѣ Амвросіи былъ найденъ источникъ воды, считавшійся чудотворнымъ. Въ Рудновѣ существовала небольшая, деревянная, очень красивая церковь во имя Успенія Богоматери. Тамъ же существовали пещеры, ископанныя какими-то прежними подвижниками, предсказывавшими, что придетъ время, когда на этомъ мѣстѣ устроится женская обитель, и сестрамъ обители придется спасаться отъ враговъ въ вырытыхъ подвижниками пещерахъ. Это сказаніе намъ передавали еще въ 1913 году, т.е. до войны

и революції и оно совпадаетъ съ предсказаніемъ преп. Серафима о томъ, что послѣ его прославленія настанетъ такая скорбь и такое лютое время когда ангелы не будутъ успѣвать носить на небо души убитыхъ и замученныхъ. Вообще Рудново въ сознаніи Шамординскихъ монахинь представлялось мѣстомъ таинственнымъ, окутаннымъ какою-то особеною чудесностью.-

Оно считалось мѣстомъ, имѣющимъ какое-то особенное предназначеніе. Кстати скажу: на половинѣ пути между Шамордінъ и Рудновъ, тамъ, гдѣ дорога, поднимаясь въ гору, достигаетъ высшаго подъема, становится виденъ сіяющій крестъ Оптинской колокольни. Въ самомъ Шамординѣ въ тихій лѣтній вечеръ наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней ясно бываетъ слышанъ звонъ большого «семисотенного» Оптинскаго колокола. Обитель молитвенную вѣсть подаетъ.

Послѣдніе годы жизни старца Амвросія были означенованы немалыми горестями. Частыя отлучки старца изъ Оптинскаго скита въ Шамордино и особенно послѣднее, предсмертное, самое продолжительное его тамъ пребываніе въ 1891 году — вызывали ролотъ Оптинской братіи, лишавшейся возможности ежедневнаго посѣщенія старца. Чтобы сказать старцу свои духовныя нужды, братія должны были идти, и въ одиночку, и группами, за 12 верстъ, въ Шамордино. Огорчался, но молчалъ и смиренный настоятель Оптиной Пустыни, о. архимандритъ Исаакій. Не нравились эти

отлучки и Епархиальной власти, разсуждавшей съ формальной точки зре́нія, что монаху-схимнику не подобаетъ оставлять свой скитъ и проживать въ женской обители. Съ о. Амвросіемъ повторялась также исторія, которая уже бывала раньше со старцами Львомъ и Макаріемъ. И тѣхъ упрекали въ нарушеніи схимническихъ обѣтовъ за ихъ общеніе съ народомъ, за посѣщеніе свѣтскихъ домовъ. Пришлось понести этотъ крестъ и о. Амвросію, и онъ иногда говорилъ по этому поводу: «немало я принялъ назаслуженной славы на свое мѣсто вѣку. А кто пользовался славой на землѣ, тотъ долженъ пострадать за это, или въ здѣшней временной жизни, или въ будущей вѣчной. Лучше же пострадать временно въ здѣшней жизни, нежели вѣчно въ будущей».

1891-й годъ былъ послѣднимъ годомъ въ земной жизни старца. Все лѣто этого года онъ провелъ въ своей любимой обители, какъ бы спѣша закончить и устроить тамъ все незаконченное. Онъ ясно сознавалъ приближеніе своей кончины, и это видно было изъ всѣхъ его словъ, изъ всѣхъ распоряженій. Многое объяснилось уже только послѣ его кончины. Пріѣхавъ въ Шамордино въ началѣ лѣта, старецъ задержался тамъ по разнымъ обстоятельствамъ. Шли спѣшные работы, по которымъ требовались указанія. Новая настоятельница, игуменія Евфросинія, нуждалась въ руководствѣ. Старецъ, повинуясь распоряженіямъ консисторіи, неоднократно назначалъ дни своего отѣзда, но ухудшеніе здоровья, наступав-

шая слабость заставляли его откладывать свой отъездъ. Такъ протянулось дѣло до осени, и всѣмъ стало ясно, что старецъ останется и на зиму въ Шамординѣ. Стали приготавлять для него зимнее помѣщеніе. Сестры радовались, что старецъ не покинетъ ихъ. Между тѣмъ изъ Калуги шли все болѣе и болѣе настойчивыя требованія о возвращеніи старца въ скитъ. Наконецъ, было получено извѣстіе, что самъ преосвященный, недовольный медлительностью старца, собирается пріѣхать въ Шамордино, и увезти о. Амвросія въ Оптину Пустынь. Обиженные за старца сестры сильно волновались. Одинъ старецъ оставался спокоенъ и благодушенъ. Осеннее время неблагопріятно отразилось на здоровъ старца. Онъ простудился и, наконецъ, пересталъ вставать съ постели. Это была его послѣдняя предсмертная болѣзнь. Не сознававшія опасности положенія старца, сестры, встревоженные вѣстями о пріѣздѣ архіерея, спрашивали старца: «какъ мы будемъ встрѣтить Владыку, если онъ пріѣдетъ къ намъ?» Старецъ отвѣчалъ: «мы пропоемъ ему — со святыми упокой!».

Наконецъ, въ Шамординѣ получено было извѣстіе, что Владыка выѣхалъ изъ Калуги. А старецъ слабѣлъ все болѣе и болѣе. И вотъ—едва преосвященный успѣлъ проѣхать половину пути до Шамордина, и остановился ночевать въ Пере-мышльскомъ монастырѣ, и сидѣлъ вечеромъ за чаемъ съ настоятелемъ монастыря, какъ ему подали телеграмму, извѣщающую его о кончинѣ

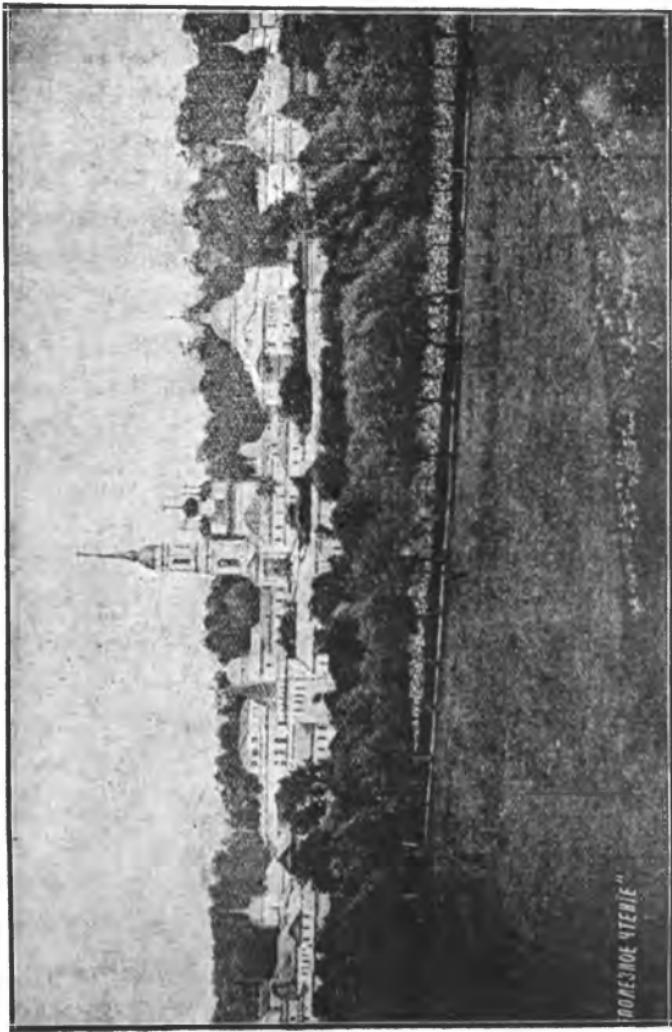
старца. Преосвященный измѣнился въ лицѣ и, подавая телеграмму настоятелю, смущенно сказа-
заль: «что же это значитъ?» Былъ вечеръ 10-го
октября.

Преосвященному совѣтовали на другой день
вернуться въ Калугу, но онъ отвѣтилъ: «Нѣть,
вѣроятно, такова ужъ воля Божія! Простыхъ
іеромонаховъ архіереи не отпѣваютъ, но это
особенный іеромонахъ — я хочу самъ совершить
отпѣваніе старца!» Прибывъ въ Шамордино,
Владыка направился прямо въ церковь, гдѣ уже
находилось тѣло старца. Шла панихида. Когда
Владыко вступилъ въ храмъ, пѣвчіе пѣли: «Со
святыми упокой»... Сестры вспомнили пророче-
ство старца, и грмкія рыданія огласили церковь.
Шамординскія сестры очень хотѣли, чтобы тѣло
старца было предано землѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ
застигла его смерть, т. е. въ Шамординѣ. Онъ
усматривали въ этомъ волю Божію. Оптинцы же
находили, что старецъ долженъ быть погребенъ
въ той обители, въ которой онъ числился, въ кото-
рой онъ полагалъ начало монашеству, въ кото-
рой протекла вся его жизнь, и въ которой почи-
вали его наставники — старцы Левъ и Макарій.
Тамъ, около этихъ старцевъ, слѣдовало почивать
и тѣлу о. Амвросія. За разрѣшеніемъ возникшаго
затрудненія обратились въ Св. Синодъ, и Синодъ
предписалъ предать землѣ останки старца Амвросія
въ Оптиной Пустыни. Была дождливая осенняя
погода. Но это не помѣщало огромному стеченію
народа, отовсюду собравшагося на погребеніе

чтимаго старца. Послѣ продолжительного отпѣванія, совершенного въ Шамординѣ, во время которого было произнесено много глубокопрочувствованныхъ рѣчей, отмѣтившихъ великое значение русскаго старчества вообще и старца о. Амвросія въ частности, гробъ старца, при громкомъ плачѣ осиротѣвшихъ шамординскихъ сестеръ былъ вынесенъ изъ церкви, и похоронная процессія двинулась въ Оптину Пустынь. Сопровождаемая хоругвями и иконами, встрѣчаемая въ попутныхъ селеніяхъ крестными ходами и духовенствомъ въ облаченіи, процессія была болѣе похожа на перенесеніе мощей, нежели на обычное погребеніе умершаго. Всю дорогу до Оптиної Пустыни гробъ несли на рукахъ. Несмотря на моросившій дождь и грязную дорогу, не уменьшалось число людей, сопровождавшихъ процессію, не умолкали похоронныя пѣснопѣнія и ярко горѣли свѣчи въ рукахъ молящихся. Уже въ сумерки процессія достигла Оптиної Пустыни, откуда навстрѣчу ей уныло неслись звуки большого колокола. Тѣло старца Амвросія предано было землѣ на общемъ кладбищѣ по правую сторону отъ алтаря Введенскаго храма рядомъ съ могилою старца Макарія. Такъ закончилось многотрудное старческое служеніе о. Амвросія, въ теченіе тридцати лѣтъ облегчавшаго и несшаго на себѣ скорби и тяготы безчисленнаго числа людей, искавшихъ у него помощи и утѣшнія! Впослѣдствіи, надъ могилой старца была воздвигнута часовня, въ которой предъ иконами Казанской Божіей Матери и

святителя Амвросія Медіоланського теплились неугасимыя лампады.

На свѣтломъ, бѣло-мраморномъ надгробіи, золотыми буквами были начертаны слова Ап. Павла, точно выражаютця смыслъ жизненнаго подвига старца: «Быхъ немощнымъ, яко немощенъ, да немощныя пріобрѣщу. Всѣмъ быхъ вся, да всяко нѣкія спасу». (1 Кор. IX. 22.).

Общий видъ Оптиної Пустыни

«ОПТИНОЕ ЧУДО»

VIII

ПОСЛѢДНIE ОПТИНСКIE СТАРЦЫ.

Черезъ два года послѣ о. Амвросія, въ Январѣ 1894 года скончался его ближайшій помощникъ по духовничеству въ Шамординѣ—начальникъ Оптинскаго Скита іеросхимонахъ Анатолій, и въ томъ же 1894 году въ Августѣ скончался и настоятель Оптиної Пустыни о, архимандритъ Ісаакій. Съ кончиною этихъ трехъ духовныхъ руководителей Оптинскаго Братства, закончился періодъ высшаго духовнаго расцвѣта и высшей славы Оптиної Пустыни. Въ дальнѣйшемъ своеимъ существованіи Оптина Пустынь жила уже только воспоминаніями своего славнаго прошлаго, и посильнымъ храненіемъ своихъ славныхъ традицій. И хотя старчество въ Оптиної Пустыни не угасло, но уже не имѣло прежней силы и славы. Послѣ кончины о. Амвросія старчество сперва распредѣлилось между двумя его ближайшими учениками и помощниками — скито-

начальникомъ о. Анатоліемъ и іеромонахомъ о. Іосифомъ. По смерти же о. Анатолія главнымъ старцемъ сдѣлался о. Іосифъ. Онъ жилъ въ кельѣ о. Амвросія, и своею кротостю, смиренiemъ и преданностью памяти своего наставника пріобрѣлъ общую любовь и уваженіе.

Всѣ, любившіе о. Амвросія, не могли не любить и о. Іосифа, котораго высоко цѣнилъ и самъ покойный старецъ, говорившій о немъ своймъ духовнымъ дѣтямъ: «Я поилъ васъ виномъ съ водою, а Іосифъ будетъ поить васъ цѣльнымъ виномъ». Самъ престарѣлый настоятель Оптиної Пустыни, о. Ісаакій, видѣлъ въ о. Іосифѣ преемника о. Амвросія по старчеству. Впрочемъ, не прекратилась и та линія старчества, во главѣ которой стоялъ о. скитоначальникъ Анатолій. Его преемникъ по должности скитоначальника, о. Венедиктъ, замѣнилъ для многихъ о. Анатолія. О. Венедиктъ былъ воспитанникомъ Смоленской Духовной Семинаріи и нѣкоторое время былъ мірскимъ священникомъ въ своей Смоленской Епархіи. Онъ отличался благоговѣйною жизнью и, овдовѣвъ, по совѣту о. Амвросія, поступилъ въ Оптино Пустынь, гдѣ исполнялъ обязанности письмоводителя при старцѣ. Подъ руководствомъ о. Амвросія и о. Анатолія онъ самъ пріобрѣлъ духовную опытность, и сталъ полезнымъ руководителемъ для своихъ духовныхъ дѣтей. Еще при жизни старца Амвросія онъ исполнялъ обязанности духовника Шамординскихъ сестеръ, и остался имъ и впослѣдствіи. Окончилъ онъ свою жизнь,

въ санѣ архимандрита, настоятелемъ Боровскаго Пафнутіева монастыря.

Другимъ ученикомъ скитоначальника о. Анатолія былъ іеромонахъ Нектарій, о которомъ говорили, какъ объ опытномъ дѣлателѣ умной Іисусовой молитвы. Онъ поступилъ въ скитъ еще мальчикомъ, и большую часть своей жизни провелъ въ глубокомъ уединеніи, подъ руководствомъ о. Анатолія. Лишь въ послѣдніе годы, уже по кончинѣ о. Іосифа, онъ, съ благословенія настоятеля Оптиної Пустыни, поселился въ кельѣ о. Амвросія и сталъ принимать посѣтителей. По примѣру первого оптинского старца Льва, и о. Нектарій не чуждъ былъ нѣкотораго юродства. О. Іосифъ скончался въ маѣ 1911 года и былъ похороненъ на общемъ кладбищѣ у ногъ старца Амвросія, какъ его вѣрный и преданный ученикъ. Послѣ его кончины изъ всѣхъ бывшихъ учениковъ о. Амвросія особенно выдѣлился іеромонахъ о. Анатолій (младшій), который и сдѣлался вскорѣ главнымъ и общепризнаннымъ старцемъ Оптиної Пустыни. Когда-то онъ былъ келейникомъ у о. Амвросія и жилъ въ скиту. Будучи еще въ санѣ іеродіакона, въ 1905 г., онъ уже привлекаль къ себѣ вниманіе и сердца богомольцевъ своимъ внимательнымъ, любовнымъ выслушиваніемъ ихъ печалей и жалобъ. Особенно лѣнули къ нему старухи-крестьянки. Мнѣ пришлось быть у него въ 1905 году въ его маленькой, тѣсной келліи въ глубинѣ скита. Рядомъ съ нимъ, въ другой келліи, помѣщался о. Нектарій. Мы сидѣли

втроемъ, за самоваромъ, у о. Анатолія. Небольшого роста, немного сгорбленный, съ чрезвычайно быстрою рѣчью, увлекающейся, любовный, о. Анатолій уже тогда оставилъ во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе.

Шесть лѣтъ спустя я снова увидѣлъ о. Анатолія, уже въ санѣ іеромонаха. Онъ жилъ уже не въ скиту, а въ монастырѣ, при церкви Владимирской иконы Божьей Матери, и пользовался уже большою извѣстностью, какъ общепризнанный старецъ. Около него уже создалась та особенная духовная атмосфера любви и почитанія, которая окружаетъ истинныхъ старцевъ, и въ которой нѣть ни ханжества, ни истеричности. О. Анатолій и по своему вѣнченному согбенному виду, и по своей манерѣ выходить къ народу въ черной полумантіи, и по своему стремительному, радостно-любовному и смиренному обращенію съ людьми напоминаль преп. Серафима Саровскаго. Обращала на себя вниманіе его особенная, благоговѣйная манера благословлять, съ удерживаніемъ нѣкоторое время благословляющей рукой около чела благословляемаго. Въ немъ ясно чувствовались духъ и сила первыхъ великихъ Оптинскихъ старцевъ. Съ каждымъ годомъ возрастала его слава и умножалось число его посѣтителей.

О. Анатолію пришлось переживать всѣ бѣдствія военного времени, революціи и большевизма. Несмотря на всѣ эти испытанія и на собственную тяжелую болѣзнь, о. Анатолій оставался неизмѣнно живымъ, отзывчивымъ и любвеобильнымъ. Онъ

скончался, повидимому, въ 1922-мъ году, и съ его смертью закончилось четвертое тридцатилѣтіе въ исторіи Оптиної Пустыни. Изъ настоятелей Оптиної Пустыни, управлявшихъ ею послѣ о. архимандрита Исаакія, болѣе другихъ былъ намъ извѣстенъ о. архимандритъ Ксенофонтъ, управлявшій обителю около двадцати лѣтъ. На видъ суровый, строгій, молчаливый, съ блѣднымъ болѣзненнымъ лицомъ, онъ былъ вѣрнымъ хранителемъ оптинскихъ преданій и заботливымъ хозяиномъ. Происходилъ онъ изъ крестьянъ. —

Х.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Мы перечислили далеко не всѣхъ тѣхъ иноковъ Оптиної Пустыни, которые обращали на себя вниманіе своею выдающеюся жизнью и своими высокими качествами. Можетъ быть, иныхъ, не менѣе замѣчательныхъ, мы даже и не упомянули. Составляя настоящій очеркъ исключительно по памяти, мы естественно могли упустить многое, даже существенное. Въ заключеніе нашей статьи мы не можемъ воздержаться отъ невольно напрашивающагося сравненія жизни Оптиної Пустыни, съ перемѣнами, происходящими въ жизни видимой, окружающей насъ, природы.

Послѣ долгой, холодной и безпросвѣтной зимы XVIII в. оживаетъ и возрождается Оптина Пустынь въ началѣ XIX в. подъ воздействиемъ лучей согрѣвающей теплой любви внимательного и заботливаго сердца Московскаго митрополита Платона начинается въ Оптиної Пустыни ранняя

весна — дѣятельность игумена Авраамія, переселяются въ Оптину Пустынь юные подвижники — Моісей и Антоній, возникаетъ скитъ.

Весна все болѣе и болѣе входитъ въ свои права. Природа все болѣе и болѣе расцвѣтаетъ. Въ Оптиної Пустыни начинается дѣятельность о. Моісея, какъ настоятеля обители, о. Антонія, какъ начальника скита, и о. Леонида, какъ монастырскаго старца.

Приходитъ лѣто. Прибываетъ въ Оптину Пустынь о. Макарій. Старчество все болѣе крѣпнетъ и развивается. При содѣйствіи Кирѣевскихъ развивается издательская дѣятельность: извлекаются изъ-подъ слуда писанія Великаго Старца Паісія Величковскаго, опубликовываются въ печати и широко распространяются по Россіи.

Возрастаетъ слава и извѣстность Оптиної Пустыни.

Лѣто становится все жарче и роскошнѣе. Поспѣваютъ травы. Созрѣваютъ хлѣба. Фруктовыя деревья даютъ плоды свои. Такъ и Оптинское старчество въ лицѣ старца Амвросія приносить свой наиболѣе зреілый, наиболѣе обильный плодъ. Дѣятельность старца переходитъ далеко за предѣлы обители, становится извѣстной всей Россіи, возникаетъ трудами и заботами старца новая пустынь — Казанская Амвросіевская Шамординская обитель, основываются по его благословенію и другія обители — въ Воронежской, Саратовской и Полтавской епархіяхъ.

Но вотъ лѣто кончается. Природа еще прекрас-

на, еще хранить въ себѣ остатки прошлого багатства и красоты, но уже новыхъ созрѣваній нѣть. Наступила ранняя осень. Это жизнь Оптина Пустыни по смерти о. Амвросія и о. Исаакія. Еще не забыты преданія старцевъ, еще память о нихъ жива и въ сердцахъ, и на устахъ всѣхъ, еще растутъ прекрасные осенніе цвѣты духа — старцы Антоній, Іосифъ, Венедиктъ, Анатолій (младшій), но уже нѣть въ нихъ лѣтней силы, лѣтняго аромата. Наконецъ, наступаетъ слякоть поздней осени, развертывается русская революція, а за нею начинается суровая, жестокая, холодная, безпросвѣтная зима — царство большевиковъ. Оптина Пустынь замираетъ, погружается въ глубокій зимній сонъ. Кругъ ея жизни, цвѣтенія и плодоношенія закончился. Придѣтъ ли опять весна. Повѣтъ ли опять тепломъ и любовью? Проснется ли снова къ жизни Оптина Пустынь? — Это вѣдомо Единому Богу!.-

Протоіерей
Сергій Четвериковъ.

1925. 6. 19. XII.

ПРИЛОЖЕНИЯ:

Переписка разныхъ лицъ съ оптинскими старцами по поводу, главнымъ образомъ, издательской дѣятельности
Оптиної Пустыни.

ПИСЬМА ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА КИРЬЕВ-
СКАГО КЪ ОПТИНСКОМУ СТАРЦУ ИЕРОСХИ-
МОНАХУ МАКАРИЮ.

I.

Ваше Преподобіє, Достопочтеннійший и много-
уважаемый о. Макарій!

Наталья Петровна уже писала къ Вамъ съ нашими подводами, отправившимися вчера въ обратный путь. Теперь я хочу сообщить Вамъ нѣсколько словъ о Вашемъ изданії. Я видѣлъ Шевырева еще на короткос время и узналъ отъ него, что теперь печатается 13-й листъ.* 10 листовъ уже совершенно отпечатаны, изъ нихъ 8 уже находятся у Васъ, а 2 будутъ къ Вамъ отправлены съ завтрашнею почтою. Листикъ опечатокъ, Вами замѣченыхъ, я посылаю къ Вамъ съ отмѣтками Шевырева, который просить возвратить его ему обратно съ Вашимъ рѣшеніемъ. Дѣло въ томъ, что между замѣченными Вами опечатками, мелкія не опечатки, а измѣненія противъ рукописнаго текста; другія же исправлены самимъ цензоромъ, трети, дѣйствительно, опечатки и обозначены имъ знакомъ X. Эти послѣднія будутъ вставлены въ погрѣшиостяхъ. Измѣненія сдѣлан-

* Жизнеописаніе Старца Паисія Величковскаго.

ная цензоромъ, надобно оставить такъ, какъ онъ сдѣлалъ, а перемѣны противъ рукописи, сдѣланныя Вами, надобно опять представить въ цензуру. Потому Шевыревъ прессить Васъ пересмотрѣть ихъ, и если что найдете дѣйствительно нужнымъ, то извольте обозначить на листкѣ, а безъ какихъ перемѣнъ можно обойтись, то тѣ извольте вычеркнуть, для скорѣйшаго хода дѣла въ цензурѣ. Впрочемъ, Феодоръ Александровичъ *) не задерживаетъ и принимаетъ доброжелательное участіе въ изданіи Вашемъ.

Митрополитъ**), къ которому Шевыревъ относился еще при началѣ дѣла, не только принялъ это извѣстіе доброжелательно, но и обѣщалъ самъ покровительствовать ему, и дѣйствительно самъ писалъ о томъ, къ Голубинскому, который тогда же увѣдомилъ объ этомъ Шевырева. Прошу Вашихъ Святыхъ молитвъ и благословенія. Спѣшу на почту. Преданный Вамъ съ любовью Вашъ нижайшій сынъ И. Кирѣевскій. 19 Сент. 1846.

2.

Многосердечю уважаемый Батюшка! Я давно уже не слѣжу за нашею литературою, и потому не знаю, что дѣлается съ нашимъ языкомъ, и какіе законы онъ принимаетъ. Поэтому я въ этомъ случаѣ имѣю счастіе имѣть сходство съ Вами, Милостивый Батюшка, то, что также какъ и Вы не понимаю, почему по руски нельзѧ сказать: вопросъ того-же къ тому же. Но если о. Амвросій, Авва Іоаннъ и Левъ Александровичъ держатся этого мнѣнія, то, конечно, оно имѣть какое-нибудь основаніе.

*) Голубинскій, Протоіерей, профессоръ Московской духовной Академіи.

**) Филаретъ Московскій.

Впрочемъ, Ст. Петровичъ Шевыревъ, который былъ у Васъ, вѣроятно разрѣшилъ Ваши сомнѣнія своимъ профессорскимъ авторитетомъ. Очень любопытно мнѣ будетъ видѣть переводъ Вашъ первой главы С. Исаака,*) также и замѣчанія Ваши на переводъ Лаврской. Въ присланной Вами рукописи Св. Григорія Паламы есть иѣкоторые мѣста очень темныя. Я сличалъ иѣкоторые изъ нихъ съ греческимъ подлинникомъ въ Филокаліи,**) и нашлось, что эта темнота иногда происходитъ отъ пропусковъ, а иногда отъ неправильныхъ знаковъ препинанія. Въ одномъ мѣстѣ я осмѣлился вставить пропущенное слово умъ, безъ чего смыслъ совсѣмъ терялся, въ другихъ же мѣстахъ я не рѣшился этого сдѣлать. Впрочемъ, я сличалъ не все. Лексиконъ греческій нынче отправился къ Вамъ (съ м. Аѳанасіею и Магдалиною) тотъ, какой мнѣ показался лучшимъ. Но Ферапонтовъ говоритъ, что въ Саратовѣ изданъ еще греческо-русскій лексиконъ однимъ ученымъ Смарагдовымъ, изъ духовнаго званія, и если Вамъ будетъ угодно то предлагаетъ его выписать. Поэтому если Вы не будете довольны лексикономъ Косовича, то извольте прислать его ко мнѣ, а лексиконъ Смарагдова приказать выписать. Одинъ мой знакомый далъ мнѣ просмотрѣть находящійся у него переводъ иѣкоторыхъ книгъ Добротолюбія на русскій языкъ. Я просилъ сестру мою списать ихъ и сообщу Вамъ. Видно, что переводчикъ владѣетъ хорошо русскимъ языкомъ и переводилъ съ перевода Паисія, однакоже имѣть и греческій подлинникъ предъ глазами. Поэтому читать эту книгу и легко и пріятно. Однакоже при томъ видно и то, что ученый переводчикъ не

*) «Иже во свитыхъ отца нашего Исаака Сирина-Слова духовно-подвижническія».

**) Добротолюбіе—сборникъ статей о духовномъ подвигѣ, написанныхъ св. отцами подвижниками—духовно-подвижническая христоматія.

обращалъ большого вниманія на тѣ оттѣнки выраженій, которыя въ нравственномъ и въ духовномъ смыслѣ имѣютъ большую важность. Потому иногда бездѣлица опущенная или бездѣлица прибавленная измѣняетъ всю силу рѣчи. Потому этотъ переводъ нужно бы было просмотрѣть Вамъ и поправить, — тогда онъ вышелъ бы прекрасный. Слово греческое *gnозисъ*, которое Паисій переводить *разумъ*, въ русскомъ Добротолюбіи, также какъ и въ Лаврскомъ Исаакѣ Сиринѣ, переводится *познаніе*. Испрашиваю Вашихъ молитвъ и благословенія и съ сердечною преданностью остаюсь Вашъ покорный слуга и духовный сынъ И. К.

3.

Отъ всего сердца уважаемый батюшка,! Вчера ввечеру получили мы письмо Ваше и рукопись перевода Исаака Сирина съ Болховскимъ купцомъ В.Н. К., а сегодня еще письмо по почтѣ отъ 8 Августа. Но сегодня я не могъ просмотрѣть замѣчаній Вашихъ на переводъ Троицкой Академіи, и только половину Вашего перевода 1-й главы Исаака Сирина успѣлъ прочесть и сличить съ переводами Лаврскимъ и Паисіевскимъ. До сихъ поръ мнѣ кажется, во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Вы отступаете отъ перевода Лаврскаго, Вы совершенно правы, и смыслъ у Васъ вѣрнѣе. Но, не смотря на это, мнѣ кажется, что переводъ Паисія все еще остается превосходнѣе, и хотя смыслъ въ немъ иногда не совсѣмъ ясенъ съ первого взгляда, но эта неясность поощряетъ къ внимательнѣйшему изысканію, а въ другихъ мѣстахъ въ Словенскомъ переводѣ смыслъ полнѣе не только отъ выраженія, но и отъ самого оттѣнка слова. Напри-мѣръ, у Васъ сказано: *сердце, вмѣсто божественнаго утвержденія, увлекается въ служеніе чувствамъ.*

Въ словенскомъ переводѣ: *разсыпается бо сердце отъ сладости Божія въ служеніе чувствъ*. Слово: *разсыпается отъ сладости*, можетъ и неправильно по законамъ наружной логики, но влагаетъ въ умъ понятія истинныя а, между прочимъ это дастъ разумѣть, что сладость Божественная доступна только цѣльности сердечной, а при несохраненіи этой цѣльности сердце служить внѣшнимъ чувствамъ. Также выраженіе: *ижеистиноюсердца своегоуцѣломудряеть видѣніе ума своего*, даетъ не только понятіе о исправленіи сердечномъ, но еще и о томъ, что пожеланіе нечистое есть *ложь сердца*, которою человѣкъ самъ себя обманываетъ, думая желать того, что въ самомъ дѣлѣ не желаетъ. Впрочемъ, можетъ быть, я вижу въ этихъ выраженіяхъ и излишнее; Главное было въ прямомъ смыслѣ, а оттѣнки — вещь посторонняя. Прочтя все слово и вѣдь замѣчанія, я скажу Вамъ мое мнѣніе, потому что Вы приказываете мнѣ это сдѣлать.

Митрополиту думаемъ мы отвезти Ваши рукописи завтра, если Богу будетъ угодно. О вопросѣ Вашемъ: можно ли писать по-русски *отъ того же къ тому же*, Н. П. уже сообщила мнѣніе митрополита. Я же думалъ, что написать Вамъ въ послѣднемъ письмѣ, что никакъ не вижу, почему бы нельзя было сказать этого. По моему мнѣнію это столько-же возможно по-русски, сколько и по словенски.

Со мною Ваше о томъ, не повредить ли нѣкоторымъ то мнѣніе, которое Исаакъ Сиринъ имѣлъ о положеніи земли, если это мнѣніе оставить безъ примѣчанія, я представлю на разсужденіе митрополита, также какъ и то, что Вы изволите писать о переводѣ слова *разумъ*. Я съ своей стороны въ этомъ послѣднемъ случаѣ совершенно согласенъ съ Вами. Что касается до того, что Вы изволите писать мнѣ, чтобы я *вникъ и уразумѣль и сказалъ Вамъ свое мнѣніе* (!) о той, не совсѣмъ понятной, матеріи,

которая заключается между 16 и 20 строк. 28-го листа на оборотѣ, то это приказаніе Ваше не потому удивило меня, что требовало отъ меня объясненія для Васъ, но потому показалось мнѣ поразительнымъ, что въ самомъ дѣлѣ Богъ устроилъ такъ, что я могу Вамъ сообщить на это отвѣтъ. Ибо тому 16 лѣтъ, когда я въ первый разъ читалъ Исаака Сирина, Богу угодно было, чтобы я именно объ этомъ мѣстѣ просилъ объясненія у покойнаго о. Филарета Новоспасскаго, который сказалъ мнѣ, что это мѣсто толкуется такъ, что подъ словами Глава и Основаніе всея твари понимается Михаилъ Архангель. Видно, надобно, было, о. Филарету передать это Вамъ; но какъ Вы не были тогда при немъ, то Богъ вложилъ мнѣ въ мысль спросить его именно объ этомъ... Испрашиваю Вашихъ св. молитвъ, и св. благословенія, и съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностью остаюсь Вашъ покорный слуга и духовный сынъ И.К

4.

1849 г. 10 Генваря. Почтеннѣйшій батюшка! Голубинскій былъ у насъ 7-го числа. Онъ обѣщалъ много, но не знаю, найдеть ли время и силы исполнить. Второе слово *Марка Подвижника о крещеніи* хотѣлъ прислать въ слѣдующую Пятницу. *Ѳеодора Студита* хотѣлъ тоже просмотрѣть, и если тамъ найдется немногого ошибокъ, въ орфографіи и знакахъ препинанія (потому что другихъ поправокъ онъ, не имѣя подлинника, дѣлать не думаетъ), обѣщалъ прислать къ намъ для того, чтобы печатать безъ цензуры, а ему въ цензурѣ посыпать корректурные листы. Это было бы гораздо скорѣе. Печатаніе Устава *Нила Сорскаго* онъ очень одобряетъ, но говорить, что надобно спросить предварительно позволеніе у митрополита. Сверхъ того, онъ хотѣлъ

справится, находится ли эта книга въ числѣ тѣхъ, которыя Синодъ объявилъ своею собственностью. Если не находится, то печатать можно безъ затрудненій. Если находится, то надобно будетъ просить Синодъ. Относительно отвѣта Патріархова папъ онъ сказывалъ намъ слухъ очень огорчительный и почти невѣроятный. Но какъ онъ самъ отвѣта этого не читалъ, а только слышалъ, то мы и думаемъ что тутъ есть какая-нибудь ошибка. Онъ говоритъ, будто тамъ сказано о происхожденіи Св. Духа, что православная церковь хотя и принимаетъ это происхожденіе отъ Отца и Сына по Существу, но не принимаетъ его по чистотѣ.

Такое отступленіе отъ одного изъ первыхъ доктрина православія кажется невозможнымъ. Но если это правда, тогда русской церкви слѣдуетъ противостоять громко и поддержать истину, къ которой, вѣроятно, пристанетъ и весь востокъ. Испрашивая Вашего святого благословенія остаюсь и проч.

5.

Приношу Вамъ, многоуважаемый Батюшка, мое искреннее поздравленіе съ наступающимъ величимъ днемъ Свѣтлого Христова Воскресенія и прошу Бога, чтобы Онъ за Ваши святые молитвы принялъ и мои недостойныя, исполненные сердечныхъ желаній Вамъ всякаго блага. Прошу Васъ также передать мои поздравленія почтеннѣйшему о. игумену*) и тѣмъ изъ св. братіи Вашей, которые соблаговолятъ обо мнѣ вспомнить. Прекрасная икона, присланная мнѣ Вами, почти несходитъ съ глазъ моихъ, и доставляетъ мнѣ много сердечнаго утѣшения. На дняхъ получилъ я письмо отъ того пріятеля мое-

*) Настоятелю Оптиной Пустыни Моисею.

го (великаго математика и астронома), о которомъ говорилъ съ Вами 3 Февраля въ Оптина, и который имѣлъ странныя мысли о воплощениі Сына Божія на звѣздахъ. Я сообщилъ ему нашъ разговоръ и Ваши слова, сколько могъ припомнить, и какъ умѣлъ, и теперь, сверхъ всякаго ожиданія моего, онъ пишетъ ко мнѣ, что это сообщеніе произвело на него такое дѣйствіе, что въ невольномъ изліяніи чувствъ во время чтенія опь мысленно повергался къ стопамъ Вашимъ, и что впечатлѣніе отъ этихъ словъ до самой смерти не изгладится изъ его памяти. Испрашивая Вашихъ св. молитвъ и св. благословенія остаюсь и проч. 18 Апрѣля 1850.

5.

1852. Милостивый Государь, сердечно уважаемый батюшка! Это письмо, вѣроятно, придется къ Вамъ въ Свѣтлый праздникъ.. потому прошу Васъ принять мое искреннее поздравленіе вмѣстѣ съ радостнымъ привѣтствіемъ: «Христосъ воскресе!».. и прошу Васъ, милостивый Батюшка, когда Вы будете по благосклонности Вашей ко мнѣ читать статью мою, то возьмите на себя еще и тотъ трудъ, чтобы исправить въ ней то, что Вы найдете требующимъ исправленія. Каждое замѣчаніе Ваше будетъ для меня драгоцѣнно. Въ томъ пропускѣ, который я не могъ прислать къ Вамъ, находятся мои разсужденія о просвѣщеніи западномъ. Я показываю, что оно вышло изъ трехъ источниковъ: изъ Рима языческаго, изъ Римской церкви и изъ насилий завоеванія, и что все три источника эти направляли умъ западнаго человѣка къ наружности и къ предпочтенію разсудка (который разибраетъ виѣшнюю сторону мысли и формальное сцѣплееніе понятій) передъ разумомъ, который стремится къ цѣльной истинѣ. Потому, я

думаю, для Вамъ понятна будетъ моя мысль и не смотря на пропуски.

Для меня же особенно важны будутъ Ваши замѣчанія о томъ, что я говорю о св. отцахъ восточной церкви, и о Россіи, какъ она была въ древнія времена. Хотя я думаю, что говорю истину, однако же чувствую въ тоже время, что судить объ этомъ могутъ только такие люди, какъ Вы, А мнѣ не хотѣлось бы сказать ничего истиинаго или невѣрнаго, особливо объ ученіи св. отцовъ.

Въ послѣдніемъ письмѣ моемъ къ Вамъ я писалъ къ Вамъ о нѣкоторыхъ пустыхъ тревогахъ, которыхъ были у насъ отъ пустыхъ мыслей. Послѣ письма моего Вамъ, какъ то обыкновенно бываетъ, это беспокойство, благодаря Бога, утихло, — по крайней мѣрѣ, по наружности.

6.

Многоуважаемый Батюш카! Я прочелъ и сличилъ Вашъ переводъ первой главы Исаака Сирина и просмотрѣлъ также Ваши замѣчанія на переводъ Лаврскій, и большую часть изъ нихъ сличилъ съ Паисіемъ. Мнѣ кажется, что почти вездѣ Вы совершенно правы.

Мѣстахъ въ двухъ, и то незначительныхъ, казалось мнѣ, что еще возможно сомнѣніе между Лаврскимъ переводомъ и Вашимъ исправленіемъ. Но вообще я думаю, что Вы были слишкомъ схожи съ этому переводу, и въ немъ осталось, сверхъ Вашихъ поправокъ, еще очень многое, требующее исправленія. Очень любопытно мнѣ будетъ слышать мнѣніе митрополита. Ваши рукописи и письмо я доставилъ ему только сегодня, и то черезъ Александра Петровича*). Прежде митрополитъ не принималъ по нездоровью или уѣзжалъ въ Лавру. Теперь же онъ готовится къ завтрашнему

*) Секретарь митрополита.

служенію, и также по причинѣ нездоровья не принимаетъ. Если возможно будетъ мнѣ видѣть его завтра, то я постараюсь представить ему Ваше мнѣніе о словѣ *разумъ* и о переводѣ вообще. Разумѣется слова его тотчасъ же сообщу Вамъ. Между тѣмъ позвольте мнѣ сказать мое мнѣніе о двухъ словахъ въ Вашемъ переводѣ: *созерцаніе* и *добroe*. Для чего Вы предпочтаете слово *созерцаніе* слову *видѣніе* или *арѣніе*? Первое новое, любимое западными мыслителями, и имѣеть смыслъ болѣе *разматриванія*, чѣмъ *видѣнія*. Потому нельзя, напримѣръ, сказать, что умъ отъ состояніи молитвы возвышается къ *степени созерцанія*, также какъ нельзя сказать, что онъ возвышается къ степени *разматриванія*. Если же одинъ разъ необходимо греческое слово *Ѳеоріа* перевести *видѣніе*, то не худо бы, кажется, и всегда одному слову усвоить одинъ смыслъ.

Такимъ образомъ можетъ у насъ составиться вѣрный философскій наынъ, согласный съ духовнымъ языкомъ словенскихъ и греческихъ духовныхъ писателей. Второе слово *добroe*, которое на словенскомъ языке, кажется, значитъ тоже, что на русскомъ *прекрасное*. Вы изволите вездѣ и на русскомъ языке переводить словомъ *добroe*. Отъ этого мнѣ кажется въ иѣкоторыхъ мѣстахъ выходить неполный смыслъ. Напримѣръ, въ концѣ 27 слова Исаакъ Сиринъ, кажется, приписываетъ второму чину, разума совершение и *доброго* (по естеству) и *изящнаго*. По словенски первое названо *благое*, а второе *добroe*. Поэтому всю дѣятельность изящныхъ искусствъ можно отнести къ области разума этой степени. Если же слово *изящное* или *прекрасное* замѣнить словомъ *добroe*, то весь этотъ смыслъ пропадетъ. Прошу Васъ, милостивый Батюшка, сказать мнѣ, ошибаюсь ли я, и въ этомъ случаѣ простить со своимиъ Вамъ благодушіемъ. Осмѣливаюсь же я говорить свои замѣчанія вслѣдствіе Вашего при-

казанія. Посланную къ Вамъ тетрадь русскаго перевода Феоклипта прошу Васъ прочесть и исправить. Языкъ, кажется, хороши, но вездѣ ли вѣрю переведено, не знаю. Послѣ Вашего исправленія мы бы хотѣлись Кошаровскому и еще кой-кому не могущему читать по-словенски, чтобы они получили какое-нибудь понятіе о томъ ученіи нашей церкви, которое незнакомо западу. Письмо это, начатое 21, окончено 22 Августа. Думаю пытѣ около 5 часовъ поѣхать къ митрополиту. Исправлю Вашихъ св. молитвъ и св. благословенія...

7.

... У митрополита я былъ на другой день послѣ того, какъ доставилъ ему Ваши рукописи. Онъ въ этотъ день служилъ, не смотря на зубную боль, и рукописей разсмотрѣть еще не успѣлъ, а только взглянулъ на нихъ, и изъ того, что видѣлъ, замѣтилъ многое такое, въ чемъ неправильность перевода Лаврскаго бросается въ глаза. «Очень бы жаль было, сказалъ онъ, если бы съ этими ошибками рукопись пошла въ печать. Но о другихъ замѣчаніяхъ оптическихъ я еще ничего не могу сказать, покуда не сличу съ подлинникомъ».

О словѣ *разумъ* онъ тоже сказалъ, что ничего не можетъ сказать, не сличивши съ греческою книгою. Когда же я сказалъ ему, что по всей вѣроятности это по гречески *гноисъ*, то онъ отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ мудрено переводить иначе, какъ *вѣдѣніе*. Впрочемъ, надобно справиться съ текстомъ. О 17 словѣ, въ которомъ выражается понятіе того времени объ устройствѣ солнечной системы, Владыка сказалъ, что, кажется, примѣчанія къ тому мѣсту не нужно. Но болѣе объ этомъ не распространялся. Когда же я сказалъ ему, что въ той же главѣ есть

мѣсто темное, которое даже и Васъ затрудняетъ, то онъ пошелъ за книгой, принесъ тотъ самый экземпляръ, который онъ, еще бывши архимандритомъ, нашелъ въ библіотекѣ Амвросія и попросилъ себѣ, и прочелъ то мѣсто, о которомъ шла рѣчъ, и задумался. — «Какъ Ваше Высокопреосвященство изволите понимать это?» спросилъ я. «А вотъ, отвѣчалъ онъ, показывая на поле книги, когда я еще въ первый разъ читалъ это, то поставилъ вопросительный знакъ, который стоить еще и теперь.»

Тогда я сказалъ ему, какъ покойный о. Филаретъ объяснялъ это мѣсто, какъ относящееся къ Михаилу Архангелу. Я только хотѣль сказать это самъ, прерваль онъ меня. «Если таково было мнѣніе о. Филарета, и такое же Вашего Преосвященства, сказалъ я, то для меня кажется уже нѣть ни малѣйшаго сомнінія въ значеніи этого мѣста». Сейчасъ перерываютъ меня. Прошу Вашихъ св. молитвъ и св. благословенія. 26 Авг.

8.

Искренно любимый иуважаемый Батюшка! Еще нынѣшнею весною зашелъ ко мнѣ одинъ разъ ста-ринный мой знакомый, нѣмецкій пасторъ Зедергольмъ, и привель ко мнѣ познакомить своего сына Карла, который тому года два вышелъ изъ университета однимъ изъ первыхъ кандидатовъ и о которомъ его отецъ говоритъ, что онъ былъ бы дѣльнѣе другихъ его дѣтей, если бы только не былъ слабаго здоровья. Этотъ молодой человѣкъ вскорѣ послѣ первого знакомства открылся мнѣ, что чувствуетъ превосходство нашего вѣроисповѣданія передъ лютеранскими и даже не прочь отъ того, чтобы принять нашу вѣру. Однакоже онъ это надѣется сдѣлать современемъ, а прежде отправляется въ Смоленскую губернію на нѣсколько мѣсяцевъ, а потомъ думаетъѣхать путешествовать въ Грецію и можетъ быть

тамъ совершилъ это дѣло. Я совѣтовалъ ему это дѣло не откладывать, если онъ уже убѣжденъ, а лучше поѣхать въ Грецію уже православнымъ. Но чтобы болѣе узнатъ нашу церковь и окончательно укрѣпить свои убѣжденія, я совѣтовалъ ему поѣхать въ Вамъ въ Оптинъ. Онъ принялъ мой совѣтъ и хотѣлъ поѣхать въ Вамъ послѣ пребыванія въ Смоленской губерніи, а между тѣмъ будетъ подготавлять свое семейство къ этому поступку, который тѣмъ тяжелѣе долженъ быть для его отца что онъ самъ пасторъ, и кромѣ того еще страдалъ за свою вѣру, ибо отставленъ отъ своихъ должностей именно за то, что въ проповѣдяхъ своихъ не совѣтовалъ иѣмцамъ перемѣнить свою вѣру на нашу..

Теперь, тому днѣй десять, онъ возвратился изъ Смоленской губерніи и сообщилъ мнѣ, что отецъ его, паконецъ, если не благословляетъ его на это дѣло, то и не противится ему, но предоставляетъ полную свободу поступить по своему убѣжденію, требуя только, чтобы онъ прежде новидался съ нимъ въ деревнѣ близъ Серпухова, гдѣ онъ проводить лѣто.

Потому молодой Зедергоимъ хотѣлъѣхать къ отцу, а потомъ къ Вамъ. Но между тѣмъ, оставаясь еще иѣсколько днѣй въ Москвѣ, просилъ меня познакомить его съ какимъ нибудь русскимъ священникомъ, который бы могъ приготовить его еще прежде Оптини и по знакомству съ которыми онъ могъ бы сколько-нибудь узнатъ хорошую сторону нашего бѣлого духовенства. Я назвалъ ему Сергѣя Григорьевича Терновскаго, какъ человѣка, котораго я хотя мало знаю лично, но о которомъ я слышалъ много хорошаго, и который вѣрно не откажется заняться съ нимъ. Въ этомъ смыслѣ я написалъ Сергѣю Гр....чу письмо, которое онъ доставилъ самъ. Сер. Гр. точно занялся съ нимъ иѣсколько разъ и произвелъ на него хорошее дѣйствіе; однакоже мнѣ

поручиль сказать съ Облецковымъ, что почитаетъ лучшимъ кончить это дѣло эдѣсь, а не ѿздить къ отцу, ни въ Оптины.

Однако-же молодой человѣкъ не могъ и не хотѣлъ измѣнять своего обѣщанія, даннаго имъ отцу, видѣться съ нимъ прежде, чѣмъ совершилъ этотъ великий и невозвратный шагъ, и потому отправился въ Серпуховъ вчера. Оттуда же онъ поѣдетъ черезъ недѣлю къ Вамъ, если найдеть, что не затруднитель-но проѣхать изъ Серпухова въ Калугу. Въ противномъ же случаѣ онъ воротится въ Москву и окончить уже дѣло это эдѣсь, а къ Вамъ поѣдетъ постѣ погово-вѣть и познакомиться съ Вами, многоуважаемый Батюшкѣ, и видѣть обитель Вашу, и между прочимъ познакомиться съ о. Іоанномъ*), о которомъ я ему говорилъ, какъ о человѣкѣ, который находился нѣ-сколько въ подобныхъ ему обстоятельствахъ. Я не боялся затруднить Васъ этимъ, батюшкѣ, ибо дѣло идеть о спасеніи души. Можетъ быть, то, *какимъ образомъ*, съ какой полнотой убѣжденія совершилъ онъ этотъ рѣшительный шагъ, рѣшилъ судьбу всей остальной его жизни. Можетъ быть, отъ этого и для другихъ, его поступокъ будетъ или камнемъ пазида-нія, или претыкания. Если же я въ этомъ случаѣ по-ступиль не такъ, какъ должно было, то прошу Васъ простить миѣ. Съ истиннымъ почтеніемъ и безпредѣльною преданностью, испрашивая Вашихъ молитвъ и благословенія, имѣю честь быть Вашимъ покорнымъ слугой и духовнымъ сыномъ И. К.
28 Іюля 1853 г.**)

*) Перешедшимъ изъ раскола въ Православіе.

**) Настоящее письмо интересно тѣмъ, что описываетъ первые шаги обращенія въ Православіе К. К. Зедергольма, впослѣдствіе іеромонаха Оптинскаго Скита, письмоводителя старца Амвросія и составителя жизнеописанія старца Льва, о. Клиmenta. Замѣчательная переписка о. Клиmentа съ его отцомъ по поводу его перехода въ Православіе была издана Оптиной Пустынью.

9.

Искренно любимый и безпредельно уважаемый Батюшка!... Въ трехъ отпечатанныхъ листахъ Максима Исповѣдника Вы изволите усмотрѣть многія перемѣны противъ рукописи. Изъ нихъ, тѣ, которыя сдѣланы въ толкованіи на Отче нашъ, кажутся мнѣ совершенно согласными съ смысломъ перевода С. Паисія и много объясняющими темпootу иѣкоторыхъ речений. Также и примѣчанія иѣкоторыя мнѣ кажутся весьма драгоценными; напр. примѣчаніе на стр. 16. и на стр. 25. Въ рукописи иѣкоторыя слова были поправлены рукою самого М-та. Видно, что онъ занимался этимъ дѣломъ. Но послѣ того, какъ рукопись была у митрополита, Голубинскій сдѣлалъ иѣкоторыя прибавленія, и кажется напрасно. Напр. онъ вставилъ въ текстъ слова на 16-й стр.: «глаголя: да приидетъ Духъ Твой Святый и да очистить насть». Что было драгоценное поясненіе въ примѣчаніи, то дѣлается порчей книги, когда вставляется въ текстъ и приписываются святому писателю такія слова, которыхъ онъ не говорилъ. Но съ этимъ было дѣлать нечего. Однако-же другую вставку я взялъ на себя смѣлость вычеркнуть, потому что мнѣ кажется, что она можетъ навести на ложное пониманіе. Голубинскій взялъ ее изъ рукописи латинской, изданной Бернардинскими монахами. Для чего же изъ этихъ латинскихъ изданій брать речения, которыхъ иѣть въ переводѣ Паисія и приписывать ихъ Паисію? Это реченіе, о которомъ я говорю, находится на стр. 29. У Паисія было сказано: *ниже яко иною ину; не бо по производству отъ Единицы Троица, небытна (несозданна) суща и самоизъявлена.* Голубинскій поправилъ: *ниже видѣти яко ину чрезъ ину; небо посредствуется коимъ либо соотношеніемъ тождественное и безотносительное, аки бы произведеніе*

*къ винъ своей относящееся: нимже яко отъ иных ину:·
не бо по производству отъ Единицы Троица, незаим-
ствовано бытіе имуща и самоизъявленна суща: здѣсь,
какъ Вы изволите видѣть, слова, подчеркнутыя
два раза*) у Паисія не находятся, а вставлены Голу-
бинскимъ изъ латинского изданія. Но державши
корректуру, я думалъ, что мы не имѣемъ права
приписывать Паисію то, что онъ не писалъ, и что
сомнительно даже, написалъ ли бы онъ и было ли въ
какомъ либо текстѣ Максима; ибо латинскіе монахъ
въ такихъ случаяхъ не знаютъ совсѣмъ и легко при-
сочиняютъ реченіе, чтобы приводить его въ подтвер-
жденіе противъ ученія о Единой Винѣ Св. Троицы.
Основываясь на этомъ чувствѣ, я вычеркнулъ слова,
прибавленныя Голубинскимъ. Онъ можетъ ихъ по-
ставить въ опечаткахъ, если захочетъ. Но Васъ,
батюшка, прошу сказать мнѣ, такъ ли я поступилъ,
или слишкомъ самовольно.*

Въ другомъ же писаніи св. Максима, въ Словѣ
Постническомъ, Голубинскій многое перемѣнилъ въ
рукописи и, кажется, очень часто понапрасну, а
иногда даже поставилъ и смыслъ (какъ мнѣ кажется)
неправильный; дѣлать было нечего. Потому, ка-
жется, что рукопись была написана дурнымъ почер-
комъ и съ ошибками грамматическими, огъ предубѣ-
дился противъ всего сочиненія и увѣрился, что это
переводъ не Паисія, а какого-то переводчика неопыт-
ного ни въ греческомъ, ни въ русскомъ языке.
Мнѣ же кажется, что онъ ошибается, и что пере-
водъ носить характеръ Паисіевской системы, *до слова*, и что поправки Голубинского не совсѣмъ удач-
ны. Напр. слово: *смотрѣніе* огъ напрасно замѣняетъ
словами *цѣль* или *намѣреніе*, мысль, что Господь
терпѣль *дѣйствія лукаваго* изъ *лобви къ любамъ*,

*) Въ настоящемъ изданіи подчеркнутое одною
чертой.

которыми тотъ дѣйствовалъ, Голубинскій неправильно, кажется, замѣнилъ другою мыслью, гово-ря, что Господь наказывалъ лукаваго любовію къ людямъ. Не это, кажется, есть то наказаніе, которое опредѣлено лукавому. Тамъ многое Голубинскій измѣнилъ по своему предубѣжденію. Все однако-же эта брошюрка, съ двумя писаніями св. Максима, есть по моему мнѣнію одна изъ самыхъ глубокомыс-ленныхъ или самыхъ важныхъ, или самыхъ полез-ныхъ книгъ, которыхъ когда либо были у насъ печа-тани.

На 15 стр. сдѣлана одна непростительная опечат-ка Греческаго Слова, и потому эта страничка будетъ перепечатываться. Въ Исаакѣ Сирииѣ мнѣ кажется очень нужно сдѣлать еще предисловіе отъ Васъ, въ которомъ сказать, что Паисій, желая придать возможную ясность своему переводу, не нарушая его буквальной вѣрности, обозначалъ въ своихъ рукописяхъ различнаго рода точками различнаго отношенія между словами, которыхъ въ греческомъ языкѣ очевидны сами собою, въ словенскомъ сами собою не выражаются.

О значеніи этихъ точекъ Паисій распространяется подробно въ концѣ своего предисловія, что русскіе издатели не почли за нужное повторять, ибо въ предлагаемомъ изданіи объясненіе посредствомъ надсловныхъ точекъ замѣнено объясненіями внизу страницы. Такого рода предисловіе, мнѣ кажется необходимо сдѣлать для того, чтобы во 1-хъ оправ-датъ Паисія, которого разсужденія о различніи языковъ греческаго и словенскаго иначе покажутся ни къ чему не ведущими, а во 2-хъ для того, чтобы оправдать себя: ибо печатая предисловіе Паисія, и выбросивъ изъ него что-либо, нельзя не оговориться въ этомъ дѣйствіи, чтобы избѣгнуть упрека въ невѣрности и въ неполнотѣ изданія. Это предисловіе можно будетъ напечатать послѣ Паисіевскаго и пе-редъ его жизнію. И. К. 8 окт. 1853.

Искренно любимый и безпредельно уважаемый Батюшка! Это письмо, вѣроятно, Вы получите въ день Свѣтлого праздника: прошу Васъ принять мое искреннее поздравлѣніе вмѣстѣ съ сердечнымъ подтвержденіемъ радостной и всегда новой вѣсти: Христосъ воскресе! Печатаніе Исаака Сиріпа, слава Богу, окончено; но по неисправности типографіи не могли мы до сихъ поръ получить готовыхъ экземпляровъ для посылки къ Вамъ. Къ тому же въ послѣднемъ листѣ, который печатался (это былъ конецъ оглавленія), сдѣланы нѣкоторыя очень непріятныя ошибки, а именно счетъ страницъ перепутанъ (вмѣсто XXV, XXVI и проч. поставлено V, VI и проч.); и кромѣ того нѣкоторыя ошибки въ словахъ: вмѣсто «находящихся» — «находятся» и т.п. Такъ какъ этотъ листъ уже былъ отпечатанъ, но не разосланъ, то мы велѣли поправить и напечатать еще 600 экземпл. правильно. А для остальныхъ, неправильныхъ, поставить исправленіе въ опечаткахъ, которыя были только до половины завода отпечатаны, когда мы открыли эти неисправности. Если же бы всѣ перепечатывать, то книга не вышла бы къ празднику, кромѣ того, что стоило бы дорого. А требовать, чтобы это было сдѣлано насчетъ наборщика и корректора, ибо они въ этомъ случаѣ виноваты и по закону должны отвѣтить, — этого сдѣлать мы не рѣшились.

Впрочемъ, если Вы прикажете, то и послѣ праздниковъ можно будетъ перепечатать одинъ листъ. Вотъ, уже вторая Пасха наступаетъ съ тѣхъ поръ, какъ мы надѣялись празновать ее подъ звонъ большого колокола Софіи. Видно, времена начинаются труднѣе, чѣмъ мы предполагали. Парижскій Архіерей открыто говорилъ въ рѣчи своей, что война не за турокъ, а противъ восточной Церкви, и что прежніе

крестовые походы были не противъ магометанъ, а противъ раскольнической церкви, какъ они называютъ нашу святую, православную Церковь. Въ самомъ дѣлѣ, похоже что-то на послѣднія времена, какъ они предсказаны въ Апокалипсисѣ... И. К. 9 Апрѣля 1854 г.

11.

Искренно любимый и уважаемый батюшка! Вы пишете, что страдаете отъ бессонницы и что уже четыре ночи не можете совсѣмъ заснуть... Я думаю и то, что сонъ Вашъ отнимаютъ заботы о насть всѣхъ грѣшныхъ, которые съ нашими страданіями и грѣхами къ Вамъ относимся. Вы думаете, какъ и чѣмъ пособить требующимъ Вашей помощи, и это отнимаетъ у Васъ спокойствіе сердечное, но подумайте, батюшка, что душевное здоровье всѣхъ насть зависитъ отъ Вашего тѣлеснаго. Смотрите на себя, какъ на ближняго. Одного вздоха Вашего обо всѣхъ насть вообще къ Милостивому Богу довольно для того, чтобы Онъ всѣхъ насть прикрылъ Своимъ теплымъ крыломъ. На этой истинной вѣрѣ почивайте, милостивый батюшка, на здоровье всѣмъ насть. Отгоните отъ себя заботныя мысли, какъ враговъ, не только Вашего, но и нашего спокойствія, и ложась на подушку поручите заботы о насть Господу, который не спить. Ваша любовь, не знающая границъ разрушаетъ тѣло Ваше... Прошу Васъ благословить меня написать и окончить сочиненіе, и чтобы оно было на пользу другимъ и мнѣ самому. Мнѣ хочется обозначить незамѣтныя нити, которыми связываются наши понятія религіозныя со всѣми другими понятіями нашими о наукахъ и о жизненныхъ отношеніяхъ, и показать, какія понятія соответствуютъ исповѣданію латинскому и какъ изъ него произошли, какія соответствуютъ протестантскимъ... (неокончено).

Искренно любимый и уважаемый Батюшка! Я до сихъ поръ не могъ собраться съ духомъ, чтобы отвѣтить Вамъ на письмо Ваше отъ 1 Іюня, въ кото-ромъ Вы изволите отказывать мнѣ въ благословеніи, просимомъ мною на возобновленіе оставленнаго ку-ренія табаку, ибо, признаюсь Вамъ, отказъ этотъ глубоко меня огорчилъ и поставилъ въ очень затруд-нительное положеніе. Съ одной стороны я чувствую необходимость возвратиться умѣренно къ старой неумѣренной привычкѣ, слишкомъ закоренѣлой и слишкомъ рѣзко прерванной, съ другой, я знаю что и самая полезная вещь, сдѣланная противъ Ваше-го благословенія, должна мнѣ обратиться во вредъ. Потому, прежде чѣмъ рѣшусь на что-нибудь, прошу милостиво обратить еще разъ вниманіе на этотъ предметъ, который не такъ ничтоженъ для меня, какъ можетъ казаться. Прежде всего прошу Васъ припомнить, милостивый батюшка, что при самомъ начальномъ рѣшеніи моемъ оставить куреніе, я ясно и опредѣлительно оговаривался противъ всякаго заклятія или обѣта, оставлять куреніе навсегда.

Я даже рѣшительно не принялъ Вашего благо-словенія, когда Вы мнѣ хотѣли дать его на совершен-ное оставленіе трубки навсегда. Потому въ этомъ отношеніи я не могу почитать себяничѣмъ связаннымъ. Оставляя же я куреніе не по причинѣ физического здоровья моего. Ибо не смотря на всю неумѣренность моей привычки, я не замѣчалъ отъ нея никакого вреда. Къ тому же эта привычка была такъ сильна, что кажется, я не нашелъ бы силь въ себѣ оставить ее для такой бѣдной причины, каково физическое здоровье. Я курилъ съ 13 лѣтня-го возраста до 46 лѣтъ безпрерывно и такъ много, какъ можетъ быть, никто, кромѣ меня, не курилъ. Я ни на минуту не дышалъ другимъ воздухомъ, кромѣ

табачнаго дыма. Ночью, когда просыпался на 10 минутъ, то закуривалъ трубку и спалъ сънею. Днемъ ни при какихъ занятіяхъ не оставлялъ ее. Я не ъездилъ въ тѣ дома, гдѣ не могъ курить. Если же въ рѣдкіе случаи когда-нибудь долженъ былъ оставаться безъ трубки, то не только физически страдаль, но и умъ мой былъ связанъ, мысли не двигались свободно и память ослабѣвала. Такъ постоянно я возбуждалъ свои нервы табачнымъ дымомъ въ продолженіе болѣе 30 лѣтъ. Наконецъ, послѣ болѣзни, въ которой я курить не могъ, я вознамѣрился воздержаться отъ трубки, съ тою мыслью, что дыханіе чистымъ воздухомъ, можетъ быть, будетъ полезно для внутренней дѣятельности ума моего, тѣмъ болѣе, что и Вы и митрополитъ и другие старцы говоривали противъ излишняго и неумѣреннаго моего куренія; а мнѣ казалось легче совсѣмъ прервать привычку, чѣмъ ограничить ее умѣренностью. Но о физическомъ здравьѣ при томъ я почти не думалъ. Теперь же послѣ двухлѣтняго опыта я вижу, что ошибся въ своемъ ожиданіи. Моя привычка была такъ сильна, что уже обратилась мнѣ въ природу. То состояніе умственной сдавленности, которое я испытывалъ прежде, когда на время оставилъ трубку и теперь, послѣ двухъ съ лишкомъ лѣтъ чувствуется мною, я нахожусь обыкновенно въ состояніи человѣка, на котораго, какъ говорится, нашелъ тупикъ. Я затрудняюсь въ мысленныхъ движеніяхъ. Часто ищу самого обыкновенного слова. Иногда, начиная говорить, я съ трудомъ удерживаю въ памяти конецъ того, что хочу сказать. Иногда замѣчаю, что посреди разговора и задумался, не отъ увлеченія какой-либо сильной мыслью, а отъ слабости, съ которой переворачиваю обыкновенныя. Ежедневно почти собираясь писать задуманное сочиненіе, я до сихъ поръ не написалъ ничего, съ трудомъ собирая мысли.

Но въ тоже время, какъ умственная моя дѣятельность слабѣла, страстная сдѣлалась еще раздражительнѣе. Вотъ причины, милостивый Батюшкa, по которымъ я вознамѣрился опять возвратиться къ куреню, тѣмъ болѣе, что надѣюсь послѣ двухлѣтняго воздержанія Господь дастъ мнѣ силы сохранить ся въ границахъ умѣренности, при помощи Вашей св. молитвы. Но не только это, я ничего не хотѣль бы сдѣлать важнаго безъ Вашего благословенія, отъ того и просилъ Вашей милости и теперь усердно прошу, т. е. св. благословенія Вашего, по не разрѣшенія, ибо не считаю себя въ этомъ дѣлѣ связаннымъ.

Если же мой умъ и память ослабѣли не отъ рѣзкаго перелома 30-лѣтней привычки, но независимо отъ того, какъ прежде, наказаніе Божіе за худое употребленіе Его даровъ, и при возобновленіи куренія не возвратится въ прежнюю живость, то умоляю Васъ, милостивый Батюшкa, помолиться обо мнѣ, чтобы Господь простилъ грѣхи мои. Съ нетерпѣніемъ ожидая отвѣта Вашего и испрашивая Вашихъ св. молитвъ, остаюсь преданный Вамъ...

13.

Многоуважаемый и сердечно любимый Батюшкa! Я думаю въ началѣ наступающаго поста, если Богу будетъ угодно, говѣть... Прошу Васъ милостиво благословить на это дѣло, и помолиться, чтобы Господь сподобилъ неосужденно и на пользу души и на укрѣпленіе въ добромъ дѣйствованіи и внутренней жизни сообщиться Его святыхъ и животворящихъ Таинъ. Прошу Васъ также помолиться Господу и о томъ, чтобы дѣло рекрутства, которое теперь, по моему предписанію, совершается въ Долбинѣ, было исполнено безъ несправедливости, съ возможно меньшимъ зломъ и вредомъ для несчастныхъ се-

мействъ и для имѣнія. Это лежитъ у меня на совѣсти, потому что я самъ не могъ поѣхать туда..

Ежедневно, и въ день иѣсколько разъ чувствую я Ваше видимое заступленіе передъ Господомъ за меня грѣшнаго и недостойнаго. Въ тревожныя минуты я молюсь Вашими молитвами, и при многихъ искусствительныхъ мысляхъ, мысль о Васъ останавливаетъ дурное направленіе моей воли. Помолитесь, чтобы Господь очистилъ меня отъ грѣховъ моихъ милосердіемъ Своимъ, и пошлите мнѣ Ваше святое благословеніе. Съ глубочайшимъ почтеніемъ пребуду Вашъ слуга и духовный сынъ. И. К. 27 Іюля 1854.

14.

Многоуважаемый и искреннолюбимый Батюшка! Глубоко тронули меня разсказы Нат. Петр. о тѣхъ отеческихъ ласкахъ, которыми Вы такъ щедро и милостивосыпали ее, во время ея пребыванія у Васъ. Не нахожу словъ, чтобы выразить Вамъ мои чувства. Но особенно желалъ бы высказать Вамъ благодарность мою за Ваше милостивое воспоминаніе обо мнѣ и за прекрасную икону Успенія Божьей Матери, которую Вы благословили меня, лишивъ себя этого прекраснаго изображенія Киевской чудотворной иконы. Въ моихъ сердечныхъ глазахъ она будетъ имѣть особенно высокую цѣну отъ того, что дана мнѣ Вами. Мои молитвы къ Святой и Милосердной Царицѣ Небесной будутъ, можетъ быть, менѣе недостойными ея милосердія, руководимыя мыслю о Вашемъ споспѣшствующемъ посредничествѣ.

Отъ самой глубины души благодарю Васъ. Не малымъ также утѣшениемъ и ободреніемъ будетъ мнѣ мысль, что надъ ней работалъ, конечно, съ молитвеннымъ доброжелательствомъ, Вашъ достойный

ученикъ, высокоуважаемый мною о. Іоаннъ. Прошу Васъ взять на себя трудъ передать ему искреннюю благодарность, тѣмъ болѣе, что онъ работалъ надъ иконою еще съ больною рукою. Очень желаю, чтобы эта христіанская услуга ему не повредила здоровья. Прошу Васъ также передать мое почтение многоуважаемому Льву Александровичу и о. Амвросію.

Примите увѣренія... и проч. И. К. 21 октября 1854 г.

15.

Многоуважаемый и искренно любимый Батюшка! Митрополитъ взялъ у меня для просмотра иѣкоторыя рукописи изъ представленныхъ въ цензуру, т.е. сотницы Аввы Фалассія и главы Каллиста Антиликуды. Вчера я былъ у него съ Зед-рг-омъ, желавшимъ получить его благословеніе, и онъ между прочимъ сказалъ мнѣ, что прочиталъ сотницы А. Фалассія и думаетъ, что они должны бы быть изданы особою книжкою, что въ нихъ много полезнаго, но что читатели вообще лѣнивы на духовное чтеніе и большой книги испугаются, а маленькую скорѣе прочтутъ. Но что въ переводѣ есть много темнаго, и онъ желалъ бы, чтобы вы поступили съ нимъ также, какъ съ книгою Исаака Сирина, т.е. приказали бы переписать ее четкимъ шрифтомъ и, сличивъ съ подлинникомъ, приложили бы краткія поясненія внизу страницы, а гдѣ найдутся явныя ошибки, переписчика Словенской рукописи или переводчика, тамъ поправили бы въ самомъ текстѣ. Вообще кажется онъ очень доволенъ изданиемъ Исаака Сирина и желалъ бы, чтобы и другія книги были изданы такимъ же образомъ. Что же касается до Каллиста Антиликуды, то онъ еще не успѣлъ прочитать, а только началъ, и судя по началу сомнѣвается, полезно ли будетъ его напечатать, потому что онъ кажется ему очень

труденъ для пониманія, мысли сжаты и собраны многія въ одинъ клубокъ такъ, что не каждый распутаетъ ихъ. Я не знаю, прибавилъ онъ, для чего печатать много: не лучше ли ограничиться немногимъ, явнополезнымъ.

Свѣтская литература представляетъ намъ невыгоды многаго печатанія.

Тамъ врагъ человѣческаго рода постарался устроить такъ, что хорошия книги задавлены грудою бесполезныхъ такъ, что до нихъ и не доберешься. Не надобно ли остѣргаться, чтобы и духовная литература не подверглась такой же участіи? Я отвѣчалъ ему, что Ваше желаніе преимущественно то, чтобы изданы были рукописи, переведенные старцемъ Паисиемъ, какъ человѣкомъ, который, бывши глубоко знакомъ съ духовною литературою, выбиралъ изъ всѣхъ книгъ самыя полезныя. Но на этомъ мѣстѣ нашъ разговоръ былъ прерванъ прѣхавшими посторонними посѣтителями и я спѣшу покуда сообщить его Вамъ, чтобы знать Вашъ отвѣтъ объ А. Фалассіи прежде, чѣмъ буду у св. Владыки. При этомъ слuchaѣ и спрашиваю Вашихъ св. молитвъ и благословенія... И.К. 5 ноября 1854 г.

16.

Многоуважаемый и искренно любимый Батюшкай Нат. Петр. сообщила мнѣ письмо Ваше къ ней отъ 6 ноября, въ которомъ Вы изволите писать о Максимѣ Исповѣднике, и я вижу изъ Вашихъ словъ мое крайнее неразумѣніе въ пониманіи этого высокаго духовнаго писателя и прошу Васъ простить меня въ этомъ. Я полагалъ, что главная трудность въ пониманіи его писаній заключается не столько въ духовной высотѣ, сколько въ формахъ языка, занятыхъ, какъ я думалъ, у философскихъ системъ

того времени, и особенно новоплатониковъ. Вотъ почему я такъ былъ дерзокъ, что осмѣлился предложить Вамъ даже свои услуги въ дѣлѣ перевода предполагая въ мѣстахъ неудобопонятныхъ искать объясненій въ философскихъ терминахъ и оборотахъ мыслей древнихъ школъ,. Но по истинѣ, батюшка, я думалъ только о буквальномъ смыслѣ, а не о духовномъ, и если бы зналъ, что дѣло идетъ о послѣднемъ, то не смѣльбы предложить своего участія. Я очень хорошо знаю и глубоко чувствую какъ слѣпъ я въ этомъ послѣднемъ отношеніи и не только тамъ, гдѣ мысль выражена неясно, но даже и тамъ, гдѣ она сказана просто и удобопонятно даже для дѣтей, какъ напр. въ Евангеліи,—я безпрестанно нахожу для себя темноты, которыхъ не могу проникнуть, и въ этихъ случаяхъ обыкновенно рѣшаю мои недоумѣнія предположеніемъ просить объясненія у Васъ; хотя въ тоже время чувствую, что даже и Ваши объясненія могутъ только указать, *куда* смотрѣть, а не дадутъ *глазъ*, которыми видѣть. Что же касается до того высшаго умозрѣнія, о которомъ Вы пишете, и которое открывается по дѣянію, — то кому же дастъ его Господь, если не Вамъ?

Это умозрѣніе жизненное и живое, которое горитъ, какъ свѣча передъ Господомъ, и освѣщаетъ все вокругъ себя и зажигаетъ свѣтильникъ въ чистыхъ лампадахъ Васъ окружающихъ, — это свѣть, на который мы, далекіе отъ Васъ, смотримъ съ благоговѣніемъ и любовью, какъ на Божій даръ, посланный Имъ на пользу, вразумленіе и утѣшеніе людей, Вамъ современныхъ. Потому простите меня, Батюшка, если я думаю, что св. Максимъ едва ли говорилъ такія вещи, которыхъ въ духовномъ смыслѣ могли бы быть для Васъ невразумительными; хотя въ смыслѣ буквальномъ и наружно философскому онъ сказалъ многое такое, что можетъ быть и навсегда и для

всѣхъ останется не вполнѣ объясненнымъ. Впрочемъ опять повторяю, что не понимая въ этомъ дѣлѣ почти ничего, я вполнѣ покорю мое сужденіе Вашему и прошу меня простить за мое безразсудное миѣніе... И. К. 13 ноября 1854 г.

17.

Многоуважаемый и искренно любимый Батюшкa! Я имѣлъ счастіе получить Ваше письмо отъ 9 ноября, въ которомъ Вы изволите писать, что съ главами Каллиста, кажется, надобно будетъ поступить также, какъ со стишиою книгою св. Симеона Нового Богослова, потому что эти главы не для всѣхъ понятны. Признаюсь Вамъ, милостивый батюшкa, что мнѣ было бы крайне жаль, если бы это случилось. Слова Марка Подвижника еще менѣе понятны и потому также не для всѣхъ доступны; но за то для тѣхъ, кто можетъ ими пользоваться, они могутъ объяснить многое существенное и оградить ихъ понятія отъ западныхъ лжетолкованій. Тѣ-же, кто поймутъ, могутъ передать другимъ. Вы сами тоже желали напечатать Каллиста. Митрополитъ же, когда говорилъ о немъ, еще не прочелъ его, а только началъ читать. Къ тому-же, неговоря уже о другихъ достоинствахъ, эта книга важна уже и потому, что она не находится ни на какихъ другихъ языкахъ, и даже издателю греческой филокалии было неизвѣстна, какъ видно изъ тѣхъ главъ Каллиста Катафигіота, которыхъ тамъ напечатаны, и о которыхъ сказано: *оставшияся или уцѣлѣвшія изъ писаній Каллиста*. Печатать же одно общепонятное и, следовательно, общеизвѣстное имѣеть, кажется, тоже свой вредъ. Многіе именно отъ того не берутся за наши духовные книги, а ищутъ иностранныхъ, что наши по большей части повторяютъ всѣмъ

извѣстныи истины, которыя можно знать и не читая, говорять они. Простите меня, батюшка, что я взялъ смѣлость сказать Вамъ это мнѣніе мое, къ которому, впрочемъ, нужнымъ считаю прибавить, что я не съ тѣмъ выразилъ его, чтобы имѣть вліяніе на Ваше; я далекъ отъ такой самонадѣянности; но только хотѣлъ высказать то, что у меня было на сердцѣ...
И. К. 16 ноября 1854 г.

18.

Благодарю Васъ, милостивый Батюшка, что вы вспомнили обо мнѣ въ день моего рожденія. Благословите меня хотя въ этомъ 50-мъ году моей жизни начать жить лучше и цѣльнѣе, и помолитесь обо мнѣ. Такъ какъ до сихъ поръ еще не полученъ Алфавитъ къ книгѣ Варсануфія, то, можетъ быть, въ немъ можно еще сдѣлать вставки. Потому прошу Васъ обратить вниманіе на то, не полезно ли будетъ въ Алфавитѣ указать на тѣ мѣста, которыя относятся къ *Иисусовой непрестанной молитвѣ*?

Такъ какъ есть шѣкоторые изъ западныхъ, которые отвергаютъ древность этой молитвы, то, кажется не худо было бы во всѣхъ древнихъ св. отцахъ указать на тѣ мѣста, которыя прямо или подразумѣвателно къ пей относятся. У Варсануфія, сколько я нашелъ, сюда можно отнести отвѣтъ 39 о призваніи имени Иисусова при каждомъ искушеніи. Отвѣтъ 126, должно ли поучаться въ Божественномъ Писаніи, или въ Иисусовой молитвѣ: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя. Отвѣтъ 423, о томъ, что имя Божіе должно призывать во время искушеній, что непрестанное именование Бога есть не только врачеваніе страстей, но и дѣянія, и что какъ лѣкарство дѣйствуетъ на больного непонятнымъ для него образомъ, такъ и призваніе

имени Божія убиваєть страсти образомъ, намъ не-
вѣдомымъ. Отвѣтъ 424, что имя Іисусово должно
призывать не только во время искушеній, но и тогда,
когда повидимому помыслы безмолствуютъ и
сердце мирно, и что [непрестанное призываніе
имени Божія есть собственно молитва.

425, что призываніе имени Божія отгоняетъ
злые помыслы, возникающіе во время псалмопѣнія,
или молитвы, или чтенія. (Слѣдовательно, молитва
Іисусова не должна останавливаться во время про-
изнесенія другихъ молитвъ. Тоже сказалъ о. Сера-
фимъ о. Архимандриту). 429, не только призываніе
имени Божія устами, но и воспоминаніе Его въ
сердцѣ, также молитва, ибо Богъ сердцевѣдецъ и
внимаетъ сердцу. Затворяющій уста и именующій
Бога въ сердцѣ исполняетъ заповѣдь, глаголющу:
«Затвори двери твоя и помолися Отцу Твоему, иже
въ тайнѣ» и проч.

430, углубляясь молитвою въ сердце, не произно-
ся слова, прилично только совершеннымъ, могущимъ
управлять свой умъ, не совращаясь въ мечтанія.
Начинаяющій же такое художество, какъ не умѣю-
щій плавать по глубокому морю, долженъ, когда
ощутить глубину, выходить на берегъ, и, отдох-
нувъ, опять пускаться въ пучину, покуда совершен-
но познаетъ художество сего плаванія и достигнетъ
въ силу вѣдущихъ. И еще есть много мѣстъ, которыхъ
сюда же относятся, но я ихъ теперь не умѣль найти.
Если вы одобрите это, то можно будетъ эту вставку
въ Алфавитъ послать особенно къ цензору... И. К.
22 Марта 1855 г.

19.

Отъ всей души благодарю Васъ, сердечно любимый
и безпредѣльно уважаемый Батюшка, за милостивое
писаніе Ваше и за Ваше истинно отечское участіе...

Сегодня, передъ тѣмъ, какъ хотѣлъ писать къ Вамъ, прочелъ случайно въ церковной исторіи, какъ Григорій Двоесловъ разсказываетъ, что у одного пѣнника свалились цѣпи въ ту минуту, какъ за него въ отдаленіи вынимали части въ литургії. Потому, припадая къ стопамъ Вашимъ, прошу Васъ помолиться за В. и вынуть за него часть. Ему очень трудно и тяжело и отъ положенія своего, и отъ характера, и, можетъ быть, отъ нашихъ ошибокъ въ воспитаніи... отъ всей души благодаю Васъ за благосклонное напоминаніе Ваше о моемъ намѣреніи написать продолженіе моей первой статьи. Это занятіе точно было бы для меня и полезно и утѣшительно, и по Вашему св. благословенію я думаю начать на этихъ дняхъ... И. К. 6-го февраля.

20.

Милостивый Государь, сердечно уважаемый Батюшка!. Благодарю Васъ отъ всего сердца за участіе, которое вы изволите принимать въ пишущейся мною статьѣ для Московскаго Сборника. Я желалъ сообщить Вамъ ее прежде печати, Вамъ и Митрополиту. Въ Четвергъ надѣюсь послать къ Вамъ, если не всю, то почти всю. Благословите ее быть на пользу.

Если что сказано мною противно истинѣ, или не вѣрно, или излишне, прошу Васъ вычеркнуть или измѣнить. Попросите Господа, чтобы Онъ далъ мнѣ разумъ и силы окончить ее хорошо, чтобы она настраивала мысли читателей къ тому направленію, которое доводить до истины. Особенно же прошу Васъ, батюшка, помолитесь Милосердному Богу, чтобы въ семействѣ нашемъ было все мирно, согласно, любовно и благополучно. У насть, благодаря Бога, нѣть того, что называется несчастіемъ или

бѣдою, но есть какія-то паутины, которая непримѣтно напутываетъ какой-то мракъ на незамѣтные оттѣнки сердечныхъ движений, изъ которыхъ мало по малу слагаются цѣлые ткани, мѣшающія прямо смотрѣть и отдалающія людей. Стоитъ, кажется, дунуть святому дыханію, и все разлетится, какъ не было. А между тѣмъ это ничто дѣйствуетъ существенно... И. К.

21.

Не успѣлъ написать Вамъ на прошедшой почтѣ, Мил. Бат. Спѣшу теперь принести Вамъ искреннюю и сердечную благодарность за тѣ дни и часы, которые Вы удостоили провести у насть. Пребываніе Ваше у насть привлечетъ намъ благословеніе Божіе, и каждое слово, сказанное Вами, останется навсегда въ нашей памяти. Посылаю при семъ книжку Хомякова на французскомъ языѣ о нашей церкви. Ее прислалъ Кошелевъ нарочно для Васъ и пишеть ко мнѣ такъ: «я слышалъ, что въ Оптиної Пустыни желаютъ прочесть брошюру Хомякова, потому прошу доставить отъ меня ее въ даръ о. Макарію. Хотя я его не знаю лично, но надѣюсь вскорѣ имѣть возможность съ нимъ познакомиться». Когда Кошелевъ пріѣдетъ къ Вамъ, то сдѣлайте одолженіе, Мил. Бат., извѣстите меня объ этомъ съ нарочнымъ. Я бы желалъ быть въ то же время въ Оптиної... И. К. 30 Авг. 1855 г.

22.

Милостивый Батюшкѣ! Прилагаю письмо инспектора Сергія,*) полученное мною въ отвѣтъ на то, которое я ему писалъ по Вашему приказанію о

*) Впослѣдствіи митрополитъ Московскій.

послѣднихъ главахъ Аввы Фалассія, и прошу вразумить меня, что ему отвѣтить? Составить ли примѣчаніе здѣсь и послать ему на одобреніе, или просить его самого составить его? Въ указаніи на I. Дамаскина онъ ошибся: я писалъ ему объ 11-й главѣ и 3-мъ параграфѣ, разумѣя первую часть, въ которой говорится о Пр. Троицѣ. А онъ вмѣсто 3-го параграфа прочелъ 3 часть, и въ ней искаль 11-й главы, гдѣ идетъ рѣчь о другомъ. Въ указаніи же мною мѣстѣ говорится именно о беззначальности и небеззначальности Сына. Для усмотрѣнія Вашего выписываю это мѣсто и при семъ прилагаю. Выписываемый о. Инспекторомъ ирмосъ кажется мнѣ тоже не довольно ясенъ. Не имѣется ли въ церковныхъ пѣсняхъ что-либо еще ближе къ предмету? Въ книгѣ I. Дамаскина еще указана ссылка на Григорія Назіанзина слово 29 и 39. Но я ихъ не смотрѣлъ. Въ примѣчаніи же, думаю, къ выпискѣ изъ I. Дамаскина достаточно прибавить нѣсколько словъ о томъ, что слово *началоимѣТЬнѣсколько* смысловъ. Иногда означаетъ оно черту, отъ которой возникаетъ что-либо во времени или пространствѣ; иногда означаетъ основаніе чего-либо; иногда означаетъ основаніе чего-либо; иногда причину или вину. Здѣсь небеззначальный употреблено въ семъ послѣднемъ смыслѣ, и, собственно, значитъ имѣющій вину своего Сыновняго бытія въ Отцѣ, совѣчно ему и беззначально пребывая какъ Божество, Ему одиносущное, но отъ Него прежде всѣхъ вѣковъ рожденное, какъ свѣтъ отъ свѣта, Богъ истинный отъ Бога истиннаго. Когда будете разматривать переводъ Филиппова Максима Исповѣдника, то на первой страницѣ его, гдѣ говорится о томъ, что любовь составляется изъ *вожделѣнія и страха*, не найдете ли приличнѣе замѣнить слово *вожделѣніе* словомъ *влеченіе*?... И. К. 20-го Сентября.

23.

Благодарю Васъ, Милост. Бат., за присланную выписку изъ письма Башилова. Очень отрадно видѣть, что статьи Хомякова находять у насъ цѣнителей.

Мнѣ кажется, самъ Господь избралъ его быть поборникомъ нашей православной вѣры. Во всю свою жизнь онъ былъ ей преданъ душею, тѣломъ и дѣломъ, всегда исполнялъ ея предписанія, и во всю свою жизнь безпрестанно защищалъ ее противъ невѣрующихъ и иновѣрцевъ. Статьи его такъ умны, учены, глубокомысленны и проникнуты сердечнымъ убѣжденіемъ, что врядъ ли въ Европѣ найдется писатель ему подобный, а отъ Муравьевъ онъ отличается какъ звѣзда отъ мишурнаго золота. Очень бы желалъ, чтобы Башиловъ скорѣе перевелъ и доставилъ Вамъ его вторую статью...

24.

Достопочтеннѣйший и многоуважаемый Батюшка! Вамъ угодно приступить ко второму изданію книги Вашей, житія старца Паисія, съ прибавленіемъ тѣхъ книгъ, которые были исправлены или вновь переведены старцемъ Паисіемъ. Само собою разумѣется, что покуда мы въ Москвѣ, то для насъ будетъ большое счастье содѣйствовать, сколько мы можемъ, этому полезному дѣлу. Степану Петровичу*) я уже говорилъ объ этомъ, и онъ съ своей стороны тоже радъ, и если успѣетъ, то завтра пошлетъ прошеніе въ цензурный Комитетъ отъ имени Шевырева. Но кажется, что если печатать: Симеона, Нового Богослова, Максима Исповѣдника по вопро-

*) Проф. Шевыревъ.

су и отвѣту, Феодора Студита, житіе Григорія Синаита, и 8 или даже 5 словъ Марка Подвижника, то этотъ томъ будетъ болѣе первого. А между тѣмъ все еще не всѣ труды Св. Паисія будутъ напечатаны, т.е. останутся еще Максима Ісповѣдника толкованіе на «Отче нашъ», Іустина Философао Св. Троицѣ, Аввы Фалассія 4 сотинцы, и Симеона Евхайтскаго слово о безмолвіи. Не лучше ли уже будетъ напечатать все въ 3-хъ частяхъ? А что эти послѣднія книги, точно, переведены старцемъ Паисіемъ, то на это доказательствомъ можетъ служить находящійся у насъ экземпляръ этихъ книгъ, данный намъ по-койнымъ о. Филаретомъ, гдѣ по сторонамъ выставлены листья греческой Филокаліи, и гдѣ соблюдаются правописаніе старца Паисія и выставлены надъ словами точки, какъ въ Исаакѣ Сиринѣ. Я уже говорилъ объ этомъ съ Феодоромъ Александровичемъ.*^{*)} Онъ обѣщалъ пропустить скоро, только опасался за нѣкоторыя темноты въ толкованіи на «Отче нашъ». Во избѣженіе затрудненій отъ этой темноты, я думалъ сдѣлать одно изъ двухъ: или напечатать противъ словенскаго подлинника русскій перифразисъ, какъ сдѣлано съ книгою Лоре *О любви* или въ выпискахъ приложить переводъ только однихъ темныхъ мѣстъ, соображаясь съ переводомъ латинскимъ, приславъ и то и другое на Ваше предварительное разсмотрѣніе и исправленіе. Это казалось мнѣ нужнымъ для того, чтобы не поправлять самого текста, писаннаго Паисіемъ, а сохранить его, какъ вещь священную. Потому прошу Васъ увѣдомить меня, угодно ли Вамъ будетъ мое предложеніе, и послѣшить присылкою рукописей если не всѣхъ вдругъ, то хотя частями, потому что и Голубинскій говорилъ мнѣ, что онъ скорѣе и охотнѣе можетъ просматривать рукопись частями, т. е. по нѣскольку

^{*)} Протоіерей Голубинскій, цензоръ.

листовъ, а не все вдругъ. Что касается до предисловія, то я думаю, не лучше ли будетъ его опять печатать послѣднее для того, что между этимъ временемъ, вѣроятно, Вы получите многія свѣдѣнія о лицахъ, тамъ упоминаемыхъ, отъ разныхъ читателей Вашей книги, и потому многое можно будетъ прибавить. Кстати, прилагаю Вамъ письмо Ф. А. Голубинскаго къ Шевыреву, писанное въ Мартѣ прошлаго года. Но Шевыревъ вспомнилъ о немъ при самомъ окончаніи печатанія, потому я и не успѣлъ послать его къ Вамъ тогда, а вставилъ самъ въ предисловіе ту персмѣну обѣ о. Аѳанасіи, какую предлагалъ Голубинскій. Но мнѣ кажется по нѣкоторымъ соображеніямъ, что Голубинскій напрасно приписываетъ такое полезное участіе Якову Димитріевичу въ исправленіи Добротолюбія. Вѣроятнѣе, кажется, предположить, что онъ принадлежалъ къ тѣмъ ученымъ исправителямъ, о которыхъ говорилъ митрополитъ Гавріиль, и которые больше мѣшали, чѣмъ помогали. Впрочемъ, Вамъ это должно быть извѣстнѣе. Что же касается до Филарета Глинскаго, то я говорилъ о немъ замѣчаніе Ваше Феодору Александровичу, но онъ отвѣтилъ мнѣ, что Филаретъ, точно, былъ очень долго игуменомъ, но при концѣ жизни былъ сдѣланъ архимандритомъ. Если при второмъ изданіи Вамъ угодно будетъ приложить портретъ старца Паисія, тѣ прошу Васъ написать обѣ этомъ поскорѣе, покуда онъ еще не стеръ съ камня. Это будетъ дешевле, чѣмъ снова рисовать его. Такжѣ и о снимкѣ съ почерка. Окончивъ о книгѣ, позвольте мнѣ предложить Вамъ просьбу о себѣ самомъ: я желалъ бы говѣть въ этомъ постѣ и пріобщиться св. Таинъ, но не смѣю этого слѣдѣть безъ Вашего разрешенія. Благословите ли Вы мнѣ, батюшка, или прикажете отсрочить? Съ нетерпѣніемъ буду ожидать Вашего отвѣта и съ покорностью. Душевно Вамъ преданный... И. Кирѣевскій.

Посылая Вамъ этотъ первый экземпляръ книги Вашей, почтеннѣйшій и многоуважаемый батюшка, спѣшу сказать Вамъ о ней два слова: печатаніе кончено; завтра на почту пошлеется 6 экземпляровъ въ цензуру при письмѣ къ Феодору Александровичу, который, вѣроятно, возвратить ихъ съ первою почтою; тогда только можно будетъ получить книгу всю изъ типографіи. Въ прилагаемомъ экземпляре обертка будетъ другая, и сзади виньетка перемѣнится; удивительно, что въ русской университетской типографіи кресты все латинскіе. Снимокъ съ почерка Ст. Паисія литографируется. Въ этомъ экземпляре ошибочно переплетчикомъ пропущено окончаніе предисловія. Оно пришлеется потомъ послѣ; теперь же время почты не позволяетъ откладывать... Прошу Вашихъ св. молитвы... И. К.

Высокопочтеннѣйшій и многоуважаемый о. Макарій! Вчера я получилъ письмо отъ Шевырева вмѣстѣ съ однимъ мѣстомъ корректуры житія ст. Паисія: и то и другое препровождаю къ Вамъ для разсмотрѣнія. Хорошо бы было, если бы Вы успѣли отправить корректуру обратно къ Шевыреву въ понедѣльникъ съ экстра-почтою. На поляхъ корректуры Вы найдете замѣтки Шевырева карандашемъ: онъ спрашиваетъ, какого правописанія угодно Вамъ держаться въ словахъ *славянскій*, *словянскій* или *словенскій*, и въ словѣ *отнудь* или *отнюдь*? По моему мнѣнію въ послѣднемъ словѣ несомнѣнно долженъ быть на концѣ ъ, т. е. *отнюдь*; первое же слово пишутъ каждый своимъ образомъ. Я обыкновенно пишу *Словенскій*, производя *словене*, отъ *слова*, въ противо-

положность *нъмцамъ*. Впрочемъ, извольте выбрать, какое Вамъ кажется правильнѣе, и по немъ исправить другія, выставляя поправку *на поляхъ*, такъ, какъ на послѣдней страницѣ исправлено слово *разумъ*. Адресъ Вашъ Шевыревъ уже имѣлъ, и по немъ одинъ разъ уже и писалъ къ Вамъ, но, вѣроятно, потерялъ. Не скорѣе ли будетъ дѣло, если вмѣсто того, чтобы посыпать корректурные листы изъ напечатаннаго уже текста по почтѣ, — исправить предварительно по напечатанной книжкѣ тѣ ошибки, — которые найдутся тамъ сверхъ замѣченныхъ опечатокъ, и послать книжку Шевыреву. Въ случаѣахъ сомнѣнія о правописаніяхъ, кажется, можно положиться на него. А что будетъ печататься вновь съ рукописей, то пусть онъ присыпаетъ въ корректурѣ. Впрочемъ, извольте сдѣлать, какъ найдете лучшимъ. Я говорю это предположеніе только для сокращенія времени. Видно, они оцѣнили тамъ Ваше дѣло настоящимъ образомъ и приняли его къ сердцу. Очень бы желательно было, чтобы исполнилось предположеніе Голубинскаго, и Московскій Митрополитъ съ своей стороны прибавилъ что-нибудь къ предисловію. Кромѣ достоинства его пера, онъ можетъ болѣе всѣхъ другихъ имѣть драгоцѣнныя свѣдѣнія о многомъ и о многихъ, упомянутыхъ въ предисловіи...

...Душевно Вамъ преданный И. Крѣевскій.

II.

ПИСЬМА НАТАЛИИ ПЕТРОВНЫ КИРЬЕВСКОЙ
КЪ ОПТИНСКОМУ СТАРЦУ ИЕРОСХИМОНАХУ
О. МАКАРИЮ.

I.

20 сент. 1846 г. Доставляю Вамъ два корректурныхъ мѣста и прошу милостиваго Вашего благословенія и святыхъ молитвъ. Mnѣ очень тяжело на сердцѣ, что-то грустное гнететъ меня... Цѣлую Ваши ручки отъ всего искренняго уседія и прошу Вашего благословенія на утвержденіе въ извѣстномъ Вамъ благомъ пути наasz обоихъ и со всею семьею.

2.

Милостивый отецъ мой! 19-й корректурный листъ посылаемъ къ Вамъ, 20-й печатается и книга 20-мъ листомъ окончится. Предисловіе набирается въ типографіи... Всѣ средства употребимъ, чтобы къ новому Году книга вышла; если Господь благословить успѣхомъ, очень будемъ рады....

Душа моя часто страдаетъ, сердце смущается и

болитъ о всемъ и о всѣхъ насть. Прошу св. Вашихъ молитвъ и милостиваго благословенія всему семейству нашему... 13 Дек. 1846.

3.

Милостивый отецъ мой! Письмо Ваше отъ 14 Дек. получено мною вчера 18-го числа.

Душою благодарю Васъ за милостивое Ваше о насть попеченіе. Здоровье мое еще не совсѣмъ исправилось, что мнѣ прискорбно только потому, что сама дѣйствовать и выѣзжать не могу и не позволяеть докторъ, а кажется какъ будто еслибъ я могла ъздить, то дѣло печатанія шло бы несравненно скрѣе. Впрочемъ, теперь 20-й листъ печатается, предисловіе набирается, оглавленіе также. Сейчасъ посылаемъ за наборщиками, чтобы уговорить ихъ извѣстными средствами окончить печатаніе къ новому году... Тогда останется или отправить къ Голубинскому для подписи къ выпуску книги, или еще бы лучше, еслибы Голубинскій, когда будетъ въ Москвѣ, рѣшился подписать къ выпуску книгу, а онъ всегда бываетъ на 3-й день праздника, ибо онъ благочиннымъ въ Вознесенскомъ монастырѣ. Послѣ же его подписи останется перепечатать, сколько прикажете экземпляровъ и какъ? И тогда прошу Васъ, батюшка, выслать мнѣ реэстръ назначенія: кому и сколько экземпляровъ доставлять...

Прошу Вашего святаго благословенія на скорое и благополучное окончаніе сего дѣла, — равно благословите и мое усердіе исполнить все согласно желанію Вашему, это единственное желаніе моего сердца... Здоровье Ивана Васильевича посредственno, но кажется онъ скрывасть, что у него бываетъ боль въ сердцѣ. Прошу Вашихъ святыхъ молитвъ о немъ. Да, дужомъ воистину страдаю, и

есть причины — не рѣзкія, но для любящаго сердца иногда тяжелыя.

Простите мое малодушіе, отецъ мой! Со слезами молю любовію Васъ, помолитесь къ Господу объ утвержденіи его въ супружеской любви и вѣрности, и благословите воспитаніе дѣтей. Я сама ничего не умѣю, боюсь, что упускаю время и ихъ пользу; словомъ, я ни на что не гожусь, батюшка! Не оставьте меня, грѣшную, молю Васъ усердно, Вашими молитвами, — вѣрю, что и Господь меня не оставитъ! Научите, вразумите меня, и простите, что много утружаю Васъ, но по душѣ имѣю Васъ больше, чѣмъ роднымъ отцомъ. — Преданная Вамъ по Господѣ Недост. дочь Ваша Н. К.

4.

Милостивый отецъ мой! Письмо Ваше отъ 17 Декабря имѣла утѣшеніе получить и роспись экземпляровъ. Съ радостью буду стараться по желанію Вашему все исполнить. Теперь хлопочеть Иванъ Васильевичъ, чтобы завтра окончили печатаніе 20-го листа, эти наборщики плутуютъ ужасно. Останется одно предисловіе съ оглавлениемъ и опечатками. Это надѣемся силою монеты заставить ихъ отпечатать на праздникахъ, и тогда уже будемъ ожидать Ф. А. Голубинскаго для подписи къ выпуску книги, или пошлемъ нарочнаго въ Лавру, для этого, если онъ на праздникахъ не будетъ... Болѣе теперь не пишу, а усердно благодарю Васъ всей душою за записку: она, какъ живворный бальзамъ, доставила мнѣ утѣшеніе. Батюшка, не оставьте меня, грѣшную, въ святой молитвѣ Вашей!...

Простите, мой милостивый отецъ! Молю Господа о Васъ всегда усердно. Прошу Васъ, благословите насъ всѣхъ на новый годъ, провести оный въ запо-

вѣдяхъ Божіихъ, мирѣ, любви и вѣрности другъ другу. Дѣтей и весь домъ нашъ съ домочадцы благословите, батюшка! Вѣрую, что благословеніемъ Вашимъ насть Господь помилуетъ!... 23 Дек. 1846 г.

5.

Милостивый отецъ Мой! Слава Богу! Вотъ и 20-ї листъ къ Вамъ посылаю, это послѣдній... Голубинскаго ожидають на дніяхъ и онъ, говорять, остановится въ Петровскомъ монастырѣ, — это недалеко очень отъ насть, и потому болѣе удобно будетъ его видѣть. Въ усердіи и стараніи нашемъ не усумнитесь, батюшка! Отъ души желаемъ Вамъ сдѣлать угодное.

Вчера вечеромъ Иванъ Васильевичъ лишился одного изъ друзей своихъ: поэта Николая Михайловича Языкова: смерть его всѣхъ насть огорчила, но онъ копчилъ какъ истинный христіанинъ: самъ просилъ исповѣди и причащенія св. Таинъ. Прошу Васъ, отецъ мой, помяните его предъ престоломъ Божіимъ.

О себѣ мнѣ совѣстно уже беспокоить Васъ, батюшка! Я чувствую, что не умѣю благодарить Господа за Его великія ко мнѣ, недостойной, милости. Много, много согрѣшаю во всемъ, но сердце сильно и часто страдаетъ. Простите Бога ради, можетъ все это малодушіе, не оставьте меня, окаянную! N. K.

6.

3 янв. 1847 г. Милостивый отецъ мой!.. Вотъ что имѣю сообщить Вамъ: Голубинскій пріѣхалъ въ Москву 26-го числа Декабря. По милости Божіей я тотчасъ о семъ узнала, и написала къ нему, приг-

лашай его къ намъ. Онъ обѣщался быть 28-го, но не пріѣхалъ. Я опять послала его просить и онъ 31-го въ два часа пополудни пріѣхалъ къ намъ, а въ 11 вечера уѣхалъ. Пріятно было провести съ нимъ этотъ день, онъ всѣ замѣчанія Ваши въ опечаткахъ не только одобрилъ, но и поручилъ благодарить Васъ за оныя, подписалъ оныя къ печатанію, и еще подписалъ мнѣ бланку, на случай присылки Вами еще новыхъ замѣчаній, чтобы я вписала ихъ на подписанномъ имъ уже листѣ, дабы избѣжать замедленія. Вчера онъ долженъ былъ отправиться въ Лавру и желалъ взять съ собою книгу, отпечатанную и выслать съ сегодняшнею почтою билетъ на выпускъ ея, но сего не состоялось отъ лѣнивой типографіи, въ которой низачто не хотѣли работать въ новый Годъ, но за то, слава Богу, сегодня все послѣднее должно быть отпечатано. Шевыревъ долженъ пріѣхать вечеромъ на совѣщаніе и съ помощію Божіею на слѣдующей недѣлѣ книга выпустится и ее тотчасъ будутъ переплетать. Вотъ въ какомъ видѣ наше дѣло, батюшка!

Письмо Ваше отъ 31-го сейчасъ получила и сегодня посовѣтуемся съ Шевыревымъ.

Если можно еще, то отдадимъ въ литографію снять вѣрный снимокъ съ подписи блаженнаго старца Паисія и помѣстимъ. Если же это замедлить дѣло, позвольте отложить: впрочемъ, видно будетъ, что можно успѣть сдѣлать, то все съ усердіемъ постараемся сдѣлать. Вотъ все, что относится къ дѣлу.

Теперь скажу о своемъ. Иванъ Васильевичъ такъ огорчился кончиною Языкова, что сдѣлался нездровъ. Докторъ запретилъ ему выѣзжать, но онъ поѣхалъ не только на отпѣваніе въ церковь, но и въ Даниловъ, гдѣ похоронили Языкова. И еще разстроился и простудился: глаза очень болятъ, спина, бокъ и, кажется, сердце опять болить, хотя онъ скрываетъ и не ложится. Доктора говорятъ про него,

что онъ не хороши, что ему должно очень беречься, и полѣчиться, но онъ ничего не хочетъ дѣлать. Это меня сильно огорчаетъ, часто боюсь за него, и прошу Васъ, милостивый Отецъ мой, помолитесь ко Господу о исцѣлениі и сохраненіи его жизни. Сдѣлайте милость, не оставьте моей душевной просьбы: мнѣ очень, очень грустно... недост... дочь Ваша Н.К.

7.

Милостивый и глубоко-уважаемый отецъ мой! Кажется, все по отпечатанію великой книги блаженного старца приходитъ къ окончанію... Теперь ожидаемъ билета для выпуска книги и надѣемся оный получить сегодня. Объ одномъ только очень сожалѣю, что напечатано не 2400 экземпляровъ— денежная прибавка была бы незначительная... Вотъ уже болѣе 10 человѣкъ, разныхъ лицъ и званій приходили въ типографію — все спрашиваются, когда выйдетъ книга старца Паисія, ожидаютъ ее съ нетерпѣніемъ. Теперь прошу Васъ назначить цѣну за экземпляръ, но предупреждаю Васъ, батюшка, что рубль серебромъ слишкомъ мало назначить, такъ даже и типографщики говорятъ, что слѣдуетъ ее продавать дороже по ея содержанію. Какъ мнѣ было пріятно это слышать отъ простого народа, который и простыми чувствами умѣть оцѣнить великое.

Теперь скажу Вамъ объ насть: грусть, уныніе и печаль насть не покидаютъ отъ смерти Языкова. Иванъ Васильевичъ еще не можетъ оправиться и, самъ хотя скрываетъ, но, видно, что нездоровъ и страдаетъ... Не оставьте насть всѣхъ Вашею святой молитвою, благословите милостиво и помолитесь о насть грѣшныхъ!

Я никуда не гожусь, у меня сердце безпрестанно страдаетъ: страхъ возникаетъ и производить печаль.

Иногда молитва облегчаетъ, а иногда и молиться силь нѣтъ. Иногда въ *настоящемъ* вижу *прошедшее* и *произошедшее* неизвѣстное или скрытое, сбиваюсь отъ этого мыслью: страданія душевныя прибавляются, силы же душевныя и физическія умаляются... Вотъ, батюшка, моя негодная грѣшность, исповѣдую Вамъ, какъ милостивому отцу моему, и надѣюсь получить отъ Васъ исцѣленіе моей немощи душевной. Простите, Бога ради! Цѣлую Ваши ручки усердно и съ глубокимъ уваженіемъ остаюсь нед. л. в. Н. Кирѣевская.

8.

13 Генв. 1847 г. Милостивый отецъ мой! Пишу теперь къ Вамъ немного: только желаю, чтобы Вы изволили видѣть, что у меня съ помощью Божіею все готово, и въ доказательство этого позвольте поднести Вамъ одинъ экземпляръ изъ нашихъ. Такой точно отъ Васъ пошлется гр. Орловой. Еще лучше вышелъ зеленаго стального цвѣта для митрополита. Только доставить оные ожидаемъ билета отъ Ф. А. Голубицкаго. Опъ еще не прислали билета на выпускъ книги, и за нимъ единственная остановка. Если завтра еще не получимъ, то рѣшимся послать за билетомъ эстафетъ. Это замедленіе миѣ представляется дѣйствіемъ врага, препятствующаго въ дѣлѣ полезному, какова эта книга, по, конечно, милостію Божіею, сокрушается препятствія и восторжествуетъ то, что на пользу человѣкамъ христіанамъ. Три экземпляра мною выданы изъ типографіи и безъ билета, а больше теперь достать нельзя, и эти до полученія на выпускъ билета просить не показывать... Что скажу Вамъ, отецъ мой, у насть то дѣти, то кормилицы — безпрестанно больны. Иванъ Васильевичъ также еще не здоровъ глазами, сердцемъ и кашляетъ сильно.

Я же отъ частой холдности и невнимательности —
страдаю духомъ и очень, очень тяжело мнѣ бываетъ.
О всемъ усердно прошу св. молитвъ Вашихъ, как
помоши крѣпкой на утвержденіе мира, любви и
согласія. О, отецъ мой, помолите Господа о семъ!
Но да будетъ воля Его святая во всемъ!

Простите Бога ради и благословите насть всѣхъ.
Нед. дочь ваша N. Кирѣевская.

9.

20 января 1847 г. Милостивый отецъ мой! Слава Богу, билетъ въ Пятницу получили! Въ Пятницу же мы востребовали 150 книгъ и пригласили Кирилла Ивановича, которому вручили письмо и книги для митрополита. Онъ обѣщалъ оныя доставить самъ на другой же день, т.е. въ субботу 18-го числа. Теперь у насть всѣхъ до 500 экземпляровъ, сегодня еще привезутъ и въ теченіе этой недѣли все полу-чимъ. Не въ продолжительномъ времени у насть будетъ подвода: изъ деревни привезутъ кормилицу для маленькой. Я думаю съ этою подводою доставить къ Вамъ книги...

Теперь прошу Васъ надписать Шевыреву на бѣломъ листкѣ — въ величину книги. По полученіи надписаннаго листка, его можно будетъ вклейть искусно въ книгу, которую я отъ Вашего имени доставлю Степану Петровичу. Это, кажется, удобнѣе, чѣмъ пересыпать всю книгу...

Болѣе теперь не пишу къ Вамъ, отецъ мой! Ибо спѣшгуѣхать въ Симоновъ къ отцу архимандриту похлопотать, не уступитъ ли онъ мнѣ за деньги писанную для меня книгу Симеона Нового Богослова... Благословите, батюшка! Простите... прошу усердно Вашихъ святыхъ молитвъ и цѣлую Вашу руку.
Недост. дочь Ваша N. Кирѣевская.

10.

24 января, пятница, 1847 г. Милостивый отец мой! Не заслуживаю ни единаго слова благодарности не только отъ Васъ, но и ни отъ кого, за усердіе мое. Оно по Господѣ къ Вамъ искренно и истинно, и если ревностно участвовала своимъ малымъ умѣніемъ ускоренію сего полезнаго изданія, то желаю общаго, Вамъ желаемаго блага, для усердныхъ подвижниковъ, и вознаграждена сторицею Вашимъ удовольствіемъ. Спасеть Васъ Господь, и молю Его благость — утѣшить Васъ за Ваше милосердіе ко мнѣ грѣшной. Не смѣю озабочивать Васъ, отецъ мой, сердечною, или вѣрнѣе сказать, душевною мою грустью. Миѣ часто, очень часто, да и въ самое это время весьма тяжело. Что-то не твердое въ нашихъ отношеніяхъ: иногда хорошо довольно, но видно въ этомъ хорошемъ — принужденіе; но иногда, какъ и теперь, вдругъ холодность, невниманіе и болѣе, непріятность такая, которая не имѣеть мѣста въ любви. Даже къ болѣзни не только невниманіе, но еще много самъ и причиняетъ. Когда я была въ опасности, тогда его забота была великая, но теперь, если онъ думаетъ только для меня нужное или къ спокойствію что-либо нужно сдѣлать самое ничтожное, хотя бы, напримѣръ, пораньше лечь, т.е. не въ 2 часа по полуночи, то уже ни за что этого не сдѣлаетъ, и всегда еще за это наградить тяжелой непріятностью. Сердце у меня, ей-ей, надсажено отъ грусти, не знаю какъ быть?... Самой ли похолоднѣе съ нимъ, или... но право не знаю — и холодность перетолкуется, можетъ быть, въ капризъ, и больше отдалить его. Легче бы мнѣ было если бъ меньше его любила. По домашней же части ни въ чёмъ ни помочь, ни облегчить не хочетъ, доходить уже у насъ до воровства: кафтанъ кучерской пропалъ — это такъ прошло

Потомъ 23 пуда сѣна,— оно по 50 к., и на это промолчалъ.

Все въ беспорядкѣ и по конюшнѣ, и по дому; расходъ не по доходу, и ни о чѣмъ попеченія нѣтъ. Если даже дружески ласково предложиши или напомниши ему, то онъ промолчить и только, а если обыкновеннымъ разговоромъ скажешь, тогда разсердится, наговорить колкостей, и опять непріятность. Истинно не знаю, что дѣлать, только невыносимо тяжело. Вся моя надежда на Ваши святые молитвы, отецъ мой! Онъ сильны измѣнить тяжелые обычай и вредные и для семьи, и для подчиненныхъ. Прошу усердно, не оставьте, помолитесь ко Господу, да устроить полезное для души, и миръ и согласіе... Я слышала, что Митрополитъ отмѣнно хорошо принялъ (книги). Онъ вѣрно напишетъ о. Игумену обѣ этомъ. Вчера я желала быть у Митрополита, но онъ 3 дня какъ нездравъ сдѣлался, и никого не принимаетъ... Прошу усердно Вашихъ св. молитвъ и милостиваго благословенія всему семейству Недост. д. в. Н. Кирѣевская.

11.

Милостивый отецъ мой! Сегодня пишу къ Вамъ немного, только для того, чтобы объяснить Вамъ, что у комиcсionera Медвѣдева отправка разстроилась, и съ недѣлю еще въ Козельскъ случая не будетъ, посему мы отправляемъ къ Вамъ на подводѣ моей свекрови, которая здѣсь была для покупокъ. Это, кажется, будетъ много вѣрнѣе... Если успѣю, то съ этою же почтою отправлю къ Вамъ лучшій экземпляръ для Киевскаго Митрополита... Шевыреву отдамъ изъ своихъ, но отъ Вашего имени, и тогда, когда получу листокъ для вклейки въ оный, съ надписью, т. е. если Вамъ это угодно... У насъ все хлопоты: маленькая нездрава, привозили изъ

деревни на дняхъ кормилицъ, ибо у ея кормилицы — молока нѣтъ, но къ сожалѣнію въ деревнѣ выбрали изъ самыхъ безпутныхъ семействъ и дурныхъ, почему сегодня ихъ обратно отправили. Господь же такъ милостивъ, утѣшилъ насть неожиданно. Кормилица Сережина захотѣла сама осться для маленькой. Слава Богу! Она хорошая женщина, только опасается, достаточно ли будетъ у нея молока на годъ, но это видно будетъ. Сережу отняли въ Субботу 25-го числа день праздника утоленія печали. Онъ однако очень грустить. Прошу Васъ благословить его, батюшку, и маленьку Машу также, и всѣхъ насть. Усердно прошу св. молитвъ Вашихъ и остаюсь душою по Господѣ преданная Вамъ N. Кирилловская.

12.

31 янв. 1847 г. Милостивый отецъ мой! Благодаримъ Васъ отъ всего сердца за надписанные гамъ листки. Вполнѣ цѣнимъ выраженіе въ нихъ расположение Ваше, — благодаримъ Васъ и о. Игумена усерднѣйше. Шевыреву доставлю немедля; онъ самъ собирается писать Вамъ. Въ среду у насть былъ вечеръ, на которомъ былъ также и Шевыревъ, и съ помощью и благословеніемъ Божіимъ положили начать печатать второе изданіе; покуда мы тутъ, это будетъ лучшая забота. Когда же уѣдемъ въ деревню, то Шевыревъ по дружбѣ своей паки принимаетъ на себя весь трудъ. Къ утѣшенію моему и предложеніе мое принято на троиственномъ нашемъ союзѣ, чтобы не терять времени, и *тотчасъ* при прошеніи представить покуда экземпляръ для второго изданія, который будетъ набираться, а Вы извольте покуда прислать все, что угодно Вамъ назначить для печатанія и поскорѣе черезъ почту пришлите, батюшку, оглавленіе назначаемыхъ въ прибавленіе статей на 2-й томъ, для того, чтобы ихъ,

если нужно, прописать въ прошенні въ цензурный комитетъ.

Надобно Вамъ сказать, отецъ мой, что очень недавно, обдумывая и говоря съ Иваномъ Васильевичемъ о сочиненіяхъ старца Панція, намъ пришла на сердце мысль издать его переводы съ греческаго какія у насъ имѣются по милости покойнаго старца Филарета. А именно: толкованіе на Отче нашъ, Аввы Фалассія и проч. Гдѣ же языкъ теменъ и по словамъ О. А. Голубинскаго смыслъ неудобенъ, и потому затруднительно и медленно будетъ изданіе, по потребности имѣть самимъ поправки для ясности, то Ив. Вас. хотѣлъ самъ прежде исправить, не утрачивая ни одного слова въ сихъ великихъ книгахъ, и тѣмъ облегчить и ускорить, съ помощію Божію, ихъ изданіе. Можете себѣ представить, отецъ мой, какъ намъ было радостно видѣть изъ письма Вашего одинаковое съ сердцами нашими желаніе и намѣреніе. Благодарю за сіе Господа отъ души! Извольте же присылать, не теряя времени, все, что у Васъ готово. Мы покуда пріищемъ переписчика для списанія у насъ имѣющихся книгъ, Правду сказать, мы оба уже было и начали сами переписывать, но время все разорвано у насъ. и дѣло пойдетъ мѣшкотно; лучше думаемъ нанять переписчика. Прошу Вашего и отца Игумена благословенія на приступъ къ началу сего великаго дѣла, которое совершиться только можетъ помощію Божію черезъ святыя молитвы Ваши, коими прошу настъ не оставить. Иванъ Васильевичъ самъ желаетъ писать къ Вамъ, это будетъ аккуратнѣе, а между тѣмъ проситъ объяснить Вамъ, что такъ какъ толкованіе на Отче нашъ Максима Исповѣдника очень темно, то онъ не исправлять его вознамѣривается, ниже настаться единой буквы, а ему обѣщали экземпляръ изъ университетской типографіи, гдѣ подобный имѣется на греческомъ и латинскомъ языкахъ и

Ив. Вас. желаетъ, гдѣ не ясно, тамъ поставить подъ страницами то, что найдеть ясныи въ настоящей книгѣ, съ которой и переводъ сдѣланъ, но текста касаться или измѣнять ни единой буквы не будетъ. Вотъ подробное донесеніе его доброго намѣренія. Да совершишь оное Господь Вашимъ святымъ благословеніемъ. Батюшка, сдѣлайте милость, скажите, какъ мнѣ отвѣтить Шевыреву. Онъ совѣтуется со мною: ему хочется дать одинъ экземпляръ раскольнику Преображенскаго скита, и спрашиваетъ у меня: какъ ему сдѣлать? Я оставила на его волю, а сама не знаю: полезно ли такимъ людямъ давать? Почему и прошу Васъ мнѣ сказать, какъ Вы о семъ изволите думать... Нед. дочь ваша N. Батюшка, благословите насъ всѣхъ вкупѣ поговѣть на 1-й недѣлѣ, что-то Ив. Вас. не очень располагается на сie, говорить: лучше на послѣдней.

13.

Милостивый отецъ мой! Милосердіемъ Божіимъ и за Ваше святое благословеніе мы пріѣхали благополучно въ Москву вчера въ 10 часовъ вечера. Еще ни съ кѣмъ не видались но во время вечерни ъздили, Ив. Вас-чъ и я, къ святой иконѣ Иверской Божіей Матери, и ко святымъ мощамъ, которые были уже заперты, и мы только успѣли приложитьсь къ святой иконѣ Владимірской Б. М., и такъ отложили до возможности быть у св. мощей... Не сказала Вамъ, отецъ мой, что мы наняли изъ Калуги сдаточныхыхъ лошадей, и условились заѣхать въ Малый Ярославецъ на два часа, хотя это много въ сторону. Пріѣхали туда въ 6 часовъ вечера; я прямо пошла къ отцу игумену. Потомъ пришелъ и Ив. Вас-чъ, и выпивши у него по чашкѣ чаю, пошли вмѣстѣ съ нимъ къ намъ на гостинницу допивать по другой. Съ пріятностью мы познакомились съ нимъ, возвышенное простодушіе и всеобъемлющая любовь въ

немъ особенно отличаются. Дай Богъ, чтобы онъ не забылъ насъ грѣшныхъ въ святой, чистой своей молитвѣ. Боровскій Архимандритъ сказывалъ о. Антонію секретно, что митрополитъ Московскій писалъ къ преосвящ. Николаю, чтобы уволить отца Антонія изъ Малоярославца, — не по этой ли причинѣ Преосвященный говорилъ Вамъ, чтобы въ скитъ не принимать его? Теперь о. Антоній ожидаетъ Преосвященного, который вѣрно поѣдетъ провожать Преосвящ. Иліодора и въ бытность свою, конечно, будетъ говорить объ этомъ съ о. Антоніемъ.

Какъ хорошо бы воспользоваться этимъ случаемъ о. Антонію, подобнаго, конечно, уже не повторится. Это — собственная мысль митрополита, никто его не просилъ объ увольненіи, и потому эта мысль, какъ вдохновенная ему самимъ Господомъ. Слава Богу! Если же теперь этотъ случай милосердный пропустить, то право, кажется, преосвященный радъ будетъ прижать и никогда уже не выпустить, а о. Антоній не знаетъ и сомнѣвается о томъ только, угодно ли будетъ о. Моисею, чтобы онъ воспользовался этимъ и перешелъ въ Оптинъ. Считаю нужнымъ все это передать Вамъ, тѣмъ болѣе, что это письмо дойдетъ до Васъ вѣрно... Изъ Малоярославца поѣхали въ 3 часа по полуночи...

ПИСЬМО НАТАЛЬИ ПЕТРОВНЫ КИРЬЕВСКОЙ
КЪ ОТЦУ ИГУМЕНУ МОИСЕЮ, НАСТОЯТЕЛЮ
ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ.

Ваше Высокопреподобіе, Достопочтеннѣйшій о
Господѣ отець Игуменъ!

Скорбь души, произведенная немилостивымъ от-
казомъ Вашимъ, столь же жестока, сколь и неожи-
данна мною. Не стану выражать Вамъ моей глубо-

кой печали, обращаюсь со смиренiemъ и любовью къ Вашему отеческому сердцу, къ Вашей справедливой совѣсти, и со слезами у ногъ Вашихъ умоляю и ожидаю, если не сегодня, то не въ продолжительномъ времени, милостиваго исполненія данного Вами мнѣ слова и обѣщанія, въ бытию мною въ святой обители Вашей, отпустить почтеннѣйшаго старца, нашего родного батюшку — благодѣтеля души — отца Макарія къ намъ, на иѣсколько недѣль. Милостивый, душевно-уважаемый, отецъ игуменъ!

Вѣрю, что Вы не измѣните Вами данного отраднаго для нась обѣщанія, по Бога самаго ради, не отдаляйте времени исполненія онаго. Господь воздастъ и Вамъ, и святой обители Вашей за милость и пользу, доставленныя Вами — нашимъ скорбнымъ душамъ. Иванъ Васильевичъ съ грустью передалъ мнѣ и бесѣду и опасенія Ваши. Смѣю откровенно, какъ отцу, и келейно сказать Вамъ, что спокойствіе, которымъ Вы предполагаете оградить батюшку, не приложитъ ли ему, всей обители и вмѣстѣ и намъ скорбь на скорбь, отъ которой да избавить Господь!

Опасенія же истинно проис текаютъ болѣе и беспокоютъ Васъ — по мнительности. Огражденіе отъ всего и близко и сильно, въ Вашихъ же святыхъ молитвахъ заключается — ихъ, и святаго благословенія Вашего испрашивая усердю, усердю отъ всей души прошу и умоляю Васъ, милостивый отецъ мой, для сегодняшняго дня, дня милосерднаго источника, утѣшенія плачущихъ, не лишите окормленія духовнаго преданную Вамъ сердцемъ по Господѣ и ожидающую исполненія данного Вами обѣщанія, какъ радостнаго Воскресенія страждущей душѣ. Простите Бога ради и примитеувѣреніе въ совер шенномъ и глубочайшемъ почтіи покорной къ услугамъ Вашимъ Наталіи Кирѣевской. 5 Февраля 1850 г. С. Долбино.

ПИСЬМО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО ФИЛА-
РЕТА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО, НА-
ТАЛЬЯ ПЕТРОВНЪ КИРѢЕВСКОЙ.-

Милостивая Государыня Наталья Петровна!

Вы, конечно, не ожидаете отъ меня письма, и я не думалъ, что буду писать, и особенно въ сіи дни.*)
Но до меня дошли свѣдѣнія изъ Вашего края и сужденія о нихъ такія, по которымъ опасаюсь, чтобы не согрѣшить молчаніемъ.

Помнится, отъ Васъ самихъ я слышалъ, что Вы устроили уединенную келлію для принятія странствующихъ изъ монашествующихъ. Теперь слышится мнѣ, что Вы приглашаете въ нее о. Макарія, и не только при посѣщеніи Васъ, для отдыха въ ней на нѣсколько часовъ, или на день, но и на мѣсяцъ, и болѣе. Позвольте Вамъ сказать, что доброе намѣреніе не всегда вѣрно ручается за доброту дѣла и его послѣдствій. Какъ о. Макарій многимъ въ обители духовный отецъ и наставникъ, а также и посѣщающихъ обитель: то его удаленіе на долгое время многихъ можетъ затруднить и разстроить. И какъ такое удаленіе было бы нѣ въ обыкновенномъ закономъ порядке, то оно можетъ подать случай къ разнымъ сужденіямъ, не чуждымъ даже соблазна. Можетъ случиться, что и начальство обратить на сіе такое внимание, которое не будетъ благопріятно ни о. Макарію ни настоятелю, ни обители. Есть ли бы случилось, что Ваше приглашеніе уже дано и принято, не колеблюсь предложить, чтобы Вы показали сіе письмо о. Моисею и о. Макарію, и чтобы они положили на вѣсы безпристрастного разсужденія, съ одной стороны, безмолвное успокоеніе, вѣроятно, желательное для о. Макарія, съ другой, тѣ послѣдствія, о которыхъ выше сказано, и посмотрѣли бы, которая

*) Дни Великаго Поста.

сторона должна взять перевѣсь. Провидѣніемъ Божиимъ устроено, и послушаніемъ ограждено нынѣшнее положеніе о. Макарія: и трудъ на пользу душъ братіи, безъ сомнѣнія, Господь обратить во благо и душѣ трудящагося. Простите меня, если Вамъ покажется, что я вмѣшиваюсь въ Ваши дѣла и мѣшаю дѣлу добруму и пріятному душѣ Вашей. Богъ, видящій сердце, принялъ Ваше служеніе рабамъ Его, если оно и не такъ, или не тогда исполнится, какъ Вы предполагаете.

Впрочемъ, Господь да внушиТЬ и старцамъ и Вамъ то, что Ему истинно благоугодно и душамъ полезно. Божіе благословеніе и миръ Вамъ, и супругу Вашему, и чадамъ усердно призываю. Вашъ смиренный богомолецъ Филаретъ, М. Московскій. Въ Москвѣ. Марта 7-го 1850 г.

ОТВѢТЬ Н. П. КИРѢЕВСКОЙ НА ПИСЬМО
ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО ФИЛАРЕТА
МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивый Архипастырь!

Съ благоговѣніемъ и живою признательностью принялъ я къ сердцу святыя строки Вашего Высокопреосвященства, сквозь которыхя такъ прекрасно свѣтится милостивое и отеческое попеченіе Ваше о старцахъ Оптиної Пустыни, о нашемъ духовцомъ отцѣ Іеромонахѣ Макаріи, и даже обо мнѣ, недостойной. Это — спасительный голосъ доброго пастыря, который я имѣла счастіе слышать.

Благодѣтельное участіе Ваше даетъ мнѣ смѣлость и даже обязанность представить Вамъ дѣло, о которомъ изволите писать, съ нѣкоторою подробностью, какъ оно есть, поистинѣ.

Маленький домикъ, или точнѣе сказать, 12-ти аршинная комната, раздѣленная перегородками на четыре, дѣйствительно, поставлена нами въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нашего дома съ мыслію, что она можетъ служить мѣстомъ для принятія и успокоенія уважаемыхъ нами старцевъ, которымъ случится навѣстить насъ. Въ нынѣшнемъ году думали мы съ мужемъ просить о. Макарія отдохнуть въ ней на нѣкоторое время, слышавъ о разстройствѣ его здоровья, и что онъ сильно страдаетъ болью въ груди и плечѣ, и отъ излишняго утомленія проводить ночи безъ сна. Для этого мужъ мой нарочно поѣхалъ въ Оптинъ, и, дѣйствительно, предлагалъ и просилъ о. Макарія пріѣхать къ намъ для отдохновенія на мѣсяцъ. Но просьба наша была не принята, а о. Игуменъ при этомъ слuchaѣ рѣшительно отказалъ, сказавъ, что это дѣло навсегда невозможное, что признаюсь Вамъ, Св. Владыка, тогда очень огорчило насъ.

Однакоже, черезъ нѣкоторое время послѣ, уже не для отдохновенія о. Макарія, но по встрѣтившися для насъ душевной необходимости и по моей болѣзни, мы просили о. Макарія навѣстить насъ на короткое время, и о. Игуменъ отпустилъ его изъ монастыря на три дня. Но этотъ отпускъ къ намъ не былъ исключеніемъ для насъ, ибо кромѣ насъ о. Макарій посылается иногда о. Игуменомъ въ нѣкоторые дома для пользы монастырской. Такимъ образомъ, то, что былъ только одинъ разговоръ въ келліи о. Игумена, представлено Вашему Высокопреосвященству какъ самое дѣло, и въ такомъ видѣ, который можетъ подать поводъ сужденіямъ, не чуждымъ даже соблазна. Не постигая, какими путями разговоръ этотъ могъ выйти изъ келліи о. Игумена, и дойти даже до слуха Вашего Высокопреосвященства, я вижу однако надъ этими темными путями — другой свѣтлый путь спасительной милости Божіей:

ибо лице, очевидно, враждебно расположеннное къ Оптину, которое хотѣло очернить обитель въ глазахъ Вашихъ, конечно, не безъ Промысла Божіяго, ослѣпилось до того, что не предвидѣло, что Ваше Высокопреосвященство прямымъ дѣйствіемъ своимъ откроете истину, усмотрите злонамѣренность клеветы, и слѣдовательно, въ случаѣ несправедливаго обвиненія, защитите обитель Вашимъ высокимъ покровительствомъ.

Теперь, объяснивъ Вашему Высокопреосвященству все дѣло, какъ оно есть по истинѣ и совѣсти, я уже совершенно спокойна на счетъ святой обители, зная ее подъ охранителью защитою Вашею. Но признаюсь Вамъ, Святый Владыка, что относительно меня самой я боюсь, что когда покажу письмо Ваше старцамъ, то они по безпредѣльной преданности къ Вамъ, могутъ принять его за совершенное запрещеніе о. Макарію когда-либо навѣстить насъ, или даже пріѣхать къ намъ для исповѣданія насъ, въ случаѣ, если здоровье мое не позволить мнѣ самой быть въ обители. Потому за особенное благодѣяніе почла бы я если бы Вашему Высокопреосвященству угодно было какимъ-либо образомъ объяснить это для меня и для старцевъ.

Позвольте мнѣ еще разъ повторить Вашему Высокопреосвященству выраженіе чувства сердечной благодарности, которою проникнута душа моя, вмѣстѣ съ чувствомъ глубочайшаго уваженія, и неограниченной преданности. Мужъ мій, раздѣляя со мною эти чувства, такъ же вмѣстѣ со мною испрашиваетъ Вашихъ св. молитвъ и милостиваго Архипастырскаго благословенія для насъ и для всего семейства нашего. Повергая себя къ стопамъ Вашимъ, имѣю честь быть Вашею Высокопреосвященства покорнѣйш. слуга.....

ПИСЬМО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО ФИЛА-
РЕТА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО, КЪ
ИЕРОМОНАХУ О. МАКАРИЮ.

Преподобный отец Макарий! Первъе всего благодарю Васъ за доброе посѣщеніе. Надѣюсь, что трудъ Вашъ не безплоденъ. Жалѣю, что не довольно съ Вами бесѣдовалъ. Но слава Богу о всемъ. Благодарю за книги. Вы очень щедры и мнѣ совѣстно было пользоваться щедростю Вашею: но меня убѣдили не прекословить. Польза, которую обрѣтутъ читающіе, Богу тайнодѣйствующу, да обратится къ Вамъ въ духовное пріобрѣтеніе.

Цѣлованіе моего смиренія всему Братству Вашему. Благодать, и миръ Господень съ Вами. Прошу не лишать меня благой помощи молитвъ Вашихъ.

Филаретъ М. Московскій. Ав. 13. 1852 г.

ПИСЬМО Н. В. ГОГОЛЯ КЪ ОПТИНСКИМЪ
СТАРЦАМЪ.

Ради самого Христа молитесь обо мнѣ, о. Филаретъ. Просите Вашего достойнаго настоятеля, просите всю братію, просите всѣхъ, кто у Васъ усерднѣе молится, и любить молиться, просите молитвъ обо мнѣ. Путь мой труденъ, дѣло мое такого рода, что безъ ежеминутной, безъ ежечасной и безъ явной помощи Божіей не можетъ двинуться мое перо, и силы мои не только ничтожны, но ихъ нѣть безъ освѣтленія Свыше. Говорю Вамъ объ этомъ не ложно. Ради Христа обо мнѣ помолитесь. Покажите эту записочку мою о. Игумену и умоляйте его вознести свои мольбы обо мнѣ грѣшномъ, чтобы удостоилъ Богъ меня недостойнаго повѣдать Славу

Имени Его, несмотря на то, что я всѣхъ грѣшнѣйшій и недостойнѣйшій.

Онь силенъ, Милосердный, сдѣлать все, и меня, чернаго, какъ уголь, убѣлить и возвести до той чистоты, до которой долженъ достигнуть писатель, дерзающій говорить о святомъ и прекрасномъ. Ради самого Христа молитесь. Мнѣ нужно ежеминутно, говорю Вамъ, быть мыслями выше житійскаго дрязгу и на великомъ мѣстѣ своего странствія быть въ Оптинской Пустыни. Богъ да воздастъ Вамъ всѣмъ сторицею за Ваше доброе дѣло. Вашъ всею душою Николай Гоголь. Получено изъ села Долбина помѣщ. И. В. Кирѣевскаго. 26 Іюня 1850 г.

ПИСЬМА КЪ СТАРЦУ О. МАКАРИЮ СТЕПАНА ПЕТРОВИЧА ШЕВЫРЕВА.

І.

Ваше Преподобіе, Достопочтеннѣйшій о. Макарій! Письмо Ваше отъ 26 Февраля и при немъ письма отца Архимандрита Игнатія, а въ слѣдъ за тѣмъ и сочиненіе Старца Паисія о умной Іисусовой молитвѣ я имѣлъ счастіе получить и спѣшу отвѣтить Вамъ съ первою почтою.

Во-первыхъ, долженъ принести Вамъ мое покорнѣйшее извиненіе въ томъ, что замедлилъ отсылкою образца шрифта болѣе крупнаго. Сегодня отсылаю его къ Ивану Васильевичу, который сообщить его Вамъ. Буду ожидать Вашего одобренія — и прошу покорнѣйше не замедлить возвращеніемъ. Корректуру посылаю исправленную, единственно для того, чтобы Вы взглянули на шрифтъ и сказали Ваше мнѣніе. Потеря за наборъ двухъ первыхъ листовъ не такъ будетъ велика, но при новомъ шрифтѣ

количество бумаги потребно будетъ большее, равно и печатаніе станетъ нѣсколько дороже. Послѣ мы увидимъ издержки, которыхъ опредѣлить заранѣе нельзя; на эту пору денегъ слишкомъ довольно, и присыпать новую сумму не для чего. Изъ духовной цензуры, я до сихъ поръ получилъ только самыи текстъ житія и портретъ, а прибавленія еще не вышли.

Отъ Васъ я получилъ печатную книжку житія, по которой буду править. Но въ этой книжкѣ Вы изволили сдѣлать новые вставки противъ того текста, который уже подписанъ духовною цензурою. Объ этихъ вставкахъ надобно вновь относиться къ Ф. А. Голубинскому, чѣмъ опять замедлится дѣло. Но я это исполню, чтобы вполнѣ соотвѣтствовать желаніямъ Вашимъ. Типографія никакъ не рѣшится сдѣлать какого-бы то ни было прибавленія противъ текста, одобренного цензурою. Строгость эта соблюдается въ отношеніи къ сочиненіямъ свѣтскимъ, тѣмъ болѣе еще наблюдаютъ ее относительно сочиненій духовныхъ. Сего дня же отправлю къ Ф. А. Голубинскому сочиненія Паисія объ умной Иисусовой молитвѣ. По моему мнѣнію, необходимо, чтобы отецъ Архимандритъ Игнатій исходатайствовалъ о томъ у Высокопреосвященнѣйшаго, равно и у свѣтскихъ властей. Всего бы лучше было, если бы Митрополитъ принялъ на себя предварительное разсмотрѣніе всѣхъ прибавленій. Если желаете ускорить дѣло, необходимо такъ устроить. Надобно оградить самаго Феодора Александровича и избавить его отъ отвѣтственности. Послѣднее прибавленіе какъ мнѣ кажется, по своему содержанію, еще болѣе вызываетъ необходимость такой мѣры.

Письма о. архимандрита Игнатія при семъ возврашаю.

Перваго корректурнаго листа я отъ Васъ не получалъ: Печатное житіе дошло исправно, но коррек-

турный листъ, вѣроятно, затерянъ на почтѣ. Это было отчасти причиною моего замедленія; но еще болѣе я самъ виноватъ. Желаніе отца архимандрита ка-
сательно перемѣны шрифта не могло меня оскорбить
николько. Прошу Васъ быть увѣрену, что я вполнѣ
готовъ исполнить желаніе Вашей обители. Дѣло,
Вами мнѣ порученное, такъ богоугодно, что я счи-
таю себя счастливымъ, если хотя мало буду содѣй-
ствовать къ его исполненію. Поручая себя святымъ
молитвамъ Вашимъ.... имѣю честь быть... покор-
пѣйшимъ слугою Шевыревъ... 5 марта 1846.

2.

Милостивый Государь, Достопочтеннѣйший о.
скитопачальникъ Макарій!

Не знаю, гдѣ найти словъ чтобы принести Вашему
Высокопреподобію мое покорное извиненіе въ томъ,
что такъ замедлилъ исполненіемъ порученія Вашего.
Были причины и отъ меня не зависѣвшія: долго не
получалъ отъ товарища заглавій лучшихъ лекси-
коновъ. Но потомъ и недосуги мои, и мое нерадѣніе.

Простите меня, великодушный отецъ, Вашею
всепрощающею любовью.

Посылаю Вамъ, наконецъ, лексисонъ Греко-
Латинскій для Новаго Завѣта и лексиконъ Латино-
русскій Кролеберга. Словаря собственно для От-
цевъ Церкви иѣть у западныхъ ученыхъ. Это дѣло
предлежитъ нашимъ духовнымъ — и мыть что-то
чается, что оно совершится въ Вашемъ скиту.
Словарь для Греческаго языка, на которомъ писанъ
Новый Завѣтъ, можетъ, какъ предполагаю, быть
показанъ и для уразумѣнія Отцовъ. Избранный мною
есть лучшій. Есть другіе, имѣющіе доктринальскій
характеръ, но тѣ намъ не нужны. Посылаемый мною
имѣетъ филологическій характеръ, по крайней мѣрѣ,

такъ по объясненію самаго Автора. Прошу покор-
нѣйше Ваше Высокопреподобіе принять отъ меня
эти книги, какъ скудный даръ мой для библіотеки
Вашего скита. Постараюсь и впослѣдствіи снаб-
жать ее подобнымъ чѣмъ-нибудь отъ моихъ трудо-
выхъ денегъ.

Пустыня Ваша у меня и въ сердцѣ и въ умѣ.
Изъ письма моего къ достопочтенѣйшему о. игу-
мену Моисею, Вы усмотрите, что я памятаюль
объ ней, и готовъ всегда служить, чѣмъ могу. Еще
разъ простите меня великодушно за мое замедленіе.
И недосуги таки виню, но и самъ виноватъ...
Степанъ Шевыревъ. Окт. 25. 1852. Москва.

ПИСЬМО СТ. ПЕТР. ШЕВЫРЕВА КЪ ИВ. ВАС.
КИРѢЕВСКОМУ.

Іюня 30. Сокольники. 1846 г. Посылаю тебѣ,
любезный Кирѣевскій, съ братомъ твоимъ 7 на бѣло
отпечатаныхъ листовъ въ которыхъ содержится
житіе Паисія и начато печатаніе сочиненій Василія.
8-й также почти отпечатанъ. Изъ этого старцы уви-
дятъ, по крайней мѣрѣ, что идетъ дѣло, хотя
медленно. Послѣднее же не отъ меня зависитъ. Я
не имѣю никакихъ средствъ дѣйствовать на типо-
графію. Посылаемые листы прошу перечесть и если
окажутся какія важныя опечатки, сообщите мнѣ
для припечатанія къ концу книги. Есть пѣкоторыя,
проистекающія отъ незнанія типографіи. Они
сдѣланы уже послѣ того, какъ листы были подписаны.
Свѣжій глазъ лучше усмотреть промахи важ-
нѣйшіе. Еще было мнѣ маленькое затрудненіе на-
счетъ порядка статей. Голубинскій назначилъ преди-
словіе на Исихія печатать прежде, чѣмъ предисловіе
на Филюея. Отецъ Макарій въ послѣднемъ письмѣ

далъ обратное опредѣленіе. (Я поступилъ по указанію послѣдняго), во-1-хъ потому, что послѣдній законъ уничтожаетъ предыдущій, во 2-хъ потому, что о. Макарій принимаетъ важнѣйшее участіе въ изданіі, въ 3-хъ потому, что типографія уже такъ набрала. Было также маленько замедленіе отъ неисправности текста. Предисловіе на Григорія Синаита на первой страницѣ написано съ удареніями, но далѣе безъ удареній.

Наборщикъ такой наборъ затрудняетъ. Потому листъ медленно шелъ, но потомъ въ корректурѣ я увидѣлъ, что эти ударенія только на первой страницѣ, а далѣе ихъ нѣтъ. Надо было и тѣ уничтожить, а время по пустякамъ потеряно. Если бы текстъ изготовленъ былъ въ лучшемъ порядкѣ, дѣло бы шло скорѣе. А то встрѣчается и лишилъ затрудненіе. Заглавный листъ попроси старцевъ составить полный. Въ немъ надобно упомянуть о сочиненіяхъ Василія и Паисія. Перешли его мнѣ. Тутъ припиши, кѣмъ и издано. Теперь еще печатаю предисловіе Василія, а писать Паисія не начиналь... Посылаю тебѣ мои лекціи, желаю знать твое мнѣніе. Скоро, недѣли черезъ двѣ, будеть готова и 2-я часть — еще пять. Обнимаю тебя. Твой Шевыревъ.

Я, кажется, уже писалъ къ тебѣ, или отцу Макарію и просилъ о томъ, чтобы дали мнѣ порядокъ статей, въ какомъ ихъ печатать, но все не получилъ до сихъ поръ отвѣта. Согласись, что замедленіе въ этомъ случаѣ не отъ меня происходитъ. Главное, мнѣ надобно знать, гдѣ поставить сочиненіе объ умной молитвѣ... Вотъ всѣ статьи, которыя у меня. Предисловіе пойдетъ предъ житіемъ подъ римскими цифрами. Житіе. Далѣе по совѣту Ф. А. Голубинскаго будуть слѣдоватъ предисловія къ книгамъ: 1) Григорія Синаита 2) Филоѳея 3) Исаакія и 4) Нила Сорскаго. Потомъ 5) толкованіе на молитву: Господи помилуй — не здѣсь ли вставить сочиненіе объ ум-

ной молитвѣ? Потомъ письма къ Феодосію, отцамъ обители поляномерульской, Іерею Димитрію, къ Маріи, и письмо Софронія къ Асанасію. Спроси поскорѣе и пришли мнѣ отвѣтъ, какъ можно скорѣе. Есть еще нѣкоторыя неисправности въ текстѣ предисловія, которыя Ф. А. поручаетъ мнѣ исправить, — всѣмъ этимъ я затрудненъ. Я не издатель, я только корректоръ текста, — и потому боюсь къ нему дотрагиваться. Если бы текстъ былъ весь надлежащимъ образомъ изготоъвленъ и приведенъ въ порядокъ — мнѣ бы не было никакихъ затрудненій. А то при моихъ многочисленныхъ занятіяхъ мнѣ становится труднѣе исполнять благочестивое желаніе старцевъ. Потому не сѣтуйте на меня: я дѣлаю, что могу — и дѣлалъ бы скорѣе, если бы все было исправиѣ.-

ПІСЬМА ТЕРПІЯ ИВАНОВИЧА ФІЛИППОВА КЪ СТАРЦУ О. МАКАРІЮ.

1.

Всечестнѣйшій о. Макарій!.. Рукопись житія отдалъ я уже въ типографію и, такъ какъ она не болѣе 3 листовъ, то я возьму 12 стопъ бумаги, или сколько Поповъ найдетъ нужнымъ. Печатать ее можно, я думаю, и теперь: три листа не затруднить меня корректурою. Авва Дорохей не выйдетъ, кажется, къ празднику, хотя я и прошу наборщиковъ потрудиться... Благодарю Васъ за Ваше милостивое вниманіе къ моей душѣ; имѣю причины быть собою недовольнымъ: но не дѣлаю того, что самъ знаю, что нужно дѣлать. Помолитесь обо мнѣ, батюшка, чтобы искра прежняго усердія возвратилась ко мнѣ милостію Господа Іисуса Христа. Вашъ покорнѣйшій

слуга и недостойный сынъ духовный Тертий. Москва 1856 г. 15 марта.

2.

Всечестнѣйшій о. Макарій... Печатаніе Аввы Дороѳея идетъ по прежнему. На этой недѣлѣ миѣ не подавали ни одной корректуры. Я быль у Попова и велѣлъ доставить для житія преп. Симеона достаточное число бумаги, но къ святой, я полагаю, не поспѣютъ печатаніемъ ни слова Аввы Дороѳея, ни житіе. Меня простите, батюшка, что не съ такимъ усердіемъ, какъ бы слѣдовало, я исполняю Ваши приказанія. Душею очень немощенъ, и потому не обрѣтаю спорости въ трудахъ. Поручаю себя Вашему милосердію, помолитесь о миѣ. Вашъ пок. слуга и недост. сынъ Тертий. Москва 1856 г. 22 марта.

3.

Всечестнѣйшій отець Макарій! Какъ меня огорчило и изумило извѣстіе, что листы Аввы Дороѳея Вамъ не посланы! Миѣ сказали въ типографії, что еще 7 листовъ разомъ отправлены къ Вамъ, и я радовался, что Ваше желаніе уже исполнено. Сей часъ поѣду въ типографію и узнаю, что это значитъ: потому что и отъ Ив. Вас. слышу, что и до сихъ поръ листовъ у Васъ еще нѣтъ. Простите меня ради Христа, что пишу къ Вамъ такъ кратко: есть спѣшные дѣла. Простите меня. Я собираюсь поговорѣть, если Богъ допустить, помолитесь о моихъ смущеніяхъ и благословите меня. Вашъ недостойный сынъ духовный Т. Филипповъ. Москва. 1856 года 7 апрѣля.

4.

Всечестнѣйшій отець Макарій! Честь имѣю поздравить Васъ съ наступающимъ праздникомъ праздниковъ, и мое Христосъ Воскресе! пусть при соединится къ поздравленіямъ тѣхъ, которые будутъ имѣть счастье Васъ лично видѣть. Прошу Васъ также поздравить отъ меня и многолюбезныхъ отцовъ моихъ Ювеналія и Льва*)... Я посыпалъ справиться въ Правлениѣ Типографіи, отосланы ли листы къ Вамъ, и получилъ въ отвѣтъ, что они отосланы въ четвергъ на 5-ой недѣлѣ... Сего дня, если Богъ дастъ, самъ тамъ побываю. Наборщики вчера приходили, сказывали, что наборъ ихъ конченъ, что вышло 17 листовъ всего; слѣдовательно, факторъ ошибся значительно. Затѣмъ прошу Васъ всенижайше простить мою неисправность и невниманіе; дѣлъ много, а порядка въ головѣ нѣтъ, и никому не умѣю угодить, хотя и желаю того. Вашъ покорнѣйшій слуга и недостойный сынъ духовный Тертий. Москва. 1856 г. 13 Апрѣля.

5.

Всечестнѣйшій отець Макарій! Огорчаетъ меня весьма то, что я не могъ издать Вашей книги въ болѣе краткій срокъ. Простите меня въ этомъ. Желаю служить, но не умѣю, какъ слѣдуетъ. Сегодня подпись остатокъ житія Преп. Симеона, а вчера остальные строки Ав. Дорофея, которыя сегодня же пойдутъ къ цензору. Простите, что откладываю до Пятницы писать къ Вамъ подробнѣе; теперь только хотѣлось мнѣ Васъ увѣдомить, что обѣ книги кончены. Испрашиваю Ваше благословеніе на меня, дурного. Остаюсь Вашъ пок. слуга Т. Филипповъ. Москва 1856 г. Июнь 3.

*) Половцева и Кавелина.

6.

Москва, 1856 г. 17 Июля. Всечестнѣйшій о. Макарій! Честь имѣю увѣдомить Вась, что билетъ на выпускъ Аввы Дороѳея полученъ; въ четвергъ я буду имѣть, наконецъ, счастье отправить къ Вамъ экземпляръ этого безцѣннаго творенія. Какъ Вы ни милостивы къ моей неловкости и къ моему неумѣнью исполнить, какъ должно, порученное мнѣ; но я не могу успокоиться при мысли о такомъ необыкновенномъ замедленіи. Билетъ на житіе Симеона Нового до сихъ поръ еще не полученъ (это новое для меня горе), а О. Сергій, кажется, уѣхалъ въ отпускъ. Къ митрополиту я надѣюсь завтра свѣстъ его экземпляры: они уже готовы. Книга наша выйдетъ не ранѣе 25 Июля; тамъ будетъ статья Ивана Васильевича, 100 оттисковъ которой я перешлю Натальѣ Петровнѣ съ просьбою подѣлиться съ Вами. Тутъ же будетъ его некрологъ и слово о о. Феодора Сидонскаго, сказанное при отпѣваніи покойника. Повыходѣ книги она немедленно будетъ къ Вамъ отправлена. За тѣмъ припадаю къ ногамъ Вашимъ и прошу Вашихъ святыхъ молитвъ: Помогите мнѣ. Я желалъ бы лучше умереть, чѣмъ впасть въ такое безчестіе, боюсь своей скверной слабости. Все больше и болѣе развязывается моя воля, а вмѣстѣ съ тѣмъ и умъ: не оставьте меня... Всепокорнѣйшій слуга Вашъ Т. Филипповъ.

7.

Москва. 1856 г. 20 Июля. Всечестнѣйшій о. Макарій! Честь имѣю Вась увѣдомить, что съ вчерашнею почтою отправлено къ Вамъ на 10 фунт. (7 экз.) книгъ. Вчера же я былъ у Владыки и подалъ ему одинъ экземпляръ въ переплетѣ и 25 въ сорочкѣ. Когда ему представилась кипа Вашихъ книгъ, онъ

сказать: «Ахъ, да, зачѣмъ же они такъ много?» Потомъ спросилъ меня, отъ чего это поручено мнѣ; я ему сказалъ, что съ отъѣздомъ Натальи Петровны ея заботы объ изданіи переданы мнѣ, по Вашему милостивому вниманію. Тутъ онъ разговорился со мною о Натальѣ Петровнѣ, объ ея положеніи. Онъ узналъ о смерти Ивана Васильевича изъ вѣдомостей. Я ему объявилъ, что его похоронили рядомъ съ о. Леонидомъ; онъ на это сказалъ: «Ахъ! Гдѣ Богъ удостоилъ его лечь!» Наконецъ, онъ приказалъ благодарить Вась: «благодарите старцевъ и скажите имъ, что они очень щедры». А я все не могу успокоиться, что задержалъ Вашу книгу такъ долго: простите меня ради Бога! 10 экзмпл. Преп. Симеона тоже посланы въ цензуру, но билета не высылаютъ; да я и не знаю, вышлютъ ли безъ о. Сергія. Потрудитесь мнѣ написать, какое заглавіе дать 600-мъ экзэмпл., которые будутъ содержать первыя два поученія Аввы Дороѳея. И какую обертку употребить для нихъ и для житія Преп. Симеона?

Въ ожиданіи прощенія и приказаній Вашихъ, честь имѣю пребыть Вашъ всепокорнѣйший слуга Т. Филипповъ.

8.

Москва. 1856 г. 28 Іюля. Всечестнѣйшій о. Макарій! Человѣкъ Натальи Петровны, отъ которой Вы получите это письмо, не засталъ здѣсь подводы и потому не можетъ взять болѣе 5 книгъ: пѣшему больше не снести. Онъ пыталъ прицѣниться, что возьмутъ извощики, но цѣна ихъ превышаетъ почтовые издержки. И такъ, остается подождать другого удобнѣйшаго случая. А пока прошу покорнѣйше меня извинить, что сокращаю письмо свое: не позволяютъ дѣла. Прошу Вашихъ св. молитвъ... Недостойный сынъ духовный Терпій!

9.

Москва. 1856 г. 7 Авг. Всечестнѣйшій о. Макарій! Съ человѣкомъ Натальи Петровны я послалъ, какъ Вамъ уже извѣстно, 5 экз., съ почтою послалъ 1 пудъ (25 экз.) обѣ осталыхъ же 1400 экземплярахъ я просилъ Ферапонтова позаботиться, и онъ обѣщалъ мнѣ найти случай. Всякій разъ, какъ я пишу къ Вамъ, или отъ Васъ получаю письмо, мнѣ бываетъ очень стыдно своего неумѣнія исполнять Ваши порученія къ Вашему удовольствію. Простите меня ради Бога! Желаю, но не умѣю. Оттиски статьи Ивана Васильевича еще не готовы, я перешлю ихъ Вамъ въ скорѣйшемъ времени, надѣюсь въ этотъ четвергъ, и впишу тѣ Четыре строчки, которыхъ вычеркнулъ Делицынъ. Какъ бы мнѣ хотѣлось взглянуть на мѣсто покоя безцѣннаго и незамѣннаго для насть многихъ Ивана Васильевича! Вмѣстѣ съ тѣмъ и получить бы духовное утѣшеніе отъ словъ Вашей вѣры и открыть бы Вамъ немощи и страсти моей больной души.

Прошу Васъ не забыть меня и брата моего въ Вашихъ святыхъ молитвахъ. Вашъ всепокорнѣйшій слуга Т. Филипповъ.

10.

Москва. 1856 г. Авг. 10. Всечестнѣйшій о. Макарій! По Вашему приказанію я отправилъ къ Степану Михайловичу Головину 250 экз..... Оттиски статьи Ивана Васильевича перешлю къ Вамъ въ тотъ Четвергъ.

А теперь прошу покорнѣйше извинить меня, что такъ кратко пишу: некогда. Помолитесь о моей душѣ, милостивый Батюшка, она въ большой опасности и въ великомъ смущеніи. Вашъ всепокорнѣйшій слуга Т. Филипповъ.

11.

Москва. 1856 г. 2 окт. Всечестнѣйшій о. Макарій!
Счетъ книгамъ отлагаю до слѣдующаго письма,
а счетъ деньгамъ прилагаю здѣсь...

У меня остается Вашихъ денегъ 185 р. 73 к. Но изъ нихъ еще нужно будетъ уплатить за сорочку на брошюры Аввы Дороѳея и Абакумову. Когда всѣ работы будутъ кончены, такъ я оставшіяся деньги положу въ Ломбардъ и отошлю билетъ къ Натальѣ Петровнѣ... У насъ большая радость въ назначеніи Гр. Толстого Оберъ-Прокуроромъ. Не оставьте меня въ молитвахъ Вашихъ, батюшка, я не въ хорошемъ состояніи нахожусь... недостойный сынъ духовный Тертий.

12.

Москва. 1856 года 9 окт. Всечестнѣйшій о. Макарій! Честь имѣю представить Вамъ счетъ экземпляровъ Вашихъ изданій.

1. Брошюры Аввы Дороѳея всѣ сполна я велѣль доставить Г. Головину. За вычетомъ цензурныхъ и конторскихъ ихъ будетъ 585.

2. Житіе Симеона 320 экземпл. взялъ Константина Карловичъ, 500 я велѣль отправить къ Зейде до времени, не прикажете ли отдать ихъ на комиссію Ферапонтову; 100 велѣль доставить къ себѣ для раздачи по Вашимъ предписаніямъ; остальные всѣ около 1480 велѣль отправить Головину. Извините, не пойму Вашего письма, въ которомъ распределено, сколько кому въ даръ отнести или отослать. Потрудитесь написать вновь.

3. Авва Дороѳея. Счетъ тутъ посложнѣе (слѣдуетъ счетъ)... Куда дѣвались 30 экземпл., теперь не припомню, а постараюсь къ Пятницѣ припомнить... Изъ своихъ знакомыхъ я раздалъ не болѣе

5 и 6 экземпл., такъ что я не могу понять, куда дѣлись эти 30, которыхъ я не досчитываюсь. Къ Пятницѣ надѣюсь это разъяснить, и вмѣстѣ съ тѣмъ представить счетъ остальныи издержкамъ.... Не забудьте меня, батюшка, тѣмъ болѣе, что я самъ себя часто забываю. Вашъ недостойный сынъ духовный Т. Филипповъ.

ПИСЬМО М. МАКСИМОВИЧА КЪ СТАРЦУ О. ИЕРОСХИМОНАХУ МАКАРИЮ.

Ваше Высокопреподобіе, Достопочтеннѣйшій о. Макарій! Извините меня великодушно за мое долгое молчаніе и безответственность, — въ чемъ я много виноватъ сталъ и передъ другими моими добрыми знакомцами, въ продолженіе сего 1859 г. Но виноватый передъ Вами за безсловесіе мое, я правъ передъ Вами на дѣлѣ — относительно книги св. Орсисія, которое шло безостановочно, и только въ счетѣ экземпляровъ съ моимъ стародавнимъ перепиличникомъ, знакомымъ съ 1823 года, еще не свѣль концовъ для совершенного Вамъ отчета... До 30 экземпляровъ я считаю еще недоставленныхъ мнѣ переплетчикомъ изъ типографіи, а около 20 экземпл. я раздалъ, пользуясь на то Вашимъ позволеніемъ, разнымъ знакомымъ мнѣ лицамъ, начиная съ Натальи Петровны, о. Пафнутія, Хомякова, Кошелева, Гиллярова, Самарина и т.д..... Имѣющіяся у меня расписки изъ типографіи, отъ переплетчика и Ферапонтова при семъ прилагаю, и сердечно благодарю Васъ, что Вы доставили мнѣ случай послужить Вамъ и поучаствовать трудомъ своимъ хотя нѣсколько въ благомъ и душеполезномъ дѣлѣ Вашемъ. Письма Ив. Вас. Кирѣевскаго вскорости возвращу, хотя біографія его еще не написана мною; да къ

великому прискорбію моему и печатанію со стороны типографії въ послѣдніе два мѣсяца тянулось медленно и небрежно, такъ что едва ли 2-я часть поспѣетъ къ маю мѣсяцу; а я въ первыхъ числахъ хочу непремѣнно ѿхать отсюда прямо домой, въ Золотопошу, чтобы тамъ застать еще хоть конецъ Украинской весны, необходимой для моего натруженного здоровья; да и душевную потребность чувствую быть поскорѣе дома, гдѣ ожидаетъ меня жена, съ которой на столько мѣсяцевъ я разлучился... Глубокопочитающій Васъ и душевно преданный Вамъ М. Максимовичъ. 10 Апр. 1859 г. Москва.

ПІСЬМА В. АСКОЧЕНСКАГО КЪ НАСТОЯТЕЛЮ
ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ О. АРХИМАНДРИТУ
МОИСЕЮ.

1.

Ваше Высокопреподобіе! Мнѣ до крайности совѣстно, что я молчаніемъ моимъ причинилъ Вамъ нѣкоторое беспокойство: но это произошло отъ того, что я не считалъ необходимымъ писать Вамъ о полученіи денегъ до начатія самого дѣла. Въ настоящую пору, когда уже приступлено къ печатанію рукописи объ Оптиної Пустыни, я не смѣль бы дольше молчать, несмотря на многочисленныя мои занятія. Съ Божьей помощью и за Вашими святыми молитвами все пойдетъ хорошо. Корректуру я буду держать самъ, пригласивъ только себѣ въ помощь фактора типографскаго, за труды котораго заплачу со временемъ. Наэтотъ счетъ покорнѣйшепрошуша Ваше Высокопреподобіе не беспокоиться: взявшись за дѣло разъ, я уже не отказываюсь отъ дѣла ни подъ

какимъ предлогомъ. Типографщикъ совершенно доволенъ полученными имъ 200 рублями и безпрекословно будетъ ждать получения остаточныхъ по окончаніи печатанія этого тома. Какъ скоро напечатаютъ листъ, я буду имѣть честь препровождать къ Вашему Высокопреподобію и къ о. Леониду, по одному экземпляру. Вотъ и весь отчетъ мой...

Обычайше обидаша мя, отецъ мой, и именемъ Господнимъ противняхся имъ. Именемъ, только именемъ Господнимъ, потому что нѣть никого, на кого бы я могъ понацѣяться въ случаѣ большихъ притѣсненій отъ враговъ истины Христовой. Трудно повѣрить, а такъ опо есть, что самыи Синодъ противъ меня и моего журнала. Но я иду и буду идти непреклонно съ твердымъ упованіемъ, что Господь Богъ самъ помощникъ и заступникъ мой. На Него Единаго упова сердце мое, и вѣрю, что упованіе мое не постыдится. А если онъ, Правосудный, отброситъ меня за грѣхи мои, какъ нечистый сосудъ, то и тогда скажу: Да будетъ воля Твоя!.

Но предъ врагами св. Евангелія и церкви православной не преклонюсь ни за какія блага міра, ни для какого страха ради іудейскаго... О, помогайте мнѣ св. молитвами Вашими, да не найдеться на меня духъ унынія. Благословите всей душей преданнаго Вамъ В. Аскоченскаго. 18 мая 1861 г.

2.

Ваше Высокопреподобіе, достопочтеннѣйшій о. Моисей! Честь имѣю препроводить къ Вамъ 10 экземпл. Исторіи Оптиної Пустыни и подробный счетъ изъ типографії. Къ печатанію исторіи скита еще не приступлено, за неимѣніемъ денегъ. Простите ради Бога, что такъ много замедлилъ я исполненіемъ Вашего порученія. Испрашивая молитвъ

Вашихъ и въ ожиданіи дальниѣшихъ Вашихъ распѣ-
ряженій имѣю честь быть...покорнѣйшій послуш-
никъ В. Аскоченскій. 10 Ноября 1861 г.

ПІСЬМА ОПТИНСКАГО СТАРЦА ІЕРОСХИ-
МОНАХА МАКАРІЯ*) КЪ ИВ. ВАС. И НАТ.
ПЕТР. КИРѢЕВСКИМЪ.

1.

М. с. о. и. Г. И. Х. С. Б. п. и.!**) Достопочтен-
нѣйшіе о Господѣ Иванѣ Васильевичѣ и Натальѣ
Петровна! Поздравляю Васть, Иванѣ Васильевичѣ,
съ днемъ Вашего ангела, желаю, чтобы представ-
тельствомъ Его у Господа Онъ даровалъ Вамъ здра-
віе и все благое ко спасенію Вашему, а Наталью
Петровну и дѣтей поздравляю съ дорогимъ имянин-
никомъ, желаю всѣмъ Вамъ радоваться вкупѣ о
Господѣ. Послѣднєе письмо Ваше получилъ въ
Воскресенье, и въ тотъ же день писаль къ Вамъ
съ Константиномъ Карловичемъ: черезъ иѣсколько
же часовъ послѣ его отѣзда прибыла и Ваша под-
вода съ книгами; въ 4-хъ коробахъ — 315 книгъ —
все доставлено въ великой исправности, за что
также приношу Вамъ усерднѣйшую благодарность;
также получилъ и двѣ книжечки въ конвертѣ съ

*) Письма старца о. Макарія къ монашествую-
щимъ — въ 4-хъ томахъ, и къ мірскимъ особамъ —
въ одномъ томѣ, были въ свое время изданы Опти-
ной Пустынью. Настоящія письма помѣщаются
здесь для ознакомленія читателей съ характеромъ
писемъ старца.

**) Молитвами святыхъ отецъ нашихъ Господи
Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насть!

надписью на мое имя отъ Ростовского Архимандрита о. Поликарпа; я не имѣю чести его знать лично; и потому прошу Васъ увѣдомить меня, какимъ образомъ онъ дошли до Васъ; думаю, надобно будетъ благодарить его за вниманіе. Какъ-то Ваше здоровье, почтенная Наталья Петровна? А я при отъѣздѣ Константина Карловича нѣсколько занемогъ, но на другой день послѣ обѣда совсѣмъ поправился, Слава Богу. Испрашивая на всѣхъ Васъ и дѣтей Вашихъ миръ и благословеніе Божіе, съ почтеніемъ моимъ остаюсь недостойный богохульецъ многогрѣшный іеромонахъ Макарій. Почтеннѣйший Иванъ Васильевичъ, простите, что я особенно не пишу къ Вамъ, заѣзжихъ много, ихъ почтить пора и во многомъ уже рѣдко кому пишу. Предваряю Васъ поздравленіемъ потому, что почта иногда опаздываетъ. 25 мая 1854 года.

2.

М. С. о. н. Г. И. Х. С. Б. п. п! Достопочтеннѣйшая о Господѣ Наталья Петровна!

Дѣйствія Ваши о пустошѣ, просимой для надѣленія нашей пустыни, передалъ я о. игумену; онъ очень благодаренъ Вамъ за оныя; осталъное предоставляемъ волѣ Божіей: какъ ему угодно, такъ и да устроить. Съ нашей стороны все устроено хорошо, а, какъ выйдетъ дѣло, неизвѣстно.

Васъ Вашему дай Богъ съ успѣхомъ продолжать свое обученіе; вы много беспокоитесь, какъ прежде, такъ и теперь, объ немъ; по онъ, слава Богу, и доселъ идетъ благополучно въ своемъ положеніи, а что дальнѣе будетъ, предайте волѣ Божіей и молитесь о немъ. На прошедшей почтѣ я писалъ къ Вамъ о сдѣланной ошибкѣ: о. игуменъ посыпалъ книги Московскому митрополиту! да еще и безъ письма:

это очень неловко. Но на другой почтѣ уже писалъ, что послалъ, не успѣвъ написать письмо, и просить удостоить простить... не знаю, понравится ли, или нѣтъ? Благодаримъ Васъ, что роадали по назна-ченію нашему экземпляры книги; только я не понялъ, послали ли къ о. намѣстнику 10 экземпл..? Вы пишите только объ одномъ. Еще кому найдете нужнымъ, давайте... О прибавленіи словъ въ книгу св. Симеона Нового Богослова — мысль ваша очень хороша; но надобно, какіе благословить Владыка... Есть и у насъ другія книги св. Симеона Нового Богослова, только не 17 словъ, а менѣе, и въ оной находятся слова, которыхъ нѣтъ въ 12, въ числѣ коей есть и изъ стишной помѣщены, но, кажется, оныя не старцева перевода, а иначе были бы помѣщены вмѣстѣ съ тѣми. Сличивъ нѣкоторыя изъ оныхъ, находимъ, что другой переводъ... А можетъ быть въ Вашей книгѣ и старцевъ переводъ, не могу заочно утверждать. О форматѣ, какъ найдете лучшимъ, такъ и сотворите. Почтеннѣйшаго Ивана Василь-вича усерднѣйше благодаримъ за прочтеніе нашихъ словъ и за его замѣчанія, но теперь писать не имѣю времени, а получа отъ него еще письмѣ, какого мнѣнія Владыка о всемъ этомъ, напишу на будущей почтѣ, а теперь никакъ не могу успѣть: много прѣзжихъ... Дай Богъ, чтобы дѣло ваше получило хорошее окон-чаніе и сохранилось ваше достояніе. Знаю, что трудна жизнь Ваша въ Москвѣ: что ни шагъ, то деньги; а къ этому еще и сердечные разные... жизнь наша трудъ и утруженіе. Земля произрашаетъ терніе и волчецъ, и сердечная земля произростала бы оныя, когда бы небесный Дѣлатель не способствовалъ намъ скорбми и невольно свобождаться ветхаго человѣка. Воздадимъ ему о всемъ благодареніе! Колѣ желаю совершенного исцѣленія отъ болѣзни глазокъ его... Испрашивая на всѣхъ васъ и на дѣтей вашихъ Божіе благословеніе съ желаніемъ вами мира,

здравія и благодеяствія остаюсь недостойный бого-
молець многогрѣшный іеромонахъ Макарій. 16 Авг.
1852 г.

3.

М. с. о. н. Г. И. Х. Б. и. п. и! Достопочтеннѣйшая
о Господѣ Наталья Петровна!

Съ большимъ удовольствиемъ узналь я изъ по-
слѣдняго письма Вашего о присылкѣ къ Вамъ части
рукописи св. Варсануфія и воѣблагодарилъ Господа,
«исполняющаго во благихъ желаніе наше». Да буд-
детъ Ему слава и благодареніе за всѣ Его величія
милости къ намъ недостойнымъ.

Благодаю Васъ за покупку бумаги и прочія
сдѣланныя вами распоряженія. О деньгахъ не
безпокойтесь. Уповаю, что Господь пошлетъ намъ
ихъ вскорѣ. Напомню Вамъ только о Феропонтовѣ.
Вы дали ему 300 экз. св. Исаакія. Можетъ быть, онъ
уже успѣлъ выручить за нихъ что-нибудь? Потру-
дитесь узнать о семъ, и сообщите мнѣ, сколько Вы
отъ него получите, а остальная необходимая деньги
для печатанія я надѣюсь Вамъ доставить, конечно,
при помощи добрыхъ людей, а Васъ покорнѣйше
благодарю за готовность Вашу и усердіе — до вре-
мени помогать печатанію Вашими собственными
деньгами.

О домашнихъ неустройствахъ Вашихъ и я не
мало скорблю, но не нахожу иныхъ средствъ про-
тивъ нихъ, кромѣ тѣхъ, которая уже предлагалъ
Вамъ изустно и письменно. Господь многомилостивый
да водворитъ въ домъ Вашемъ миръ и спокойствіе
— усердно желаю сего, и испрашивая на Васъ
Божіе благословеніе остаюсь недостойный Вашъ
богомолецъ... Ивану Васильевичу изъявляю мое
почтеніе. Всѣмъ дѣтямъ Вашимъ мое благословеніе.
8 февраля. 1855 г.

4.

М. с. о. н. Г. И. Х. Б. н. п. н. Достопочтеннѣйшая
о Господѣ Наталия Петровна!

Вчера отправилъ я къ Вамъ съ крестьяниномъ вашимъ изъ Долбина письмо и деньги 1000 руб. сер. съ покорною просьбою положить ихъ въ Совѣтъ на два неизвѣстныхъ билета по 500 руб. с. каждый, и надѣюсь, что Вы получите эти деньги въ совершенной цѣлости и не отяготитесь исполненіемъ моего прошенія. Деньги эти принадлежать одной благодѣтельницѣ нашего монастыря. Субботу и Воскресенье провелъ у насъ Тертій Иванычъ Филипповъ и очень понравился намъ по своей христіанской, пріятной простотѣ и не изысканному деликатно-свободному обращенію. Господь да укрѣпитъ его на пути благочестія, и да поможетъ ему неуклонно идти противъ теченія міра сего. И братъ Тертія Ивановича былъ вмѣстѣ съ нимъ у насъ. Оба они хотѣли быть сюда еще дня на три (около 29-го Іюня) и, можетъ быть, встрѣтимся здѣсь съ Вами? Вчера благодарили я Васъ за присланныя 4 книги св. Варсануфія, и сегодня паки благодарю усерднѣйше. Спаси васъ Господи! Если можно будетъ отправить нѣсколько книгъ этихъ съ Вашими подводами, но только прошу Васъ, не затрудняйте себя исполненіемъ сей моей просьбы. Мы можемъ получить книги и съ другою оказіей, хотя не такъ скоро.

Испрашиваю на Васъ, Ивана Васильевича и всѣхъ дѣтей Вашихъ Божіе благословеніе и съ почтеніемъ моимъ остаюсь желающій Вамъ мира, здравія и спасенія недостойный богомолецъ Вашъ многогрѣшный Іеромонахъ Макарій. Не помню, благодарили ли я Васъ за покупку парчи; очень хороша, и прилична къ нашей матеріи. Простите, забылъ послать Вамъ деньги за оную. Дѣтямъ Вашимъ и всѣмъ семейнымъ съ Вами мое недостойное благословеніе.

Конецъ.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	Стр.
ПРЕДИСЛОВИЕ	5
I. Мѣстоположеніе и виѣшній видъ Опти- ной Пустыни	9
II. Внутренній укладъ жизни въ Оптий- ной Пустыни	21
III. Прошлое Оптийной Пустыни, ея возоб- новленіе при Московскомъ Митрополитѣ Платонѣ и устройство при ней скита	27
IV. Начало Оптийскаго Старчества: іеро- схимонахъ Левъ	34
V. Оптийский старецъ о. Іеросхимонахъ Макарій и его труды по изданію пи- саній старца Паисія Величковскаго	44
VI. Оптийский старецъ о. Іеросхимонахъ Амвросій	55
VII. Старецъ о. Амвросій — Устроитель Женской Казанской Шамординской Пустыни	80
VIII. Послѣдніе Оптийскіе старцы	97

П р и л о ж е н і я :

Письма И. В. Кирѣевскаго Іеросхимонаху Макарію	107
Письма Н. П. Кирѣевской Іеросхимонаху Макарію	144
Письмо Н. П. Кирѣевской отцу Игумену Моисею	157

	Стр.
Письмо Митрополита Филарета Н. П. Ки- рѣевской	159
Отвѣтъ Н. П. Кирѣевской на письмо Митроп. Филарета	160
Письмо Митрополита Филарета Іеромонаху Макарію	163
Письмо Н. В. Гоголя къ Оптинскимъ стар- цамъ	163
Письма С. П. Шевырева старцу о. Макарію	164
Письмо С. П. Шевырева И. В. Кирѣевскому	167
Письма Т. И. Филиппова старцу о. Макарію	169
Письмо М. Максимовича старцу о. Макарію	176
Письма В. Аскоченскаго о. Архимандриту Моисею	177
Письма оптинскаго старца іеросхимонаха Ма- карія къ И. В. и Н. П. Кирѣевскимъ	179
